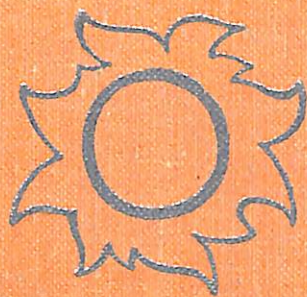

65.9/2 R41)

R 43

**ПЯТНАДЦАТЬ
НАРЕЧИЙ
В ЕДИНОМ РИТМЕ**

**БЛИЗКИЙ ДРУГ
ИЗ ДАЛЁКА**

МИР СМОТРИТ НА НАС

Издательство «Кыргызстан», Фрунзе — 1971

65.9/2 кч1
К 43

**КИРГИЗСТАН
ГЛАЗАМИ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ДРУЗЕЙ**

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ,
ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ,
ПИСЬМА, ЗАРИСОВКИ,
ОТЗЫВЫ.

Издательство «Кыргызстан», Фрунзе — 1974

АЕОНЕР

732-93 16-73
М 451(17)-74

7-3-2

© Издательство «Кыргызстан», 1974 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Снег уходит, земля остается — говорят киргизы.

Уходит в прошлое нынешний день республики, вылившись в емкую строку очередной страницы истории нашей многонациональной Родины. Но останется на века память о нем. Она будет жить в делах, совершенных нами сегодня, она бессмертна в людях, живущих рядом, в моем современнике, штурмующем космос и сеющем хлеб у самых снегов Алая, покорившем строптивый Нарын, обратив свирепую стихию горной реки в мириады электрических огней над седым Тянь-Шанем; она бессмертна и в типографской строке, родившейся под пером соотечественника или зарубежного друга. Время, сжатое в строки, не умирает — снег уходит, земля остается. Останется на века все то прекрасное, что завоевано киргизским народом за полвека напряженной каждодневной борьбы за коммунизм, за осуществление идеалов великого Ленина, ставших идеалами киргизского народа.

Успехи социалистической Киргизии в строительстве коммунизма очевидны сегодня для всех, в том числе и для наших зарубежных друзей, ежегодно приезжающих к нам из разных частей света, из самых отдаленных уголков земного шара.

В этой книге читатель найдет путевые заметки, статьи, очерки, зарисовки, высказывания зарубежных гостей, которых привели в наш высокогорный край маршруты международной дружбы. Среди авторов — великий сын чешского народа, наш замечательный друг Юлиус Фучик, известный датский писатель-коммунист Ханс Шерфиг, посетивший Киргизию в 1964 году, польские, чешские, французские, япон-

ские, американские журналисты, болгарский дипломат, видные государственные и прогрессивные политические лидеры, деятели науки, культуры и искусства социалистических стран, а также стран Азии, Африки, Западной Европы и Латинской Америки.

Тексты печатаются по переводам, опубликованным в советской печати.

**„ПЯТНАДЦАТЬ
НАРЕЧИЙ
В ЕДИНОМ
РИТМЕ“**

ИЗ ДНЕВНИКА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СССР

Исследовательская экспедиция в Среднюю Азию

(...) Сегодня двадцатое августа, и в дневнике мы находим очень трудный день: 24 мая. В этот день наша, состоящая из пяти членов,

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЫЕЗЖАЕТ

из Москвы, включив в свой состав двух наших московских гостеприимных хозяев, товарищей Бродскую и Форста, переводчика делегации.

На Казанский вокзал из гостиницы «Европа» нас везет автобус. Дело не столько в нас, сколько, пожалуй, в нашем багаже. Если вы едете на прогулку в Хухле¹, вы не забудете взять с собой семейные запасы. А нам предстоит пробыть в поезде не какой-нибудь час, мы будем жить в нем целых шесть дней, которые отделяют Москву от столицы Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики и местонахождения чехословацкого кооператива «Интергельпо» — от города Фрунзе, и из шести дней почти целых четыре мы проведем в степи.

В соответствии с этим нас и снабдили. Один гигантский ящик — наши сухие запасы: консервы, колбаса, хлеб (разумеется, и папиросы — ведь это военный паек), другой гигантский ящик — наша посуда и минеральная вода, отличнейший «Нарзан» из кавказских неиссякаемых источников. (Жаль, жаль, «Нарзан», что у нас ты уже иссяк!)

¹ Дачный пригород Праги.

ПЕРВОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ КОММУНЕ — ПРИВЕТ!

КОММУНЕ «ИНТЕРГЕЛЬПО» В ГОРОДЕ ФРУНЗЕ, КИРГИЗСКАЯ АССР

Уважаемые товарищи!
Мы знаем, с каким энтузиазмом готовились вы к переходу от кооператива к коммуне. Первого января 1931 г. вы станете ее членами. Ваш кооператив будет *первой коммуной пролетариев Чехословакии*. Далеко от нас — в Средней Азии — вы, уехавшие из Средней Европы, участвуете в создании мощного фундамента социализма. Вы превратили степь в белый городок и утвердили жизнь там, где царил мертвый покой. Из труб ваших цехов и фабрик идет дым — вы работаете, творите, вы, которые умирали бы здесь голодной смертью безработных. Над вашими белыми домиками развеваются красные флаги, вы свободны. Мы видели ваш труд, приглашенные вами и посланные чехословацкими рабочими и трудящимися крестьянами. И многие десятки тысяч рабочих и крестьян Чехословакии, которым мы уже рассказали о вас, уполномочили нас передать вам революционный привет пролетариата Чехословакии, революционный привет *первой чехословацкой коммуны, которая служит чехословацкому пролетариату примером и поддержкой в его борьбе за то, чтобы она недолго оставалась единственной*.

Прага, 29 декабря 1930 г.

Делегация в «Интергельпо»: Йозеф Червенка, кузнец, Алоиз Догнал, крестьянин, Юлиус Фучик, редактор, Елена Шнейдерова, жена шахтера, И. Штраус, строительный рабочий.

«Творба», 1930 г., № 51, 52.

Но все это — все ящики, чемоданы, пакеты и рюкзаки нашей экспедиции, напоминающей экспедицию на Крышу мира или на Северный полюс, — заслоняет могучий — нет, этого мало: колоссальный, всеобъемлющий жестяной чайник. Наш самый верный товарищ.

Мы садимся в вагон, на котором висит табличка с надписью по-казахски и по-русски:

МОСКВА — КРАСНОВОДСК

Это выглядит так же невинно, как «Прага — Пльзень» или «Брно — Братислава», но здесь поездка длится десять дней.

Вероятно, сейчас уже все знают, что русские вагоны шире, чем наши, так как там шире колес. Общеизвестно, что колес эти сделаны шире, чем во всех остальных государствах, из стратегических соображений: иностранные войска в случае войны не могут быть доставлены в одном и том же железнодорожном транспорте с территории соседних государств на русскую территорию. (Введено это с самого возникновения железных дорог в царской России — напоминаем об этом, чтобы никто не заподозрил Советы в военных приготовлениях!) Но несомненно, что эти вагоны как будто созданы для расстояний, которые приходится проезжать в советской стране. Входишь в купе, и у тебя впечатление, что ты вошел в уютную, просторную комнату, устраиваешься как дома, находишь свое лежачее место (можешь спать «на нижней полке» или «на верхней полке» — днем постель свертывается и полка освобождается) и едешь.

ГОРОД, ГДЕ «НАС» ЗНАЮТ

Ты едешь. Прекрасный майский полдень. Перед тобой широкие пространства полей.

— Ну, товарищ, в этом году будет урожай.

— Будет.

И действительно, год был урожайным. Мы убедились в этом на обратном пути — в ту пору во всех главных зерновых областях шла или уже кончилась жатва.

Поезд идет спокойно, в ушах не дребезжит его шумная мелодия: идет он не слишком скоро: тридцать километров в час.

После нескольких первых часов:

РЯЗАНЬ

Это город, где «нас» знают. Здесь очень хорошо знают чехословаков, познакомились с ними весьма близко. Тебе не нужно отходить далеко от вокзала и заниматься долгими поисками, чтобы найти первый памятник, воздвигнутый в честь простых мирных граждан, рядовых революционных рабочих, расстрелянных чехословацкими отрядами по доносу белогвардейских шпионов, попов, помещиков. «Они спасали несчастную Русь» от большевистских зверств. Спасали ее опустошением «несчастной Руси». Эти памятники напоминают о тех, кто стоял на страже пролетарской революции и пал жертвой наших «легендарных героев». Но о наших «легендарных героях» здесь никому не следует напоминать.

Я разговариваю на вокзале с одним железнодорожным служащим:

— Рана, которую вы нанесли нам, была очень глубокой, и не удивляйтесь, что шрам от нее еще не затянулся. Но сейчас мы уже знаем, что слово «чехословак» относится не только к самоотверженным союзникам белогвардейцев, которые лишили многих наших детей отца и матери, но и к тем, кто этим словом называют и рабочих вашей страны.

И мы стараемся знать о вас все. Мы узнали чехов и словаков того дела, за которое наши товарищи умирали от рук ваших земляков. Мы верим, что увидим чехословацких рабочих участников ваших земляков. И поверьте: мы там, у вас, ту роль, которую сыграли ваши земляки у нас, играть не будем...

Об очередях, банкетах и одном восстании

ПОЛЕМИКА ИЗ ПОЕЗДА

Мы даже удивлялись: третья, четвертая, пятая глава, а «Право лиду»¹ все еще не откликается! Оно молчало, молчало, и с его страниц не заговорил ни один из тех очевидцев и знатоков Советского Союза, которых у него всегда столько в запасе — в ящике редакторского стола.

И наконец: вчерашний «Вечерник Права лиду» получил срочную депешу одного личного свидетеля, который по счастливой случайности «вернулся на этих днях» после шестнадцатилетнего пребывания в России. Итак, поговорим с этим добрым человеком, чтобы скоротать время нашего пути.

Ехать мы будем долго — от Москвы до Фрунзе далеко, — и пока мы будем смотреть в открытые окна на поля, на которых работают советские рабочие, пока мы мельком увидим несколько новых колхозов, рабочих клубов и фабрик, выслушаем и при случае исправим сообщение, преподнесенное «Правом лиду» счастливо вернувшимся чехословаком.

Вплоть до прихода Красной Армии нашему чехословаку жилось прекрасно. У него был собственный магазин, он продавал часы и другие ценные предметы и радовался «всеобщему благосостоянию». Красная Армия, разумеется, ухудшила положение — но до 1927 года еще кое-как можно было просуществовать.

А с этого времени (далее приводится точная цитата) «положение начало ухудшаться очень быстро. Сейчас в России страшная нищета, недостаток продуктов, а также разменной монеты. Хлеб выдается по карточкам, и примерно 50 процентов жителей не получают хлебного пайка вовсе. Они должны доставать его на черном рынке, конечно за большие деньги. Белого хлеба не видит никто, кроме европейских делегаций (разумеется, намека на некую делегацию в этой статье не мог отсутствовать) да иностранцев. Хотя примерно заработок рабочего в Москве составляет 120—180 рублей (две-три тысячи чешских крон), но радоваться

¹ Центральный орган Чехословацкой социал-демократической партии, руководство которой в 30-х гг. находилось в руках правых оппортунистов.

этой зарплате он ввиду дороговизны не может. Ведь курица стоит на рынке 7—10 рублей, т. е. 100—170 чешских крон, фунт масла (400 граммов)—5 рублей, фунт говядины—1 р. 80 к., фунт свинины на рынке—2 р. 80 к.—3 р. Всех продуктов не хватает, особенно муки. Люди стоят по несколько часов в очередях, иногда с вечера до утра, причем утром нередко ничего не получают.

Естественно, что против такого положения ропщут, и даже открыто, хотя повсюду шпикеры. Особенно в последнее время, когда стала проявляться резкая нехватка и ряда других вещей первой необходимости, например, мыла и разменной монеты. Вместо нее пользуются особыми талонами или платят почтовыми марками. На фабриках строгий режим и рационализация, какой нет в Европе. Делегациям показывается только самое лучшее (на худой конец у «Право лиду» всегда припасена фраза о «Потемкинских деревнях»), для них предназначены также самые лучшие гостиницы и устраиваются банкеты. Россия разграблена, и достать можно только то, что контрабандой привозится из Китая.

Пан чехословак умолкает на время, и начинается наша полемика из поезда. Начинается с конца.

ДЕЛЕГАЦИЯ НА БАНКЕТЕ

За те месяцы, что наша делегация провела в СССР, она была ровно на одном «банкете». Этот банкет состоялся во Фрунзе — мы сидели в красивом «Дубовом саду», в столовой, где ежедневно обедают и ужинают сотни рабочих киргизской республики; мы ели среди сотен рабочих, за столом, который ничем иным не отличался от других, кроме того, что за ним сидели члены киргизского правительства (работные), члены городского совета (работные) и еще другие... рабочие; ни на ком не видели фрака, ни у кого не было напаченных волос, не текло шампанское. Мы пили «Нарзан», а единственный произнесенный тост мы не можем сообщить «Право лиду» в нашей газете, потому что на ее странице появилось бы белое пятно.

Всю же остальную дорогу, за небольшим числом исключений, мы ели в столовых, где питаются рабочие, ели как

раз в тех столовых, о которых пять или несколько дней назад «Право лиду» писало, что в них подают пищу, от которой людей отправляют на кладбище,— и все же мы до сих пор ходим, не ощущая желудочных схваток, и полны надежд на то, что у нас, по крайней мере, достанет сил дописать эти страницы своего дневника.

МЫ СТОИМ В ОЧЕРЕДИ

Мы стояли в разных очередях. Когда шли в кино, когда покупали железнодорожные билеты. А также и в очереди за хлебом. Правда, мы встали в нее не для того, чтобы купить хлеба. Хлеб мы *всегда* получали (как и все остальные посетители) в общественных столовых. Но в эту очередь мы встали именно из неуместного любопытства: нам хотелось узнать, что говорят рабочие об этой плохой стороне своей жизни и почему она существует.

Ведь это правда:

В отличие от одной демократической республики, где оборванные рабочие семьи могут наслаждаться сказочным великолепием первоклассного платья из английского материала... за витриной первоклассных портных, в отличие от одной демократической республики, где безработные буквально умирают от голода на пороге благоухающих вкусными ароматами ресторанов и где рабочие могут набожно смотреть на витрины гастрономических магазинов, обеспокоенные лишь бурчанием своих пустых желудков, в Советском Союзе магазины каждый вечер остаются без товаров, и каждое утро перед их дверями возникают очереди.

(Продолжение следует с примечанием: если «Право лиду» будет цитировать вышеприведенный отрывок этой главы, проверьте через 24 часа, появится ли в следующем номере продолжение статьи, в которой была приведена цитата.)

ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЮТ ОЧЕРЕДИ

Очередь — нечто такое, что с полным на то основанием пользуется у нас очень дурной славой. И в Советском Союзе никто — а это значит: ни руководящие работники, ни газе-

ты (которые, как мы здесь слышим, постоянно лгут) — не пытаются отрицать, что очереди перед кооперативными магазинами — явление негативное, что это просто-напросто недостаток. Но все дело в том, какой недостаток, ввиду чего он возникает и как будет устранен.

Советский Союз развивается. Растет его промышленность, растут его богатства — а вместе с тем растет жизненный уровень рабочего и трудящегося крестьянина. Но какая промышленность растет прежде всего? Тяжелая промышленность, производящая машины для новых фабрик, для новых колхозов и совхозов, для нового расширения промышленности. Если в 1924—1925 годах стоимость продукции тяжелой промышленности составляла шесть с половиной миллиардов рублей, то в 1929—1930 годах она составляет двадцать два с половиной миллиарда — рост, при котором нет в истории. Легкая промышленность, которая должна снабжать население текстилем, продуктами и другими предметами первой необходимости, по сравнению с этим, растет медленно. Она растет медленнее именно потому, что если из аграрной страны, какой была царская Россия, Советский Союз должен стать страной промышленности, то для этого нужны, во-первых, машины, во-вторых, машины, и в-третьих — опять-таки машины.

Вот почему легкая промышленность не поспевает за растущим жизненным уровнем рабочего (зарплата по сравнению с довоенной повысилась на 210 процентов).

Второе. Закладка основ социализма, перестройка всей социальной и технической базы в земледелии означает, разумеется, не ослабление классовой борьбы внутри Советского Союза, а, наоборот, ее обострение. Кулак, богатый крестьянин, вовсе не воодушевлен перспективой быть раздавленным экономической силой колхозов и совхозов. Он сопротивляется саботажем в кооперативах, сопротивляется уничтожением урожая, убоим скота, сопротивляется спекуляцией на рынке, точно так же как и яростной агитацией среди середняков. А поскольку «террор большевиков» заключается лишь в том, что, организуя социалистические элементы земледелия, они вытесняют из него капиталистические элементы, наступает переходный период трудностей в снабжении. Точнее сказать, наступил и кончился в этом году. Ибо

социалистический сектор земледелия, благодаря тому, что большевики сумели ясно показать бесконечные преимущества социалистического хозяйства середнякам и беднякам, которые все активнее и активнее вступают в земледельческие коллективы, уже сегодня на пятьдесят процентов превышает уровень, запланированный для него на конец пятилетки.

ОЧЕРЕДИ И ОБНИЩАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

И возникает такое логическое построение.

Если в СССР есть очереди, значит там рабочие живут в нищете, голодны, оборваны, короче говоря, им плохо. А раз им плохо, очевидно, что они недовольны, сопротивляются своему окончательному низведению на положение нищих, протестуют против режима, подчиняться которому их заставляет лишь диктатура Сталина, — и значит все-таки правы разные там «Право лиду», утверждающие, что в СССР дело доходит до восстаний, которые потом кроваво подавляются. Стоп!

Таков возможный ход логического рассуждения. Попробуем первому встретившемуся нам советскому рабочему сообщить его.

«Ничего подобного, — скажет он со смехом. — Трудности? Это же совершенно понятно: если ты полезешь на самую высокую гору в мире, то не встретишь на пути заранее приготовленных гостиниц.

Мы же делаем нечто большее: мы строим социализм. А голод и обнищание — ну, посмотрите же, где тут они?!»

Мы смотрели. Спрашивали. Мы жили только среди рабочих все время своего пребывания в СССР. Мы видели очереди. Но нигде мы не видели голода и нищеты. Рабочий стоит в очереди, но всегда получает все необходимое для того, чтобы хорошо жить. Были мы, например, в Самаре. И как раз застали так называемый «мясной кризис», нехватку мяса. В чем же заключается этот «мясной кризис»? В том, что рабочие три дня в течение пятидневки ели мясо по два раза в день и два дня только один раз — в полдень. Вечером оно было заменено овощами и мучными блюдами. Сколько раз

в месяц едите мясо вы, читатели нашей газеты, и ваши товарищи на фабриках?

Да, это правда. У нас в лавке мясника никогда не бывает недостатка мяса. Ломятся склады. Магазины полны хлебом, витрины полны колбасами, ящики полны маслом — только желудки наших рабочих пусты.

А там — и это тоже правда — в магазинах после дня торговли не остается ничего, но в них всегда достаточно товаров для того, чтобы рабочий не был голоден.

То же относится и к крестьянам. Одна из менее значительных причин трудностей со снабжением в городах — повышение жизненного уровня середняков и бедняков. Крестьянин, который раньше, до революции, должен был продавать каждый грамм масла, каждое яйцо, чтобы заплатить подак и аренду, теперь эти яйца, это масло может есть сам, может жить по-человечески.

На свидетельства высокого жизненного уровня советского рабочего и крестьянина мы наталкивались везде, так же как везде мы наталкивались на очереди. В маленьком промышленном городке мы видели, как рабочие стоят в «очередях за... велосипедами». Можете вы себе представить, чтобы даже в столице чехословацкой республики нашлось в один день столько рабочих, имеющих средства купить велосипед, чтобы они наполнили хотя бы один маленький магазин? Советские рабочие имеют средства купить велосипед, что фабрики могут произвести. И это называется обнищанием?

Хорошо сказал об этом один из рабочих — мы встретили его в Ташкенте, — когда на наш вопрос об очередях ответил шуткой: «Знаете, через год вы не увидите очередей за хлебом, исчезнут очереди за мануфактурой, но мы по-прежнему будем стоять в очередях... теперь уже за автомобилями или за аэропланами».

Мы прощаемся с одной частью света

ПРАВООЧИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ О КОЛХОЗАХ

...Проехать гигантское расстояние, которое отделяет Москву от Фрунзе, центр европейской части Советского Союза от Средней Азии, в самом деле не быстро и не просто.

Итак, прежде всего — европейская часть. Мы доехали до Рязани, потом была Самара, затем Оренбург. Мы проезжали места, где уже выросло большое количество коллективных хозяйств. Часто железная дорога являлась границей какого-нибудь колхоза, и все было как в нравоучительном рассказе, автор которого признает только черное и белое. Черное мы видели справа: крошечные единоличные хозяйства, плохо обработанная земля, целые поля, лежащие нераспаханными, маленькие пригнувшиеся к земле избушки крестьян. Но когда мы поворачивались налево, когда мы смотрели в противоположное окно вагона, мы уже видели тракторы, видели богатые всходы, новые здания, амбары, новые поселки. Там был колхоз. Совсем, совсем как в нравоучительных рассказах. Только позднее нам стало ясно, что видели мы более, чем хорошо.

ПЕРВАЯ СТЕПЬ — КОНЕЦ ЕВРОПЫ

Мы оставляем позади Сызрань, по мосту весьма внушительной длины (1445 метров) переезжаем Волгу, ночью проезжаем Самару и, проснувшись утром, уже видим степь и первых верблюдов. Поезд поднимается по самым южным отрогам Урала, кружит, пыхтит. На этой дороге Оренбург — последний большой город европейской части СССР. Вдохните!

Приближается Илецк. Вот и он остался позади.

Конец Европы. Мы прощаемся с одной частью света. Поезд идет медленно — и все-таки мы уже в Азии.

Гм, Азия; но ничто не изменилось, здесь другие люди, у них иные глаза и речь, но та же цель: построить социализм.

Турист с усыпанным звездочками бедкером в руке был бы, возможно, очень взволнован, впервые увидев Азию. Эту другую часть света. А мы были взволнованы, увидев нечто совсем иное: ведь и над этой частью света реял *красный флаг Советов!*

КАЗАХСТАН

Безусловно, нам начинает становиться теплее. Это еще не тот палящий зной, о котором мы читали и о котором нам рассказывали: еще можно совсем неплохо жить, есть, читать и спать, — но, несомненно, разница в температуре до и после Оренбурга ощутительна.

Широкая голая степь. Только здесь и там появляются юрты, большие шатры кочевых казахов, и вокруг немногочисленных станций вырастают маленькие глиняные домики со смуглыми жителями, у которых плоские лица, черные волосы и раскосые глаза.

И все же мы проезжаем здесь по богатой земле, которая при царской власти столетиями лежала неиспользованной, а всего за несколько лет власти Советов пережила изменения, знаменующие кардинальный переворот. Здесь находится Эмба, река, которая дала название огромному району залежной нефти, самой чистой нефти во всем мире. Только при Советской власти здесь началась добыча, эксплуатация этих богатых нефтяных источников. Поезд тяжело преодолевает нагорье Мугоджар. За ним: Бер-Тшогур с угольными месторождениями, богатство которых оценивают в 90 миллионов тонн. Но что такое Бер-Тшогур против Челкара, от которого до самой китайской границы — по местностям с непривычными названиями, овеянными ароматом экзотики: Эки-Бартус, Кендердык и т. д., — тянутся угольные пласты, оцениваемые в 580 миллионов тонн.

На несколько часов мы оставляем размышления обо всем этом богатстве. Дело в том, что кончилась степь — теперь даже и степи нет! — есть только пустыня. Песок, песчаные волнистые наносы, да то здесь, то там сухой куст, посаженный для защиты железнодорожного полотна от движущихся песков. Пустыня Вол-Барсуки. Пыль, которая сопровождает нас в течение всего пути степью, становится назойливее. Герметически закрытые окна вагонов не могут устоять перед ней и пропускают целые тучи этой тонкой пыли, которая густым слоем покрывает наше чистое спальное купе.

ГОРОД В СТЕПИ

Но и степь не бесконечна, хотя именно этот эпитет наиболее употребителен, когда говорят о ней.

Мы подъезжаем к станции Саксаульская. Раньше здесь было несколько юрт, ничего больше. Но пятилетка определила, что Саксаульская должна стать железнодорожным городом. Посреди степи должно возникнуть новое большое здание вокзала, целый город для железнодорожников, гостиница для пассажиров (этого достижения культуры вы пока еще не найдете на всем протяжении пути от Оренбурга до Фрунзе — 2300 километров), паровозостроительный завод, железнодорожные мастерские и т. д., и т. д.

Мы говорим: Саксаульская должна стать железнодорожным городом. А что она представляет собой сейчас? На том месте, где еще в 1928 году стояло лишь несколько юрт, раскинулась большая колония хороших односемейных домиков для 2000 железнодорожников, построены уже первые цеха железнодорожных мастерских, первые помещения для паровозов, уже проложено несколько новых запасных путей и стрелочных переводов.

Это Саксаульская.

Но так же, хотя бы и не столь быстро, развиваются и другие города в степи. *Казалинск*, город, известный у нас по фильму «Сорок первый». *Кзыл-Орда* (Красный Город — название, которое он носил еще до революции), бывшая столица Казахстана (теперь ею стала Алма-Ата), с низкими домиками и бурной коллективизацией в окрестностях. *Туркестан*, дававший раньше имя всей Средней Азии, и *Арысь*, сейчас очень важный железнодорожный узел.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА ПЕРЕД ФРУНЗЕ

Утром 28 мая мы проснулись уже не посреди пустынной степи. В окно купе была видна река, оросительные каналы; желтизна степной растительности сменялась более веселой окраской, появились деревья, сады, цветы и плодородные поля.

Мы проезжаем Сыр-Дарью, реку, наиболее щедро дарящую жизнь степи, через несколько часов Бугунь, потом ре-

ку Арысь и за ней — последнюю станцию, на которой мы остановимся перед Фрунзе.

Это Арысь. Арысь была крошечным полустанком, каких на магистрали Москва — Ташкент десятки. Сегодня это уже не маленький полустанок. Сегодня это значительный железнодорожный узел. Здесь от главной магистрали ответвляется 573-километровая дорога до Фрунзе, та дорога, которая у станции Луговой дает новое ответвление — прославленный Турксиб.

Старая станция уже основательно расширена, но этого недостаточно.

Для того, чтобы работа транспорта была налажена, предстоит еще преодолеть много трудностей. Пассажир сам почувствует одну из них: во всей Арыси вы не найдете себе крова. Все, что здесь было, занято. Новые домики предназначены в первую очередь для железнодорожников — на строительство пристанища для пассажиров не хватило времени. Зато у вас, поскольку вы приехали в шесть часов вечера, а поезд уходит только в восемь утра, вполне достаточный запас времени, чтобы решить, где и как провести ночь, отделив вас от отъезда: будете ли вы спать в степи под огромным звездным небом или на ступенях вокзала под той же «крышей».

У нас, в самом деле, еще много времени. Мы ужинаем и идем... в кино. В большом саду, обнесенном глиняной стеной, собралось уже несколько сот жителей Арыси, русских, украинцев, но, главным образом, казахов, и вот в одном ряду с ними стоят или сидят пять чехословаков, смотрящих «Красных дьяволят» — «Красных волчат» (так название этой занимательной и веселой истории было переведено на чешский язык, когда она вышла отдельной книгой в Коммунистическом издательстве).

На экране: казахские и русские титры, Красная Армия, бои с батькой Махно — а внизу под экраном радостные, взволнованные лица казахов, чтение хором, смех, выкрики.

Кино в Казахстане! Мы идем назад к вокзалу. Ночь. Звезды. Теплый воздух. Безветрие. Через несколько часов мы выедем во Фрунзе.

Пятнадцать наречий в едином ритме

ВПЕРВЫЕ — ТУРКСИБ

Магистраль, которая идет от Арыси до Фрунзе, была до революции построена лишь частично — только до Аулие-Ата. Сейчас, когда Турксиб достроен, вся эта магистраль подчинена административному управлению Турксиба; но управлению дороги приходится не только администрировать: от Фрунзе к горам уже растет новая магистраль к Токмаку и на Рыбачье, к озеру Иссык-Куль и дальше в глубокие долины, лежащие посреди заснеженных вершин Тянь-Шаня.

Сразу за Арысью — начинается этот гигантский подъем. По большой дуге поезд объезжает Арысь, и раньше, чем мы приближаемся к Чимкенту, вдали уже вырисовывается белый Александровский хребет, нагорье, растянувшееся на несколько сот километров. Мы не потеряем его из виду в течение всего времени нашего пребывания в Киргизстане. Белые облака на белых ледниках — для нас в этом есть что-то таинственное, и это очень красиво.

Аулие-Ата.

На какой-то момент мы въезжаем на территорию Киргизской автономной республики. Но горные склоны принуждают магистраль делать большие изгибы по краю долины — и мы вновь на несколько часов возвращаемся в Казахстан.

Еще одна ночь в поезде.

Рано утром: Луговая. Мы находимся так близко от снежных гор, что нам холодно. Косые лучи солнца играют на сочной зелени лугов; мы вдыхаем чистый холодный воздух. Прозрачное горное утро, полное ярких красок, которые пробуждают в нас необычайную бодрость. Это горное утро еще прекраснее, чем другие: его делают таким зеленым луга, белые ледники, синее небо... красные склоны гор. В буквальном смысле слова красные: на них алеют волчий мак и красные тюльпаны. Сейчас пора цветения. Когда мы поедem назад, здесь будет только желтая степь.

Но все это не самое важное. Самое важное заключается в том, что Луговая — маленькая деревушка на фрунзенской магистрали — стала сегодня станцией с мировой славой.

Знаменитейшая магистраль мира, протянувшаяся на тысячу четыреста сорок два километра по степям, пустыням и нагорьям до самой Сибири, до Семипалатинска. Мы впервые видим ее.
Впервые видим Турксиб!
Понимаете, что это для нас значит?

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ПЕРЕД ЦЕЛЮ

Потом нас охватывает нетерпение. Уже близка цель нашего путешествия: Фрунзе, станция Пишпек.

Мы дали телеграмму из Арыси. Встречает нас кто-нибудь? Будем ли мы знать, куда идти? Прощаемся с купе. На несколько дней наступает перерыв в нашей жизни на колесах. Неделя проведена в поезде. И теперь мы опять... на твердой земле.

Полдень. Мы должны были приехать во Фрунзе в десять часов утра. Но поезд идет без опоздания. Мы прибываем вовремя. Разгадка этого чуда — в направлении нашего маршрута: мы едем на восток, и товарищ Ч. не поспевает в течение всей поездки переводить свои пражские часы: на пути от Праги до Москвы нужно подвинуть их стрелки на час вперед, а от Москвы до Фрунзе... на четыре часа. В то время, как мы окончательно опустошаем ящики с нашими запасами, последний раз обедая в экспрессе, в Праге люди только начинают свой утренний труд. Мы на пять часов впереди. На пять часов старше, чем были бы, оставшись в Праге.

Через пять часов над пражанами будет плыть то же солнце, которое плывет сейчас над нами. С ним мы посылаем вам свой привет, земляки! Это самый быстрый гонец.

За время поездки мы успели познакомиться со всеми пассажирами.

«Делегаты из Чехословакии?» — «Да».

И вот мы стали каким-то праздничным номером для всего поезда. К нам приходили гости, объясняли, рассказывали, спрашивали. Наши записные книжки наполнялись за-

метками. Каждое утро и полдень, когда мы стояли на станциях в очереди, чтобы наполнить свой гигантский чайник у крана, из которого для каждого даром течет кипяток, люди рассказывали нам о себе и о своей стране. И это было приятное развлечение. Зато оно было куда менее приятным, когда нам приходилось рассказывать о том, как обстоят дела у нас на родине.

Теперь мы прощаемся со всем этим.

Те, которые выходят на станции, не доезжая Фрунзе, не забывают еще раз на минутку заскочить к нам: «Мы вас давно ждем. Думали, что вы приедете к Первому мая. А потом перестали и надеяться. Такое опоздание! Во Фрунзе, наверное, будут удивлены. Никто не знает, что вы приедете».

Ну, никто не знает?!

Однако знали! Когда мы были уже второй день во Фрунзе, нам рассказали об этом.

Нас уже даже перестали ждать. Но около восьми часов утра (по московскому времени) или около двенадцати по местному зазвонил телефон в одной из канцелярий чехословацкого кооператива «Интергельпо». Говорила Аулие-Ата.

«Здесь проехала рабочая делегация из Чехословакии!»

Этого известия в «Интергельпо» ожидали уже 30 апреля. Но получили его — благодаря тому, что дорогое правительство чехословацкой республики отказалось выдать нам паспорта — ровно через месяц: 30 мая 1930 года. Никто, в самом деле, не был подготовлен. Но заработал телефон, загудела сирена текстильной фабрики, и в два часа, когда поезд приближался к станции Пишпек, на вокзале стояло уже несколько тысяч фрунзенских рабочих и работниц.

СТАНЦИЯ ПИШПЕК — ФРУНЗЕ

Поезд останавливается. Конец магистралей. Дальше ехать нельзя.

Яркое палящее солнце. Оно обжигает нам лица и слепит глаза, когда мы высовываемся из окон вагона.

Там, на вокзале, — толпы рабочих. Наши земляки, свободные рабочие из Чехословакии, лица русских, киргизских, узбекских, украинских товарищей. А над ними красные транспаранты, красные знамена.

Знаете ли, сейчас мы вам не можем точно описать, как мы выбрались из поезда, как мы вдруг неожиданно оказались посреди шумной радостной массы людей, как перед нами вдруг возник стол, превратившийся в импровизированную ораторскую трибуну.

Теперь мы можем признаться, как мы были тогда расстроены. Не тем, что нас торжественно встречали, но тем, какой свободной, радостной была эта встреча, как вольно все здесь себя чувствовали, все — и мы в том числе.

Нас приветствовали. Выступали представители «Интергельпо», киргизского правительства, партии, заводских рабочих, Красной Армии — мы отвечали. Мы не будем воспроизводить здесь эти речи. Незачем в сотысячный раз показывать вам, как выглядит цензурная конфискация на страницах этой газеты. Сначала мы говорили, правда еще под некоторым влиянием собраний в ЧСР, словно за спиной у нас стоял полицейский комиссар, напоминая о тюрьме. Но потом мы с восторгом вспомнили: ведь мы в свободной стране, *здесь мы свободны!*

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Звучат последние приветствия и поздравления. Оркестры «Интергельпо» и киргизской Красной Армии исполняют гимн пролетариата:

«Интернационал».

И вот тысячи рабочих и рабочих поют:

«Интернационал».

Да, настоящий, подлинный «Интернационал». Международный гимн революционных рабочих звучит здесь на *пятнадцати разных языках*.

Здесь поют киргизы, узбеки, русские, чехи, немцы, венгры, словаки, украинцы, поляки, татары, казахи из степей и дунгане с гор — пятнадцать наречий в едином ритме, в ритме революции, в ритме социализма.

И пятнадцать наречий в едином ритме обращаются к солнцу и широкому земным просторам:¹

¹ Ниже следовали строки «Интернационала», текст которых был конфискован чехословацкой буржуазной цензурой.

Вопросы и ответы

ПОД МАРШ В «ИНТЕРГЕЛЬПО»

С вокзала мы торжественным шествием направляемся в «Интергельпо». До самого города Фрунзе еще восемь километров, но наш кооператив находится всего в нескольких минутах от станции. Кооператив? То, что мы видим, это целый городок. Ровные, широкие улицы, высокие тополя вдоль арыков (арык — канава, канал оросительной системы, без которого здесь невозможна никакая жизнь), и в их тени, среди богатых садов, белые односемейные домики. Вон то большое здание — школа. А возле нее новостройка, на которой уже сверкает жестяная крыша, — это новый клуб. За ним гудит сирена текстильной фабрики, а неподалеку от нее — кожевенный завод.

Таким предстало перед нами «Интергельпо» в первый момент, когда мы топтали обильную пыль Киргизии, шагая под марш оркестра по изъезженной колесами степи.

Мы внимаем этому маршу совершенно механически. Слишком много всего для одного раза. Мы доехали. Достигли цели своего пути — это первое. Слышим здесь — в Средней Азии — разговор на языках Средней Европы — это второе. А потом (и это главное): *вопросы*. Нас, приехавших сюда, чтобы спрашивать, прежде всего забрасывают вопросами, настойчивыми, поспешными, серьезными и несерьезными, — задают их наперебой один за другим, и наше счастье, что в этот момент еще никто не ждет мгновенных ответов:

Как там у нас? Что говорят об «Интергельпо»?

Это правда, что в стране уже 350 тысяч безработных? Что делает Кладно? Насколько сильна сейчас партия? Готовы ли чехословацкие рабочие дать отпор войне? Когда? Что? Как?

Пока мы шествуем, вопросы задаются беспорядочно. Но вот мы оказываемся посреди большого хозяйственного двора, с одной стороны которого расположены цеха, а с другой — канцелярии «Интергельпо». Тут вопросы приобретают уже организованный характер, и начинается настоящее интервью.

Вопросы и ответы. Такова программа наших первых часов в «Интергельпо» — программа, которая, разумеется, точно выполняется всеми, кто приезжает, и всеми, кого ожидают.

Потом нас разделили между членами кооператива. «Мы пригласили вас к нам, товарищи, чтобы вы собственными глазами видели, как мы живем и работаем. Вы будете жить здесь так же, как мы. Мы не приготовили для вас ничего большего, чем то, что имеем сами...» Мы будем здесь жить так же, как они. (Как нам грустно сегодня, что мы больше уже не можем так жить!)

ЛИСТ БЕЗ «ДО»

Вечером мы выезжаем — на грузовой машине — во Фрунзе. В театр.

Нас отделяет от него примерно восемь километров. Мы проезжаем Дунгановкой, деревней, или, если хотите, предместьем Фрунзе.

Фрунзе — совершенно европейский город, если сравнить его с Москвой. В нем даже планированные улицы, и опять та же широта, прямизна и тень тополей, что и в «Интергельпо».

Театр еще пахнет новизной. Он был построен недавно за два с половиной месяца под руководством строительного рабочего из «Интергельпо». Каменщик — архитектор!

А сегодня?

Сегодня тот же каменщик — директор театра. У него есть способности для того, чтобы ведать решением художественных вопросов, он научился хозяйственному руководству, и уже сегодня через его руки проходит семь миллионов рублей в год. Он стал «выдвиженцем», рабочим, выдвинутым непосредственно от труда на ответственную советскую работу.

Таким образом, Фрунзенский театр, в котором мы сейчас сидим, можно сказать, целиком дело рук чехословацкого каменщика. Но сам он не столь нескромен, чтобы так думать, и он более чем прав. Этот театр создали для себя местные рабочие самых различных национальностей, ибо для театра нужно не только здание, кресла, сцена и зрительный

зал, для него нужна прежде всего посещающая его публика, восприимчивая публика, способная дать театру жизнь своим контактом со сценой, которому не мешает рампа. И как раз такая публика есть во Фрунзе, как и в огромном большинстве театральных залов Советского Союза.

В концерте, на котором мы присутствовали, выступали артисты московских и ленинградских театров. Отличные декламаторы, певцы, музыканты. Один из них носит звание «Заслуженный артист республики», звание, которое не так легко получить. Артисты из Москвы и Ленинграда — во Фрунзе! Да во Фрунзе — и не только здесь. Во всех более или менее значительных населенных пунктах Советского Союза вы найдете в течение двух-трех или четырех месяцев театральных каникул артистов лучших столичных театров. На небольших сценах маленьких городов они выступают перед киргизами, узбеками, бурятами, грузинами, украинцами, немцами, русскими, перед всеми бесчисленными народностями бесчисленных областей Советского Союза — и везде их понимают.

Эта культурная связь взаимна. В то время как московский артист декламировал Маяковского перед киргизскими гражданами города Фрунзе, киргизские артисты исполняли свои пьесы на Международной театральной олимпиаде в Москве. В СССР осуществляется непрерывный живой контакт между всеми национальными культурами — все они учатся друг у друга.

Итак, мы сидим и слушаем москвичей. Певица, которая перед революцией в царской опере демонстративно прервала пение, когда царь со своей свитой пришел в театр с опозданием, теперь весело беседует с публикой, сговариваясь, какую песенку ей исполнить. На шее у нее светится красивое ожерелье, на руках — браслеты, вечерний туалет резко отличается от простой непритязательной одежды зрителей — но даже это не мешает, даже это не создает границы между сценой и зрительным залом.

На сцене рояль.

Черный концертный рояль на двух ножках. Третья была ампутирована черт знает когда — ее заменяет стул. Рояль — вещь редкая. На пальцах одной руки вы могли бы пересчитать братьев этого концертного рояля в целом Фрунзе и его

окрестностях. Но вы поставьте вопрос так: рояль и средне-азиатская колония царской России, куда никогда не привозили даже на копейку ничего, что могло бы как-либо способствовать культурному, или экономическому, или политическому росту населения. Единственным, что туда посылали, были губернаторы и царская полиция. А они вербовались из числа самых отъявленных мошенников и самых жестоких живодеров.

А теперь здесь рояль. Рояль, за которым сидит московский пианист и играет Листа. Бравурно бегают его пальцы по клавишам — и все же слышишь погрешность: в гамме отсутствует нота «до».

Лист без «до».

Но ты убеждаешься, что это вовсе не так важно. Можно представить себе смятение пражских любителей музыки, если бы что-либо подобное случилось в Праге. Они бы не слышали Листа, они слышали бы только отсутствие «до». А здесь это Лист, хорошо исполняемый Лист. И никто в этом не усомнится.

Суть дела, однако, не в этом, заслуга не то, что отсутствие одной струны в рояле здесь никому не мешает. Заслуга то, что в пяти тысячах километров от центра люди умеют преодолеть трудности, умеют напрячь все силы, чтобы выполнить задачу, возложенную на них властью рабочих и крестьян.

Они не испугались ни отсутствия струны «до», ни двух ножек у рояля, не испугались ни 99 процентов неграмотности, ни труднодоступности горных юрт, и везде, не только на сцене города Фрунзе, но и высоко в горах Тянь-Шаня, повышают культуру всего народа.

«Руды вечерник» 20, 21, 22, 25 августа, 1, 2, 4, 5, 8, 11 сентября 1930 г.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КИРГИЗИИ

Строителям Социалистической Киргизии прощальный привет от делегации чехословацкого пролетариата, всем товарищам, которые строят Социалистическую Киргизию, которые дали нам возможность увидеть своими глазами это великое дело, — прощальный привет. Мы ехали в страну, о которой буржуазные сказочники рассказывали как о дикой экзотической стране. Но мы попали в страну, темпы строительства которой значительно выше, чем в самых передовых «нацивилизованных» странах капиталистического Запада. Единая кровь течет в жилах пролетариата Киргизии. Единая воля и творческая сила сплачивает его своей энергией. Трудящиеся Киргизии заразили нас. То, что мы получили здесь у вас, мы повезем всему пролетариату Западной Европы. Спасибо вам за все. Мы обещаем, что не устанем в своей работе до тех пор, пока великая стройка социализма не начнется у нас, в будущей Чехословакии.

«Советская Киргизия», 21 июня 1930 г.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА ВОСТОКА»

Наша делегация, прибыв в Среднюю Азию, была поражена колоссальнейшим размахом строительства. В особенности мы убедились в этом, побывав в Киргизии и Казахстане, в частности во Фрунзе и Алма-Ате.

В то время как капиталистические страны поражены острой безработицей (миллионы безработных пролетариев вынуждены буквально влачить жалкое существование), Советский Союз, благодаря социалистической стройке, не только ликвидировал безработицу, но фактически еще нуждается в больших кадрах обученных и подготовленных людей. Наше пребывание в Средней Азии убедило нас еще в том, что европейское и местное население республики рука об руку, без проявлений шовинизма и национализма, строит, индустриализирует, коллективизирует этот огромный край.

«Правда Востока», 30 июня 1930 г.

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСА ФУЧИКА ГУСТЕ ФУЧИКОВОЙ

Фрунзе, 11 июня 1930 г.

Папа, мама и все близкие! Чувствую себя замечательно. Ем за четверых, в чем не ощущаю ни малейшей разницы между Средней Азией и Средней Европой. Только климат здесь несколько иной. Сегодня было 48 градусов. Мой загар соответствует этой температуре. Если я проведу здесь еще месяц, то даже специалист не отличит меня от киргиза. Я абсолютно счастлив. Встречают нас прекрасно. Мы во Фрунзе уже 14 дней и пробудем еще пять, хотя первоначально рассчитывали всего на пять. Нас не хотят отпускать, и самим нам уезжать не хочется. Когда тебе, Либуше¹, кто-нибудь опять будет болтать о здешних ужасах, помни, что над тобой бесстыдно издеваются. Я тут счастлив и доволен, а главное — здесь такая свобода и покой, что мы просто расцвели.

¹ Младшая сестра Фучика.

Арысь, 9 июля 1930 г.

Большой привет, путница, любящая бродить по горам. Сейчас я как раз смотрю с высоты 3400 метров на долину и голые горные склоны и вспоминаю те маленькие и красивые холмики, которые называют Крконошами¹. Здесь же горы немного превышают 4600 метров, но подняться до вершины я не могу: солнце уже постепенно клонится к закату, и мне пора спускаться вниз, где ждет автомобиль и вся делегация. Здесь я один, только в нескольких сотнях метров подо мной видны киргизские юрты, где два часа назад меня так славно угостили. Девочка, никогда я не чувствовал себя таким свободным, как здесь. Тут прекрасно, и то, что я вижу в СССР, превосходит самые смелые мои предположения. Передай всем привет и скажи, что за увиденное мною стоит биться.

¹ Горы на северо-западе Чехии.

ИЗ ОЧЕРКА «О ГЕРОЯХ И ГЕРОИЗМЕ»

Мы... живем в героическую эпоху. В такую эпоху, что если бы будущее, вместо истории, захотело иметь легенду, эпическую песнь об одном дне современной жизни можно было бы петь целый месяц, как поют в киргизских юртах древнее предание о Манасе. Но не нужно легенд. Герой нашей эпохи неизмеримо более велик, чем Манас, следы которого превратились в райские долины в Тянь-Шане, а слезы — в огромные озера. Следы героя новой эпохи создают целый новый мир, а его кровь смывает все паразитические нечистоты. Герой нашей эпохи — пролетариат, и он, только он рождает героев человечества.

«Свет práce», 1934 г., № 8.

ПО КОЛХОЗАМ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Материалы, заметки и разговоры)

Андижан, 30 декабря 1934 г.

...Когда в 1930 году я ехал в киргизские горы, мне дали во Фрунзе револьвер.
«Зачем?»
«В горах еще держатся басмачи. И мананы снова поднимают голову. Ибрагим-бек появился на советской территории».

Ибрагим-бек был самым прославленным военачальником басмачей. Жестоким, отважным и ловким военачальником. Но его банды уже в минувшем году были наголову разбиты, разогнаны, разоружены, и сам Ибрагим-бек спасся только благодаря бегству за границу. Откуда он взял теперь свои новые войска, откуда он взял оружие, откуда он взял деньги для организации своей новой армии?

Эта загадка была выяснена лишь в 1931 году, когда Красная Армия еще раз и уже окончательно разбила басмаческие банды, а красные сами захватили в плен грозного Ибрагим-бека.

Ибрагим-бек был хитер и коварен. Ему не хотелось верить, что его игра окончательно проиграна. Он пытался спастись с помощью подкупа. Когда красные передали его Красной Армии, Ибрагим-бек предложил командиру за свою голову красивые часы.

Командир с усмешкой взглянул на их марку.

Часы были... английские.

И не только часы: и оружие, и деньги, которыми Ибрагим-бек воспользовался для своего нового набега, были даны английскими капиталистами, давно мечтавшими превратить Среднюю Азию в свою колонию.

А узбекские «патриоты» аплодировали армии Ибрагим-бека, довольно потирали руки, предвкушая удачное осуществление английских замыслов. Узбекистан в качестве английской колонии был для них в тысячу раз приемлемее Узбекистана — советской республики.

И разве после опыта «дружбы» заклятых врагов — французских, немецких, чешских и польских фашистов — мы не можем сказать, что своей антинациональной политикой узбекские националисты мало чем отличаются от националистов европейских стран?

«Руде право», 27 января 1935 г.

ПРАВДА, КОТОРАЯ УЧИТ

(Из письма жене)

Москва, 9 февраля 1935 г.

Моя милая, дорогая Густина!
Ты мне нужна как помощница. Нужна именно ты. Чтобы я мог «Ковать свои планы».

...Материал, привезенный мною теперь из Средней Азии, очень богат и интересен... Скажем, «Интергельпо»*. Я был там вторично и только теперь понял, как много дает «Интергельпо» для понимания разницы между Советским Союзом и капиталистическими странами. ...Это вот одна линия.

С этим, само собой разумеется, связана и другая линия — рост отсталой Киргизии, бывшей царской колонии, которая сейчас превращается в новую советскую республику. И виден не только этот рост. Не менее очевидно и то, что «иностранным», приехавшим учить киргизов строить социализм, самим только здесь учатся социализму. Благодаря конкретному руководству партии они расстаются с ненаучными, утопическими идеями и посвящают себя целеустремленному и сознательному строительству социализма. И страна меняется. В степи, где интергельповцы заложили первое «промышленное предприятие» — другими словами, вырыли яму и наделали кирпичей из глины, — стоят теперь интергельповская текстильная фабрика, большая современная мельница, электростанция, прекрасная большая консервная фабрика, кожевенный завод и так далее. Кочевники с гор приехали в долину посмотреть на все эти чудеса — и теперь это грамотные люди, мастера. Те, кто совсем недавно покупал себе жен, теперь преподают политграмоту. Басмачи, которые еще в 1931

* Коммуна переселенцев из Чехословакии, созданная в Киргизии в 20-е годы международной рабочей организацией помощи («Интергельпо»).

году боролись против Советской власти, теперь строят шоссе в горах и соединяют с миром места, что тысячелетиями были отрезаны от него горами высотой в три и даже шесть тысяч метров. «Бедная земля гор» с единственным богатством — горными пастбищами — вдруг становится землей чрезвычайно богатой, потому что в ней открываются огромные залежи угля, серы, нефти, ртути и т. д.

Вот та, другая, линия, которая должна быть в моей книжке. Экономическая и национальная политика Советского Союза, показанная на примере одной пока еще отсталой республики.

«Советская Киргизия»,
7 ноября 1962 г.

«Известия», 4 ноября 1962 г.

Ташкент, октябрь 1935 г.

Говорят, в Риме есть колодец, обладающий волшебной силой. Если напьешься из него воды, полюбишь Рим глубокой любовью и будешь к нему возвращаться снова и снова. Так рассказывают люди, которые любят легенды.

Не знаю, какой из арыков Средней Азии мог бы дать воду, годную для подобной легенды. Вода в них слишком мутна, чтобы поэты избрали ее в качестве символа любви, а у самих арыков гораздо более важные заботы: поить поля хлопчатника, степные оазисы, тенистые заросли карагача, яблони, цветы. Пить из арыка — удовольствие не из приятных. Прежде чем к нему привыкнешь, с тоской считаешь дни, требующиеся для того, чтобы тифозная бактерия наплодила семью. И все-таки, однажды пройдя по советской Средней Азии, ты глубокой любовью полюбишь эту страну и будешь возвращаться к ней снова и снова. Не вода, а люди обладают здесь такой чудесной властью, и не волшебство, а сила их рук очаровывает тебя.

Жизнь растет буквально у тебя на глазах. Ты видишь ее рождение и ее расцвет... Перед тобою поле, страдающее от засухи. Высохшие борозды лежат у твоих ног, хлопчатник устало поник головой, и на его листья оседает бесконечная пыль пустыни. Это — умирание. Но вот...

Но вот в борозду проникает узенький язычок воды. Земля жадно раскрывает губы. Вода прибывает, это уже не язычок, а целый поток воды, и земля пьет ее, пьет полными глотками. Невидимый мираб, хранитель водных запасов, где-то далеко от нас поднял створы шлюзов, перегораживающих арыки, и жизнь забурилась по оросительным каналам. Ты видишь ее: серая глина становится коричневой, хлопчатник поднимает

голову, листья, дрожа от утренней свежести, стряхивают с себя тяжелую пыль, стебли удлиняются, растут. Это быстрый, богатый, обильный урожаем рост, и ты становишься его живым свидетелем.

Такая же судьба и у людей Средней Азии. В течение столетий они увядали без влаги, которую выпивали паразиты. Вода в арыках текла не для них, она была чужой. На тучной земле плодились баи, муллы, русские купцы. Но мир революции поднял створы шлюзов и теперь щедро и справедливо распределяет влагу счастья по бороздам человеческих душ. Люди подняли голову, отряхнули тяжелую пыль веков, в их жилах забурилась влага новой жизни, и они начали расти. Это быстрый, богатый, обильный урожаем рост, и ты видишь его, даже если только проходишь мимо.

Если ты любишь человека, тебе полюбится этот солнечный край, который показывает его силу и творческие способности в полном блеске.

Есть люди, у которых представление о Средней Азии неразрывно связано с экзотикой. Но именно сюда я бы никогда не посоветовал ехать охотникам за экзотикой. Они были бы глубоко разочарованы. Все то варварство, которое распускалось здесь экзотическими цветами, уничтожено, и поездка в Нюрнберг, в современный Нюрнберг, принесла бы им неизмеримо большее удовлетворение, чем путешествие в Фергану или Самарканд. Человек в белом шлеме, защищающем от солнца шлеме, которым англичане прославляли Восток и который они превратили в символ своего колониального владычества, был бы здесь единственным экзотическим явлением.

И все же Узбекистан и Таджикистан, Киргизия и Туркмения обладают такими природными условиями, имели такую историю, которые делают их Востоком, делают их похожими на все те страны, где белый шлем кажется неотъемлемым признаком европейца.

Есть тут солнце, которое опалает твою кожу. Знойное, требовательное солнце. Но в его лучах растет хлопчатник, и ученые Ташкента, Самарканда и Алма-Аты с успехом используют его энергию для варки пищи, плавления серы и опытов, которым, весьма вероятно, суждено открыть совершенно новую эру в истории человеческой техники.

Есть тут верблюды, которые, в полном соответствии с описаниями приключенческих романов, качаются, как корабли в бурю. Но ты обращаешь на них так же мало внимания, как на запряженную в телегу лошадь, и вскоре узнаешь, что автомобиль — более удобное средство передвижения не только для тебя, но и для каждого узбекского колхозника.

Есть тут мечети, бывшая слава Самарканда и Бухары. Но наиболее примечательные из них превратились в действенные антирелигиозные музеи, а менее примечательные стали клубами, кинофабриками, складами хлопка, и Бухара славитя теперь не мечетями, а хорошими школами, точно так же, как Самарканд — прекрасной больницей.

Есть тут еще женщины, закутанные в черные мрачные чачваны. Но их уже мало, а авторы кафешантных песенок с гаремной экзотикой были бы, вероятно, весьма неприятно удивлены, узнав, что большая часть этих женщин — спекулянтки, которые закрывают свое лицо, боясь, как бы миллионер на базаре не узнал их слишком скоро.

Есть тут пустыни и оазисы среди них, есть арбы на высоких колесах и смуглые мужчины, сидящие на терпеливых осликах, есть тут люди в цветных халатах и маленьких дуршитых тюбетейках, но то, что придавало аромату края дурной запах экзотики, — исчезло. Исчезло порабощение, исчезло варварство, исчезла колониальная эксплуатация.

Эти люди с помощью русских пролетариев прогнали колонизаторов и свергли «своих» эмиров, ханов и манапов.

Край стал свободным и культурным. А свобода и культура изгнали из него гнилую экзотику.

Мы сидим в летнем театре старого города Ташкента.

Раньше на этом месте был Джанкох — конский рынок и свалка. Старый Ташкент нагромождал здесь все свои отбросы. Это было самое грязное место города. Над базарной площадью высоко поднималась пыль, здесь рождалась эпидемия, арык, протекающий рядом, разносил бактерии по долинам, арык, протекающий рядом, разносил бактерии по долинам, но ни кокандским ханам, ни русским генерал-колонизаторам не приходило в голову, что эта экзотическая достопримечательность Ташкента должна быть ликвидирована.

Теперь широкая улица разрезала старый Джанкох надвое. С левой ее стороны вырос современный стадион, с правой —

большой парк культуры и отдыха с аттракционами, красными чайханами, эстрадой и летним театром.

В этом театре мы и сидим сейчас. Узбекские артисты скандируют стихи, и в их голоса вливается приглушенная расстойным мелодия: от эстрады, на которой молодые узбеки исполняют старинные народные танцы, долетает звучание деликатного дутара и удары чильдырмы, с танцевальной площадки ветер приносит порой звуки фокстрота, слышны звонки трамваев на улице, а из чайханы звучит высокий голос народного певца. Эти звуки не мешают тебе, но придают всему особую окраску.

Ее подчеркивает темная, прохладная ночь, богатые халаты и европейские костюмы зрителей. Все это составляет фон, на котором узбекские артисты исполняют «Гамлета».

Их «Гамлет» — это чисто шекспировский «Гамлет», прекрасная драма, трагизм которой воспринимается здесь совершенно непосредственно. Ты не понимаешь языка, и все же каждое слово Шекспира доходит до тебя. Актер говорит жестом, походкой, движением руки — это большая, могучая театральная культура. Такая постановка «Гамлета» могла бы с успехом соперничать с постановками лучших театров Европы, а ведь узбекскому театру всего-навсего пятнадцать лет.

Совершенный Шекспир и совершенный Гоголь в узбекском театре, новые узбекские пьесы, созданные на основе опыта величайших мировых драматургов, — это и есть рост от экзотики к культуре, от Джанкоха к Шекспиру.

Ты не ошибаешься, когда замечаешь, что рост людей советской Средней Азии совершается еще быстрее и поразительнее, чем столь быстрый и поразительный рост людей центральной России. Здесь бывшие колониальные народы в соответствии со словами Ленина переходят от феодализма непосредственно к социализму, минуя эпоху капитализма. Эти ленинские слова относятся к огромной части народов мира. И здесь, в советской Средней Азии, ты снова находишь великодушное подтверждение большевистской правды.

БОЛЬШОЙ КИРГИЗСКИЙ ТРАКТ

Нарын, октябрь 1935 г.

Когда десять лет тому назад поезд с первыми членами коммуны «Интергельпо», едущими из Чехословакии, прибыл на станцию Арысь и затем двинулся дальше к Чимкенту, по вагонам прошло радостное возбуждение: после долгих дней пути по бесконечным степям и пустыням Казахстана, которые порой кажутся тебе столь же безнадежными, как пустынное море мореплавателю, потерпевшему крушение, появились горы. Высокие, заснеженные горы. Это был берег их далекого странствия, предвстие Киргизии.

И только спустя несколько лет многие из членов коммуны убедились, что эти горы могут быть еще более безнадежными, чем казахские степи, ибо их слишком много.

Автономная Киргизская Советская Социалистическая Республика по своей территории почти в полтора раза больше Чехословакии. Но населения в ней едва ли в полтора раза больше, чем в одной Праге. На всей площади республики, живущей занимающей двести тысяч квадратных километров, живет всего-навсего миллион триста тысяч человек. И кажется, что люди здесь затерялись среди гор.

Горы, горы, горы — такова Киргизия. Киргизский Алатау, Кунгей Алатау, Терской Алатау, Урта-тау, Нарын-тау, Ат-Баш-тау, Кашгар-тау, Кокчал-тау — все это Киргизия. И Тянь-Шань — это тоже Киргизия. Могучий семиклометровый Хан-Тенгри, царь духов, высится над нею, как легендарный владыка, во власти которого находится жизнь и смерть ее обитателей. Горы — главная причина бедности Киргизии, и в то же время в них заключено все ее богатство. Не только потому, что среди гор расположены большие долины, словно специально созданные для посевов сахарной свеклы и

других технических культур, не только потому, что здесь находятся великолепные пастбища, на которых могут пастись сотни тысяч овец, коров и лошадей, но и потому, что в недрах этих гор скрываются сказочные запасы ископаемых: здесь есть уголь, нефть, олово, медь, золото... и кто знает, какие еще сокровища скрыты в их глубинах, ведь то, что здесь найдено, — результат изысканий всего нескольких лет. Только с того момента, когда Киргизия стала свободной советской республикой, она приступила к изучению своих богатств. И оказалось, что страна, в которой в течение столетий несколько десятков баев и манапов жило богато только потому, что сотни тысяч бедняков вели полуварварское, нищенское существование... оказалось, что эта страна вовсе не бедна, а наоборот — богата, безгранично богата, что скоро она станет одной из богатейших советских республик. Штольни проникнут в недра ее гор, быстрые горные реки дадут энергию мощным электростанциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы...

...в прекрасных долинах тянь-шаньской Швейцарии вырастут современные города, там, где сейчас выются тропинки, по которым могут пройти лишь серны да горные бараны, возникнут санатории, школы, клубы, театры...

...сегодняшние кочевники станут инженерами, врачами, профессорами...

...когда...

— А скоро мы попадем отсюда в Джалал-Абад?

— Через пять дней.

— Вы шутите, товарищ! Ведь здесь всего каких-нибудь триста километров.

— Триста километров — для орла. А для нас это почти две тысячи километров. Джалал-Абад находился прямо на запад от нас, но дорога к нему идет так: четыреста километров на север, семьсот километров на запад, потом несколько сотен километров к югу и, наконец, мы приедем в Джалал-Абад с западной стороны города. Это наиболее безопасная и удобная дорога. Если ехать прямо, пришлось бы преодолевать на пути большие трудности, а времени это заняло бы столько же. Перевалы уже покрыты снегом...

Киргизия станет одной из богатейших советских республик, быстрые горные реки дадут энергию мощным электро-

станциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы, в прекрасных долинах вырастут современные города, санатории, школы, клубы, театры...

...когда среди снежных гор пройдут шоссейные дороги, а опасные перевалы превратятся в безопасные проезды, по которым автомашины беспрепятственно смогут преодолевать скрытые облаками горные хребты.

Дороги, дающие возможность использования современных средств транспорта, — одна из основных предпосылок быстрого развития советской Киргизии. Без них остается лишь фрагментом и то гигантское дело, которое уже почти завершено: перевод на оседлый образ жизни бывшего кочевого населения, закладка постоянных мест жительства для киргизских чабанов, разводивших овец, коней и рогатый скот и плативших за привычку к кочевничеству неграмотностью и невозможностью для себя приобщиться к культуре.

А пока путь, который автомобиль покрыл бы за пять-шесть часов, зачастую длится пять-шесть дней. Там же, где, как пионеры будущего, появились первые автомашины, дорога заставляет их быть медленными и осторожными. Ведь перевод рычага скорости с двенадцати на пятнадцать километров в час может стоить жизни и шоферу, и всем его пассажирам. Однако есть уже и здесь такие дороги, по которым машины мчатся со скоростью шестьдесят километров в час.

Лошади медленно ступали по пыльным камням горной тропы. Глубоко под ногами бежала река Чу. Я видел ее — мелководную и медленную; она умирала в песках пустыни, жадно впитывающих речную влагу. Я видел ее — широкую и темпераментную, весело искрящуюся на солнце и еще не подозревающую о противоестественной смерти, которая подстерегает ее посреди пустыни. Сейчас, под нами, она была опять иной. Сумрачная, вспененная от напряжения и ярости, Чу стремительно неслась через Боомское ущелье, и я не удивлялся ее поспешности: здесь действительно не слишком приятно.

Я пробовал подражать своему проводнику, который опускал поводья и спокойно курил самокрутку из газеты и махорки. Но мне это плохо удавалось. Напрасно я старался не смот-

реть вниз, на Чу, которая с седла лошади казалась особенно грозной и глубокой. Вдруг я отшвырнул недокрученную сигарку и соскочил с коня с такой быстротой и ловкостью, на которую способен только человек, охваченный страхом. Мой спутник уже стоял на тропе, успокаивая своего коня. Лошади испуганно прядали ушами и дрожали. Мы тесно прижались к отвесной стене скалы.

Из-за поворота навстречу нам нерешительно выехала грузовая машина. Она остановилась. И мы прошли мимо, почтительно приветствуя шофера, который, с выражением глубокого облегчения на лице и явно испытывая чувство благодарности к судьбе, утирал пот со лба. Он имел право на наше уважение, а, пройдя несколько десятков метров, я понял, почему он был так доволен: за его спиной остался самый опасный участок Боомского ущелья — «поворот смерти». Далеко внизу, в Быстровке, вылавливали из Чу тела тех, кому не удалось его проехать. А это случалось нередко.

Таким было мое первое путешествие из Фрунзе на озеро Иссык-Куль в июне 1930 года.

Второй раз я проделал этот путь теперь, в октябре 1935 года.

Во дворе здания Памирстроя во Фрунзе стоял голубой автобус, сильно полинявший от дождя и солнца.

«Голубой экспресс».

Товарищ Попов, главный инженер Памирстроя, пожелал нам счастливого пути, и я, помня свое первое путешествие, придавал его словам особое значение. Но когда мы выехали из города, меня ожидало приятное разочарование.

Перед нами лежало широкое, благоустроенное шоссе, и автобус летел по нему, как по лучшим шоссейным дорогам Европы. Пять лет назад я ехал здесь в бричке и в душе молил судьбу сохранить мне жизнь, чтобы я мог прославиться по всему свету имя кучера, который проделывает этот путь дважды в неделю. Теперь я сижу в автобусе и еду с такими удобствами, что могу спать, крутить козью ножку из махорки или беседовать со спутниками, не боясь откусить себе на первом же ухабе язык.

Мы проехали Токмак, Быстровку и оказались в Боомском ущелье. Все то же широкое, благоустроенное шоссе так свободно и легко взбегало вверх по уклону, словно ему не пред-

стояло подняться на тысячеметровую высоту. Мы миновали «поворот смерти», и я бы даже не заметил его, если бы шофер не показал мне место, где я когда-то набрался столько страху.

В Рыбачье мы приехали к ночи. Путь, который длился раньше два, три, иногда четыре дня и был сопряжен со смертельными опасностями, мы преодолели за шесть часов.

Я лежал в глиняном домике, в котором отдыхают проезжие шоферы, беспокойно переворачиваясь с боку на бок и не мог уснуть. Старая и новая Киргизия перемешались в моей голове. Киргизия без дорог и Киргизия с великолепными шоссе. Мне предстояло еще много дней путешествовать по Киргизии без дорог, но за моей спиной была шестичасовая поездка по шоссе, о котором можно сложить героический эпос. Я видел великое начало, — начало Большого Киргизского тракта.

Большой Киргизский тракт — это магистраль, которая соединяет север Киргизии с ее югом, магистраль через всю Киргизскую республику. Начинаясь у Фрунзе, тракт пройдет через Рыбачье, Кочкорку, Нарын, Ат-баши, через долины Чу, Нарына и Черной воды, через многочисленные перевалы и выйдет к Узгену, Джалал-Абаду и Ошу, где соединится с уже законченным Памирским трактом, — самым высоким шоссе в мире. Строить эту магистраль, имеющую историческое значение для развития Киргизии, поручено Памирстрою, ударной организации строителей Памирского тракта.

И все это уже не звучит для меня как музыка далекого будущего. Почти четверть магистрали, которая могла бы соединить два противоположных конца Чехословацкой республики, сдана в эксплуатацию. По ней-то мы и ехали из Фрунзе в Рыбачье. При этом у меня было ощущение, что я совершаю фантастическое путешествие в уэлловской «машине времени». Ведь этот участок магистрали был буквально украден у времени: по плану он еще не существовал, и предполагалось, что его строительство будет завершено к первому января 1936 года. А мы с полным комфортом проехали по нему в октябре 1935. В необычайно трудных условиях люди Памирстроя превзошли здесь все рекорды, с тем чтобы преподнести советской Киргизии законченный участок

пути как лучший подарок к восемнадцатой годовщине Октябрьской революции.

Дорога еще не была полностью закончена, когда по ней прошел первый осенний транспорт зерна из плодородной иссык-кульской долины во Фрунзе. И хотя в некоторых местах грузовым машинам приходилось объезжать тракт по старым дорогам, он выдержал первое испытание на нагрузку: к середине октября было доставлено вдвое больше зерна, чем к концу ноября предыдущего года. Это был первый успех Большого Киргизского тракта, успех, который был достигнут еще на глазах его строителей. Мы застали их воодушевленными этим успехом. Им выпало редкое счастье — увидеть плоды своего труда. Ведь у строителей незавидная судьба: они приходят в пустынный и грустный край, а когда в результате их труда он чудесно преобразается, они покидают его, переходят на новые пустынные места и начинают все сначала, никогда не возвращаясь туда, где творенье их рук живет полной жизнью.

Но те, кто будет ездить по Большому Киргизскому тракту, никогда не забудет о его строителях. Уже сейчас по вечерам в самых отдаленных уголках Киргизии, в юртах и у костров на горных пастбищах, звучат их имена. И люди произносят их с уважением и любовью. Это справедливо. Строителей Большого Киргизского тракта есть за что помнить.

«Руде право», 1 декабря 1935 г.

Рыбачье, октябрь 1935 г.

1

Из Боомского ущелья выехал «голубой экспресс» — выцветший автобус Памирстроя. Он страхнул с себя сумрачные тени гор и потонул в солнечном свете.

Солнце и пассажиры просияли. Перед ними лежали безбрежные воды озера, которое здесь, на высоте более полутора тысяч метров над уровнем моря, простерлось на сто семьдесят километров. Озеро нежилось в лучах солнца. В хорошую погоду так греются на склонах Тянь-Шаня жеребята. Это была очаровательная и радостная картина.

В одно прекрасное утро двадцать пять лет назад из Боомского ущелья выехал богатый киргизский манап Шабдан. В то время ущелье было гораздо теснее и сумрачнее, чем теперь, и поэтому первый взгляд на озеро Иссык-Куль вызывал еще большую радость. И манап Шабдан, вероятно, впервые в жизни пораженный красотой, решил отметить этот день приумножением своих богатств. Он торжественно объявил западные берега озера своими владениями (для могущественного манапа это было тогда несложным делом) и приказал основать при выходе из Боомского ущелья поселение.

Так в 1910 году возникло Рыбачье, и с той поры до самой революции у выхода из Боомского ущелья стояло два низеньких глиняных домика, вокруг которых среди жесткой травы время от времени словно из земли вырастали и вновь исчезали кротовьи холмики кочевых юрт.

Сейчас в Рыбачьем более двух тысяч жителей. Для проезжего — это безнадежно скучный городок, из которого стараешься поскорее выбраться. Возможно, что так же к нему относятся и местные жители. Но для тех, кто постоянно пользуется киргизскими дорогами, для шоферов, для строителей

дальних участков киргизской магистрали, для «морских пиратов» — экипажа иссык-кульской флотилии, — Рыбачье — это оазис. Оазис серый, пыльный, лишенный зелени и деревьев (хотя рядом с Рыбачьим находится несколько десятков миллионов кубических метров воды, в нем нет речной влаги для орошения садов и аллей)... итак, серый, пыльный, лишенный зелени, но все же оазис.

Или, лучше сказать, порт. Рыбачье — типичный портовый город. Не только потому, что здесь крупнейшая на Иссык-Куле пристань, но и потому, что Рыбачье — главное пристанище киргизских автомашин. Городок пересекает все дороги северной Киргизии и все дороги, соединяющие север страны с югом. Отсюда большое значение Рыбачьего и большое его будущее. Здесь возникнет город со стотысячным населением, «чрево» советской Киргизии, через которое будут проходить продукты питания для людей и фабрик всей республики. И для того, чтобы Рыбачье так выросло, не потребуется столетий.

Пока же это только маленький, запыленный городок, и шоферы, сухопутные моряки, плавающие по грозным волнам гор, радуются, когда завидят его пыль на горизонте.

Не знаю, чего больше потребляется в Рыбачьем — бензина или водки? Войти в Рыбачьем в столовую — это все равно, что войти в портовый кабачок. Кислый дым махорки застилает и без того тусклую электрическую лампочку. Инва-гармонию джаз-оркестр. Наваливаясь локтями на непокрытые столы, сидят неугомонные в питье мужчины. А женщины в белых передниках, и молодые и старые, разносят водку в бутылках с отбитыми горлышками. Все столовые в Рыбачьем похожи одна на другую. Но есть тут закон, с которым в портовых кабачках других стран ты не встретишься: обслуживающие женщины здесь неприкосновенны. Это такие же трудящиеся, как и те, что сидят за столами, и беда посетителю, если он забудет об этом...

Во время бурана, превращающего красоты Иссык-Куля в ад, я и услышал впервые рассказ о Хамракулове и Кондрикове, рассказ о ростках новой жизни, которые пробиваются и побеждают в этом диком и романтическом крае.

Началось это совершенно так же, как бывает в приключенческих романах:

Над тихими водами озера Иссык-Куль сверкал ясный солнечный день. Довольные пассажиры парохода «Киров» связывали на палубе мягкие тюки своих ватных одеял и вглядывались в показавшееся на горизонте Рыбачье. Уже видны были башни элеватора и серые портовые цистерны. Через два часа кончится странствие по озеру, обрамленному снегами гор (а я, наконец, дождусь парохода, который отвезет меня в прославленный Каракол).

Но вдруг из Боомского ущелья повеял легкий ветерок. Прозрачная озерная гладь покрылась волнами, и Иссык-Куль стал походить на море. Капитан «Кирова» беспокойно смотрел на берег и старался приказами подогнать медлительное судно.

Маленькие волны превратились в валы. Ветер резко усилился. Это был первый шквал, авангард урагана. Казалось, до пристани уже рукой подать, когда из Боомского ущелья вырвался «улан», уперся в борт корабля и погнал его назад, по только что пройденному пути, относя на десятки километров от пристани. Рыбачье скрылось в тучах тяжелой пыли.

Люди, лошади, собаки, даже свиньи, которые за минуту до этого с наслаждением подставляли солнцу то один, то другой бок под стенами глинобитных кибиток, — все исчезло с улиц. Ураган смел жизнь с поверхности оживленного городка. Земля, казалось, поднялась в воздух и нависла над домами. Ветер нес непроницаемую завесу пыли, траву, мусор. Камни падали на землю, словно орехи с невидимых деревьев. Человек, вынужденный перебежать улицу, появлялся в дверях весь белый от пыли, как после далекого путешествия. «Улан» ревел между дрожащими домиками, и только разбушевавшееся озеро пыталось заглушить его грохотом своих волн. Людями и животными овладело чувство неуверенности, которое обычно бывает при землетрясении...

Это длилось два дня. К вечеру третьего дня «Киров» пришвартовался к пристани Рыбачьего, и усталые пассажиры, побледневшие от страха и морской болезни, сходили с палубы.

Эти два дня я просидел в холостяцкой комнате инженера Магаршака, начальника 2-го строительного участка Памирстроя. Магаршак — худощавый, высокий человек, молодой, но уже с большим опытом. В его улыбке, казалось, постоянно присутствовала горечь. По-видимому, так оно и было. Вырос он в Ленинграде, в этом прекрасном большом городе на берегах Невы, и здесь, в Рыбачьем, невероятно страдал от недостатка культуры и городского комфорта, от всего, что еще и сейчас определяет отсталость глубинных районов Киргизии. Возможно, иногда он был не прочь пожаловаться на свою судьбу. Но в сердце его было не только страдание. Оно горело пафосом величественного строительства. Работа доставляла ему радость, он гордился доверенным ему делом и, обдумывая, как без бетона построить бетонный мост, ощущал более глубокое духовное удовлетворение, чем слушая симфонию Бетховена.

— ...и еще тридцать пять километров на вашем участке, товарищ Магаршак...

— Тридцать восемь, — поправил он с подчеркнутой серьезностью. Я засмеялся:

— Три километра!

— Да, три километра... когда едешь в машине, это пустяки. Но три километра, которые ты строишь, это кусок жизни, это твой вклад в историю. Их никогда не забудешь. Помнишь людей, взмахи мотыг, упорствующую скалу, перевернутую бричку, запыхавшийся трактор... Нет, нет, не отнимайте у меня этих трех километров: в них часть жизни, которой не придется стыдиться...

Таков был инженер Магаршак.

Два дня, пока бушевал «улан», я просидел в его комнате, которая год назад была отобрана у местной милиции. На дворе завывала и грохотала буря. Мусор и камни стучали в окна, в которые вместо разбившихся стекол были вставлены куски картона. На кровати, закинув ноги на ее спинку и смертельно скучая, лежал главный инженер строительства Большого Киргизского тракта Попов. Нелегкая занесла его в Рыбачье как раз во время «улана». Николай Иванович, молодой техник Памирстроя, отрывал от газеты ровные

полоски бумаги и свертывал из них козьи ножки, хотя ма-
хорки у нас не было и в эту собачью погоду никому не хо-
телось за ней идти. Инженер Магаршак рассуждал не хо-
почему бумага «Советской Киргизии» курится приятнее, чем
бумага «Известий», но, поскольку он даже не пытался за-
кончить свои рассуждения шуткой, никто из нас не сче-
л нужным на них как-нибудь реагировать. Не унывал только
Виктор Андреев — шофер Попова, — большой толстый ребен-
ок с умными глазами. Он неутомимо заводил граммофон
и ставил одну за другой заигранные до болезненной хрипо-
ты пластинки. Граммофон оставила здесь соседка нашего
хозяина инженер Анна Борисовна, которая помимо своей
основной работы ведет курсы дорожного строительства для
шоферов и служащих Памирстроя. Занятиям «улан» не ме-
шает. Перед уходом она потребовала от нас торжествен-
ного обещания в том, что пружина граммофона у нас не
лопнет.

— Сами понимаете, рисковать здесь таким достижением
культуры мы не можем.

Итак, мы сидели, слушая, как из трубы граммофона вы-
летают хриплые звуки «смеха» из «Гейши» (на этикетке пла-
стинки почему-то было написано «Неаполитанская тарантел-
ла»), когда молчаливый техник, свернув очередную козью
ножку, сказал:

— У поворота смерти мы поставим ему обелиск.

Шофер одобрительно закивал головой, инженер Попов
приоткрыл и снова закрыл глаза, а Магаршак прочертил
ногтем на скатерти извилистую линию и затем перерезал ее
мягким полукругом. Я понял, что все эти неразговорчивые
люди думают об одном, одинаково близком для каждого из
них, о дороге, которую они вместе строили, и если бы их
мысли были высказаны, они составили бы роман о творчестве
и героизме.

Я не отваживался нарушить молчание, но мои глаза и
руки, видимо, настолько красноречиво выражали вопрос, что
Николай Иванович пояснил:

— Ильясову.

Ильясов, пожилой техник, работал на Памирстрое с са-
мого начала строительства. Он проводил предварительные
изыскания еще на Памире, где организация и получила свое

название. А за два года до того, как сооружение Памирского
тракта было закончено, Ильясов покинул вершины Памира
и начал карабкаться по склонам Кунгея и Терскея Ала-тау
в советской Киргизии. В конце 1931 года разведывательные
работы на трассе Большого Киргизского тракта в основном
были завершены. Грузовая автомашинна увозила изыскатель-
ную партию Ильясова из Рыбачьего во Фрунзе. Это было
радостное путешествие. Самые трудные задания по разведке
уже были выполнены, тяжелейшую работу удалось закончить
без единого несчастного случая. Толстый портфель был на-
бит чертежами и расчетами трассы, которая превратится в
новую шоссеиную дорогу. Двадцать молодых людей вскочили
в кузов машины, старый начальник экспедиции с веселой
почтительностью был втиснут в кабину рядом с шофером,
и грузовик тронулся.

В те времена (читатель уже знает об этом) поездка по
Боомскому ущелью была опасным предприятием. Глинистая
дорога размокла от дождей и снега, и крутой скат упорно
толкал машину в пропасть, по дну которой текла Чу. Грузо-
вик подъехал к повороту смерти. Шофер осторожно провел
его по головокружительной петле дороги, и пассажиры с об-
легчением перевели дух. Поворот смерти остался позади.

Но смерть еще подстерегала их. Грязными, липкими рука-
ми она схватила задние колеса машины.

Падающий грузовик вышвырнул из кузова своих пасса-
жиров. Прихрамывая и отирая кровь с разбитых лиц, спуска-
лись они по склону к реке, куда свалилась машина.

Шофер и старый техник Ильясов сидели в кабине.

Они были мертвы.

— Это были первые две жертвы Большого Киргизского
тракта.

— А много еще их было?

— Нет, в том-то все и дело. Только начало оказалось
таким угрожающим. С тех пор за два года строительства,
которое проходило в труднейших условиях, произошел еще
только один несчастный случай, который стоил жизни работ-
нику стройки. Обвалилась горная стена, подкопанная вопреки
нашим предписаниям, и засыпала рабочего. Этот случай по-
служил началом большой разъяснительной кампании по тех-

нике безопасности, и несчастье больше никогда уже не появлялось на нашей трассе...
Снова все замолчали. Вскоре вернулась Анна Борисовна, и мы молчали уже вшестером...

3

До революции Средняя Азия служила источником сырья для капиталистических фабрик Центральной России — и только. Это была темная отсталая царская колония с промышленностью до смешного ничтожной (царское правительство запрещало строить в «своем» Туркестане фабрики, чтобы они не конкурировали с иваново-вознесенскими) и с незначительной прослойкой промышленного пролетариата, в которой рабочие местных национальностей терялись и были редким исключением (русские колонизаторы не допускали в цехи своих предприятий узбеков, киргизов, туркмен, таджиков и нанимали только русских рабочих). Это был край примитивного земледелия, полуфеодалных порядков, почти стопроцентной неграмотности, край, где мулла воистину считался представителем аллаха на земле и религия устанавливала законы, которые бедный дехкан или батрак не смели нарушить.

Отсталость и темнота оказались прекрасными помощниками контрреволюции. Остатки феодалов и нарождавшаяся местная буржуазия сплотились в едином фронте с колонизаторами, и муллы своей отравленной пропагандой открыли наступление. Целые кишлаки садились на коней, беднейшие из бедных принимали оружие из рук своих классовых врагов и вступали в борьбу против Советской власти, которая, по словам магометанских священнослужителей, запрещает верующим молиться аллаху, национализировать все имущество бедняков, включая верблюдов и жен.

Гражданская война в Средней Азии затянулась дольше, чем в остальных районах Советского Союза. Вести о подлинном характере Советской власти медленно проникали в недоступные горные долины Тянь-Шаня и Памира.

Бои прекратились здесь только в 1926 году. Познавшие правду трудящиеся сами выдавали контрреволюционных

вожаков в руки Красной Армии; предводители басмачей, разбитые на поле сражения, бежали за границу: в Афганистан, Персию, Индию, где в их судьбе принимали деятельное участие английские консулы, никогда не забывавшие о заинтересованности своего правительства в басмаческой контрреволюции.

После басмачей осталось тяжелое наследство: десятки выжженных дотла кишлаков, подорванное земледелие, целые районы с разрушенной оросительной сетью, нищета, голод, тысячи вдов, сирот и изуродованных людей — борцов за Советы, которые попали в руки фанатиков — басмачей, отрекшихся «предателям шарната» носы, уши, пальцы и руки. Под руководством большевиков Средняя Азия не только восстанавливала то, что уничтожали басмачи, но стала процветать, начала разрабатывать ранее не использовавшиеся богатства. Страшные годы гражданской войны быстро уходили в прошлое.

Началась первая пятилетка. Страна приступила к осуществлению гигантского плана строительства основ социализма. Ты помнишь, читатель, это было время, когда все враги всего мира искали удобного повода к войне, папа римский призывал к крестовому походу против Советов, буржуазные журналисты обмакнули перья, приготовясь к самым неслыханным кампаниям лжи и клеветы, провокация следовала за провокацией, и вот из Афганистана в республики Средней Азии снова вторглись басмачи. Да это и понятно. Все было вполне понятно: и стремление капиталистов к войне, и призыв папы римского, и кампании клеветы в печати, и новое нападение басмачей. Капиталистический мир ясно сознавал: если он не помешает осуществлению пятилетнего плана — конец всем его надеждам на уничтожение первого пролетарского государства.

Басмачи были отлично вооружены и имели прошедших специальную подготовку военачальников. Это Англия так позаботилась об их победе, Англия, еще не утратившая вкуса к богатствам среднеазиатских республик и, главное, — исполненная страха. Ведь совсем близко, отделенная одним только горным хребтом, лежала «ее» Индия, для которой рост со-

циализма в таком близком соседстве служил более чем увлекательным примером.

У басмачей было много новейших английских винтовок, английских пулеметов, но у них уже не было того, что являлось их основной силой в период гражданской войны. Они лишились опоры, которую находили раньше в отсталости и темноте населения. Жители Средней Азии уже давно шли по дороге созидания и творчества, указанной им Советской властью, и хорошо понимали, что басмач — их злейший враг.

Авантюристическое нападение басмачей, предпринятое в годы первой пятилетки, окончилось их полным разгромом. Но бешеная жестокость этих хорошо вооруженных наемников поглотила еще много жертв.

В июле 1931 года на перевале Цигирчик работала группа советских техников, которая прокладывала трассу первой шоссеной дороги на Памир, — самой высокой шоссеной дороги в мире. В большинстве своем это были совсем молодые люди, и только о начальнике группы было принято говорить — старик Ильясов.

Стоял ясный день.

По тропе, ведущей к перевалу, поднимался отряд всадников. Первыми их заметили изыскатели, работавшие на самом гребне перевала.

Над плечами всадников сверкнули на солнце стволы винтовок.

Басмачи!

Часть техников бросилась в горы, часть — вниз по склону, некоторые спешили к палаткам, чтобы спасти чертежи. Но отряд всадников оказался быстрее.

Только двое из всей группы успели скрыться в горах. Остальные попали в плен к басмачам.

Все это произошло в несколько минут. Из палаток исчезло все, что, по мнению басмачей, представляло какую-либо ценность. Бумаги, чертежи, расчеты были разбросаны по земле. Пленников раздели почти донага. Всадники окружили их и погнали к неведомой цели. Солнце, отражаясь в ледниках, сжигало кожу измученных пленников. А когда оно зашло, ударил мороз. Люди не знали, как долго они идут и куда идут. Они остановились в ущелье, по которому гулял

сквозной, убийственный для них, холодный ветер. Здесь находилась палатка главаря басмаческого отряда.

Его интересовал только один вопрос:

— Кто из вас начальник?

Все, кроме старого Ильясова, были комсомольцами. Дерзались твердо. Никто не выдал своего руководителя, которого наверняка ожидала бы смерть. Их били, угрожали кинжальными, револьверными, саблями. Но пленники, как один, потевали, что их начальник и его заместитель — это как раз стые рабочие.

Начальник басмачей послал всадника с донесением в главный штаб.

Это рождало надежду. Пленники выигрывали несколько часов, в течение которых как раз и могло прийти спасение — красноармейцы.

Но радость, вселенная надеждой, жила недолго. Один из басмачей обнаружил, что среди пленников есть девушка. Коротко остриженные волосы и телогрейка делали ее похожей на юношу. Случайно как раз она меньше других пострадала, когда басмачи грабили и раздевали пленников. Банда не узнала, какая ей досталась добыча, — счастье для пленницы, потому что басмачи на Памире испытывали большой недостаток в женщинах. Теперь это счастье кончилось: девушка была опознана.

Слух об этом быстро разнесся по лагерю, и бандиты спешили со всех сторон. Комсомольцы не собирались выдавать своего товарища. Началась неравная борьба. Скоро сопротивление пленников было сломлено, и расшатавшиеся басмачи, забыв о захваченной ими женщине, выгнали всю группу на склон горы. Там, на склонах гор, красноармейские дозоры находили тела советских учителей, узбеков, которые осмелились снять паранджу, активных колхозников, работников Коммунистической партии.

Пленники знали, что их ожидает. Нескольких медленных, тяжелых шагов по склону ущелья было достаточно, чтобы товарищи успели в последний раз пожать друг другу руки. Басмачи умеют целиться — они хорошие охотники.

Но выстрелов не последовало.

Среди басмачей появился всадник. Пленники услышали несколько непонятных слов. И вот уже они спускаются вниз по склону, подгоняемые басмачами и толком не понимающие, миновала ли уже та неуловимая секунда, которая отделяет жизнь от смерти, или они действительно еще живы.

Их вели по ущелью, через гребни гор, и по вежливому обращению басмачей они поняли, что целью их пути является главный штаб басмаческих отрядов. Теперь они уже не удивлялись своему «спасению». Они знали, что в штабе их ожидает встреча с английским инструктором, которого явно интересует люди, прокладывающие трассу будущей дороги на Памир, к воротам Индии. И разведыватели уже жалели, что всадник с приказом не прискакал на несколько секунд позже. Попытки, которые их ожидали, были тяжелее быстрой смерти от разрывной пули.

Каменистая тропа повернула в ущелье. Неожиданно их грустные размышления прервала пулеметная очередь. Пули взрывали глину перед копытами лошадей, на которых ехали басмачи. Бандиты вступили в бой с неожиданным неприятелем. Но перестрелка длилась всего несколько минут. Отряд красноармейцев, ожидавший здесь конвой с пленниками, был сильнее...

С этого места дорога пошла веселее. Пленники поменялись ролью с басмачами. И только когда вдали показался лагерь под Чигирчиком, все заметили, что темные волосы «старика» Ильясова стали совершенно белыми.

Дорога на Памир уже закончена. Горно-Бадахшанская область, на протяжении всей человеческой истории труднодоступная и почти отрезанная от остального мира, ныне соединена с ним превосходной шоссейной дорогой, по которой автомашины без труда преодолевают высочайшие в мире перевалы. Путь, измерявшийся ранее неделями, измеряется теперь часами.

А испытанные строители Памирской трассы, спасшиеся от смерти в басмаческом плену, прокладывают новое шоссе в высокогорных районах Киргизии.

— Но знаете ли вы, что на Большом Киргизском тракте и сейчас есть басмачи? — спрашивает инженер Магаршак.

— Где?

— Недалеко отсюда — в Боомском ущелье.

Я был способен представить себе, что среди недоступных скалистых утесов, в ущельях, заброшенных высоко в Тянь-шанских горах, могут скрываться и еще скрываются, наверное, некоторые из бывших участников разбитых басмаческих банд, там еще могут найти себе убежище эти опасные в прошлом враги. Но как басмачи осмелятся появиться сегодня в оживленном Боомском ущелье, по которому ежедневно проезжают сотни машин и где трудятся сотни рабочих?

Позднее, однако, я сам встретился с ними, и это была приятная встреча.

Участок шоссе, проходящий через Боомское ущелье, уже готов. Только в некоторых местах группы рабочих еще расширяют дорогу или ставят вдоль нее бетонные столбы над наиболее крутыми склонами. Люди работают быстро и с воодушевлением.

— Мы обещали закончить строительство шоссе к седьмому ноября, к годовщине революции. И выполнить свое обещание — для нас вопрос чести...

...Эти слова я услышал не от начальника строительства и не от инженера Магаршака. Их произнес Хамракулов. А Хамракулов — бывший кулак. И вся его бригада состоит из бывших кулаков. Бригада, которая работает рядом, целиком составлена из бывших воров. Ее бригадир Кондриков — в прошлом опасный гость многих городов Центральной России. А возле него трудится бригада киргизских басмачей.

Басмачи в Боомском ущелье в 1935 году! Басмачи, с которыми приятно встретиться! И не только потому, что теперь они безвредны, не только потому, что их пребывание здесь демонстрирует силу пролетарской революции, одержавшей над ними победу, но также и потому, что эта сила оказалась настолько могущественной, что совершенно изменила их, сумела из них, бывших врагов, сделать активных участников строительства нового, в корне изменила всю их жизнь.

Сюда, на эту работу, они пришли не по доброй воле. Они были осуждены, и вначале самым решительным аргументом против их нежелания работать и желания сбежать со строительства был часовой с винтовкой в руке.

Теперь один из них, Исаев, сам уже носит на плече винтовку и следит за поведением вновь прибывших. Но ни разу

еще он не применил своего оружия и никогда не применит его, потому что у своих бывших стражей, работников ГПУ, он научился новому способу охраны — воспитанию. А это — могучее оружие. Ибо эти люди вскоре начинают понимать, что осуждение — не конец их жизни, а только конец их прошлого, и новая жизнь еще впереди; что навсегда ушла пора, когда их боялись, и теперь только от них самих зависит приблизить время, когда их будут уважать и любить.

Хамракулов был свирепым врагом. Он ненавидел Советскую власть, потому что она означала конец его владычества в кишлаке. И он шел на все — от агитации до поджога колхозных амбаров, в то время когда каждый килограмм зерна имел, с исторической точки зрения, вес целой тонны, — лишь бы подорвать основы социализма в деревне. Бывшие батраки разоблачили его вредительство. Хамракулов был арестован и осужден на десять лет.

Началось строительство шоссе Фрунзе—Рыбачье. Не хватало рабочих рук, и на работу была послана колонна заключенных. (Заключенные в СССР вовсе не являются самой дешевой рабочей силой, как это пытаются доказать буржуазные журналисты. Управление строительства оплачивает работу заключенных по тем же расценкам, что и работу свободных рабочих, а поскольку на счет управления заносятся и расходы по охране, заключенные становятся, наоборот, более дорогой рабочей силой. Система применения труда заключенных основывается, конечно, не на денежной выгоде, а на том, чтобы использовать труд всех работоспособных и прежде всего — на перевоспитании «бывших людей» в настоящих новых людей, в советских гражданах). В трудовой колонне находился и Хамракулов. Он был способным человеком и все свои способности направлял на «отлынивание» от работы. Его назначили бригадиром и предоставили ему возможность набрать бригаду людей по своему усмотрению. Долго не раздумывая, он составил ее целиком из бывших кулаков. Эти люди были близки ему. Они хорошо понимали друг друга. Во время перерывов они вместе мечтали о потерянной власти и сговаривались о побеге. А чтобы снискать доверие, решили получше работать.

Прошло два месяца. Казалось, наступил удобный момент для побега. Хамракулов уже собирался было точно назна-

чить его дату. Но за несколько вечеров до решающего дня на собрании колонны начальник лагеря назвал несколько образцовых бригад, в числе которых оказалась и бригада Хамракулова. Хамракулов стал примером. Стал тем, чем он не был ни разу в жизни. В эту ночь не спали от волнения ни Исаева, ни его бригада. А на другой день они не выполняли свой план. Это было как раз в тот день, когда бригада Исаева шагнула в своей выработке далеко вперед, на целый месяц закрепив за собой переходящее Красное знамя строительства.

Хамракулов воспринимал победу Исаева как личное поражение. Ему казалось, что Исаев отнял у него часть почета, которого он был удостоен на собрании колонны. Хамракулову хотелось вернуть этот почет целиком, хотелось самому нести во главе своей бригады переходящее Красное знамя.

Побег был отложен на месяц. И через месяц Красное знамя перешло в руки бригады Хамракулова. Но и теперь совершить побег было невозможно: нужно было защищать честь краснознаменной бригады и в соревновании с Исаевым, и в соревнованиях с новым соперником — бригадой «неисправных» российских воров во главе с Кондриковым.

Так прошел год. Кондриковцы напрасно пытались победить хамракуловцев, и Хамракулов каждый день, торжественно оглядываясь на Кондрикова, выходил из лагеря со знаменем в руках. Потом Кондриков начал обгонять хамракуловцев. Он приглядывался к их работе, изучал их организацию труда, и Хамракулов, постепенно забывая неприязнь к нему, готов был отдать славу спортивной победы за честь быть учителем.

Сейчас кончается последний месяц строительства первой очереди Большого Киргизского тракта. В клубе собралась вся трудовая колонна. Все хотят присутствовать при торжественном акте. Ведь сегодня Хамракулов отдает переходящее Красное знамя самому упорному своему противнику — Кондрикову. В последний месяц Хамракулов отстал: его бригада выполнила план на 179 процентов, а бригада Кондрикова — на 185.

Хамракулов взволнован.

На широких скулах сверкнули слезы, они слышатся и в его голосе.

— Гражданин Кондриков, передаю это знамя тебе... Лицо Кондрикова сияет под козырьком новой с иголочки кепки, которую он не снял именно потому, что слишком уж торжественный это был момент. Он принимает знамя и приносит большую речь:

— Наши выиграли, но Кадыр, то есть гражданин Хамракулов, задал нам работу. Я, граждане, русский, и сначала мне казалось обидным, что у меня отнимает первенство какой-то киргиз. Вообще... так сказать, я... как выразился товарищ начальник... занимался великодержавным шовинизмом. Теперь я знаю, что киргизы — наши братья, и Кадыр отнял у меня первенство, потому что лучше умел работать. Я, граждане, у него учился, и, так сказать... знамя теперь по-настоящему принадлежит нам только наполовину. И вообще...».

Кондриков так и не объяснил, что означало это «вообще». Он крепко обнял Хамракулова и положил древко знамени на его плечо. Хамракулов в свою очередь обнял Кондрикова, древко знамени медленно скользнуло из его рук, и красное кумачевое полотнище, словно занавес, закрыло лица обоих бригадиров.

Это была сцена, которая в театре показалась бы неправдоподобной. Но для того, кто видел ее в действительности, в ней не было ничего театрального.

Седьмого ноября новое шоссе будет сдано в эксплуатацию. В этот день Хамракулову торжественно объявят, что он свободен, что ему возвращены гражданские права и он может жить, как всякий честный советский гражданин. И он, и Кондриков, и Исаев, и десятки других ударников из числа бывших воров, кулаков, басмачей. Они знают уже об этом и строят планы своей будущей жизни. Одни поедут домой, другие — учиться, а иные хотят остаться на стройке, с которой они срослись.

Хамракулов остается. Каким он станет человеком, когда полностью будет завершено строительство Большого Киргизского тракта, дороги, которая в заброшенные, но богатые долины Тянь-Шаня несет новую жизнь!

«Руде право», 8 декабря и 5 января
1936 г.

ИЗ ОЧЕРКА «СОВЕТСКАЯ ШКОЛА И СОВЕТСКИЙ УЧИТЕЛЬ»

Ленинград, апрель 1936 г.

(...) «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе». Так говорил Ленин. И эти слова, как и многие другие его слова, ставили перед молодой советской республикой повседневные задачи, решение которых требовало еще немалого времени. Ведь как раз школьное наследие, полученное советской республикой от царской России, было в ужасном состоянии.

Во всей царской России за год до революции имелось 2968 низших, средних и высших учебных заведений. В низших и средних школах училось семь с половиной миллионов человек — менее трети детей школьного возраста. Но это соответствовало общему культурному уровню царской России, две трети населения которой не знали грамоты. Таким образом, уже общая картина была удручающей. Но детали ее производили еще более удручающее впечатление. Имелись целые обширные края, в которых школ почти или совсем не было. Имелись целые народы, в которых только трое человек из тысячи умели читать и писать, и были другие народы, сто процентно неграмотные. Методы обучения, казалось, остались неизменными со средневековья. Решающее слово в школе принадлежало попу. Сколько-нибудь прогрессивные учителя вскоре начинали ощущать попечение жандарма. Другие учителя, с розгой в качестве главного учебного пособия, были скорее похожи на полицейских, чем на воспитателей. Но и такие учителя для начала были хороши. Хуже обстояло дело со школами у народов, где учителей не было вовсе, потому что никто не умел читать и писать на местном языке.

Не было школ, не хватало учителей, не было учебников. И если в подобной обстановке Ленин говорил о новом типе учителя, об учителе, который стоял бы значительно выше учителей буржуазного общества, это была точно такая же «утопия», как его слова о ста тысячах тракторов на советских полях в тот период, когда гражданская война вообще не позволяла возделывать поля.

Сегодня, как вы знаете, великая ленинская мечта о тракторах уже давно осуществлена. А теперь осуществлена и его мечта о советском учительстве. Это грандиозный успех всего культурного строительства Советов.

Но каким было начало! Страна с семьюдесятью процентами неграмотных требовала тысяч учителей. Старые учителя, если в них было хоть немного педагогической совести, начали творить чудеса в своей работе. Но их не хватало, далеко не хватало. И вот быстро, но упорно создавались новые кадры. Демобилизованный красноармеец или инвалид гражданской войны, который только в Красной Армии научился кое-как читать и писать, становился после возвращения в родное село учителем, потому что — кроме попа — он был там единственным грамотным человеком. Пекарь, токарь, обувщик или по приказу партии учительствовать в деревню, потому что немного разбирались в книгах и были дисциплинированными членами партии, на которых могла быть возложена такая задача. Из немногочисленного пролетариата некогда угнетенных, полностью неграмотных азиатских народов выбирались наиболее способные люди и посылались на несколькомесячные (а часто и только нескольконедельные) курсы, где они впервые учились латинской азбуке и начаткам счета... а через несколько месяцев (или недель) уже возвращались в кишлаки своей страны учить детей и взрослых вещам, для них самих еще не утративших своей таинственности.

Такие это были учителя. Еще в 1930 году я встретился в Киргизской республике с учителем, который распустил свою школу в глубине Тянь-Шаньских гор и проскакал на коне двести километров до Фрунзе, потому что забыл, как производить деление. Он оставался во Фрунзе два месяца, учился... и через два месяца снова поехал учительствовать, потому что другого учителя не было. Но не доехал. По доро-

ге попал в руки басмачей, руководимых муллой — магометанским священнослужителем, — который прекрасно понимал, какая опасность заключается для него в грамотности киргизских дехкан. Голову учителя нашли позднее у дороги — тело унесла горная река...

Многие из учителей остались лежать на культурном фронте с перерезанным горлом.

Но не только это, а вся та борьба, которую учителя, плохо вооруженные наукой, вели против многоголовой гидры неграмотности, темноты, глубокой некультурности, вся эта великая борьба позволяет назвать ту эпоху героическим периодом советской школы. В гражданскую войну красноармейцы со связками примитивных ручных гранат, сделанных из консервных банок, бросались на танки, которые с готовностью поставляли белогвардейцам различные империалистические страны. В период восстановления промышленности советские рабочие голыми руками вращали колеса станков, пока силу их мускулов не заменило электричество. А босые в научном отношении, голодные от недостатков знаний учителя боролись за то, чтобы народы Советского Союза знали буквы азбуки и умели к пяти прибавить четыре.

Красноармейцы с гранатами из консервных банок победили в гражданской войне. Тем же руками, которыми они вращали колеса станков, советские рабочие создали прекрасные фабрики, по технике и производительности превосходящие самые совершенные заводы капиталистического мира. А немногочисленные кадры учителей своим огромным трудом превратили неграмотную страну в страну грамотную, в страну, девяносто пять процентов населения которой умеет читать и писать.

Но вместе с успехами изменились и требования, предъявляемые историческим развитием к Красной Армии, к советскому пролетариату, к советским учителям. Эти требования изменились и возросли не за последний месяц. Они возрастали с годами, и одновременно росли квалифицированные кадры промышленности и сельского хозяйства, кадры обороны страны и системы воспитания новых людей, граждан социализма. Стахановское движение показало, каких технических высот уже достиг сознательный советский пролетариат. Об уровне Красной Армии вражеские специалисты го-

ворят с равной мерой уважения и страха. И глубокое уважение вызывает и постановка воспитания в Советском Союзе. Речь идет уже не только о том, чтобы граждане Советского Союза научились читать и писать. Речь идет уже о том, чтобы вся советская молодежь кончала среднюю школу, чтобы в школе она получала как можно более широкие, глубокие и живые знания, чтобы из школы выходили молодые люди, которые умеют применить свои знания и стремятся расширить их в интересах социалистического общества. Из средних школ Советского Союза не выходят умственные ка леки, знающие только латинский и греческий языки или только начертательную геометрию. Из них выходят полноценные люди, люди, в которых школа не убивала и не связывала, а наоборот — развивала все их духовные и физические способности...

«Руде право». 3 мая 1936 г.

О ЗАПРЕЩЕННОЙ «ДУБИНУШКЕ», О РАДИО И ДРУГИЕ ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ¹

Москва, 7 мая 1936 г.

Сегодня я отвечу на несколько читательских вопросов, в той или иной степени затрагивающих культуру.

Товарищ С. из Усти над Лабом² спрашивает, правда ли, что в Советском Союзе такой недостаток кинотеатров, что люди стоят перед ними в очередях иногда по несколько часов. И если правда, то почему это так и что против этого предпринимается.

Несколько часов — конечно, преувеличение. Но очереди перед советскими кинотеатрами действительно существуют, и, следовательно, в Советском Союзе в самом деле не хватает кинотеатров. Однако не оттого, что их мало в абсолютном отношении, а оттого, что там все люди ходят в кино. Почему? Конечно, не потому, что им плохо живется. Я думаю, что владельцы кинотеатров в капиталистических странах всегда могут первыми сигнализировать упадок жизненного уровня населения. Когда жизненный уровень падает, когда нужно экономить, чтобы хватило хоть на хлеб, то начинается сокращение «излишних» расходов — а кино, как правило, включается в их число. Сначала берут билеты на более дешевые места, потом вообще остаются дома и только в маленьких, грошовых кинотеатрах на окраинах есть еще посетители, поскольку туда — независимо от программы — заходят обогреться безработные.

Это правда, что в Советском Союзе за час до сеанса едва ли где достанешь билет в кино и что там есть фильмы, на

¹ Эта статья была помещена в газете «Руде право» в еженедельной воскресной рубрике — «Московская почта», где Фучик регулярно отвечал на письма и вопросы читателей, касающиеся жизни Советского Союза.

² Лаб (Лаба) — чешское название Эльбы.

которые билеты бывают распроданы за десять-пятнадцать дней до начала их демонстрации. Советские люди хотят жить культурно, и у них всегда достаточно средств, чтобы удовлетворить такую культурную потребность, как посещение кино. Но рост количества кинотеатров не поспевает за этим культурным ростом, хотя сеть кинотеатров в Советском Союзе огромна и охватывает не только города, но и деревни. Имеются самостоятельные кинопредприятия, существуют кинотеатры в рабочих клубах, есть кино в колхозных клубах, есть кинопередвижки, проникающие в самые отдаленные уголки Советского Союза, — кино на грузовиках, кино на воде, кино на санях для чукчей и ненцев, кино в поездах, в самолетах, киноустановки, которые кочуют от колхоза к колхозу на крестьянских телегах... и все это, вместе с великой тягой советских граждан к культуре, способствует тому, что советский человек в среднем видит больше фильмов, чем житель европейских государств.

Но проблемой сегодня является уже не просто кино, а хорошее звуковое кино. В этом Советский Союз, действительно, отставал от Европы, не говоря уже об Америке. В 1934 году на территории Советского Союза было всего 1200 звуковых кинотеатров, так что на одно звуковое кино приходилось в среднем 140 000 жителей. А это, конечно, очень мало. Быстрому развитию мешало то, что Советский Союз не наладил еще собственного массового производства звуковых аппаратов (хотя имелось уже несколько тщательно разработанных систем), платить драгоценной валютой за аппараты из-за рубежа, в то время когда приходилось покупать более важные машины и механизмы, разумеется, было нерационально.

Сейчас уже налажено самостоятельное советское производство звуковой аппаратуры. И звуковые кинотеатры растут по всему Союзу, как грибы после дождя. В конце 1935 года их было три тысячи, теперь их примерно шесть-семь тысяч, а в конце этого года их будет уже двенадцать тысяч. Одно звуковое кино на четырнадцать тысяч жителей! А в Чехословакии — если я не ошибаюсь — на каждое звуковое кино приходится двадцать тысяч жителей (и при этом кинотеатры еще наполовину пусты).

Достаточно ли двенадцати тысяч звуковых кино для Советского Союза? Недостаточно. Их хватило бы, если бы в Советском Союзе существовала такая система распределения культуры, как в капиталистических странах; если бы здесь считались только с населением городов. Но Советский Союз идет к полному устранению различия между городом и деревней, для него забота о культуре на селе столь же важна, сколько и забота о культуре в городе. Звуковое кино для каждого сельсовета, звуковое кино для каждого рабочего клуба — вот задача, которая стоит перед советской кинопромышленностью. Поэтому в следующем году количество звуковых кинотеатров будет опять удвоено (и сейчас уже есть предположения, что план будет еще увеличен), но и это не явится последним словом в росте количества звуковых кинотеатров в СССР.

Однако не думайте только о таких кинотеатрах, к которым вы привыкли: над входом рекламный плакат «Что идет сегодня?», вы поднимаетесь по широкой лестнице, приятный полумрак, удобные кресла... Представьте себе несколько иное звуковое кино, хотя бы такое, какое я встретил под Тянь-Шанем.

Крытый грузовик. На бортах надпись: «Памирстрой. Кинопередвижка».

Внутри, среди ящиков и круглых жестяных коробок, занимающих весь кузов вплоть до кабины шофера, теснятся четыре человека. Но даже если бы они и не теснились — приятное путешествие! Машина тонет в пыли горной равнины у Рыбачьего... дороги там вообще нет... потом выныривает на тысячеметровые берега Тянь-Шаньских гребней, карабкается по их склонам, взбирается на трехтысячеметровый перевал и затем осторожно спускается вниз. Так она проедет сто километров и остановится, потому что там, в долине, шестьдесят рабочих строят мост через горную речку, — и они, заброшенные в дикие азиатские горы, бесконечно далеко от всех культурных центров, они тоже имеют право на культуру.

Тут мы и застали это автокино. Четыре молодых человека размялись, огляделись, выбрали место, и поскольку единственными «зданиями» здесь были юрты, киргизские палатки, ни в одну из которых не вошло бы столько зрите-

лей, растянули экран под открытым небом. А вечером, когда стемнело и на высоком небосклоне зажглись памирские звезды (большие памирские звезды, висят словно плоды, которые так и хочется сорвать), шестьдесят рабочих, их жены и дети расселись на земле и — примерно в то же самое время, что и вы в цивилизованной Праге, — смотрели «Чапаева».

На другой день киргизские чабаны согнали свои стада с окрестных гор и присоединились к зрителям.

Автокино оставалось среди юрт у строящегося моста неделю. Были показаны все важнейшие фильмы последнего времени («Чапаева» по всеобщему требованию демонстрировали дважды), и передвижка отправилась в дальнейший путь. Немного позднее мы ехали к ней на помощь. Нашли мы ее на размокшем горном перевале, на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря. Передние колеса грузовика увязли в густой грязи, а заднее колесо висело над пропастью. Четыре молодых человека вынесли уже из машины проекционные аппараты и выносили коробки с кинолентами... «А вдруг все-таки свалится...» Они были готовы нести аппаратуру и фильмы на спине до ближайшего киргизского поселения, где их ожидало несколько сот бывших кочевников. Впрочем, им оставалось «всего лишь» тридцать или сорок километров пути — тридцать или сорок километров по высокогорному Тянь-Шаню.

Общими усилиями вытащили автопередвижку. Вечером того же дня в длинном деревянном клубе состоялся первый сеанс, киргизские и казахские колхозники видели первый звуковой фильм и ходили смотреть за экран (дисциплинированно: только во время перерыва), кто же там так громко говорит.

Возможно, я слишком подробно рассказываю о таком звуковом кино. Но я хотел бы, чтобы вы поняли, что двенадцать тысяч звуковых кинотеатров в Советском Союзе — это нечто большее, чем двенадцать тысяч звуковых кинотеатров в любой другой стране на свете, потому что они предназначены не только для жителей городов и крупнейших населенных пунктов в культурном центре страны, но действительно для всего населения; в том числе и для тех, кто живет в отдаленнейших, труднодоступных районах, в местах, куда еще недавно добирался только отважные путешест-

венники или... офицеры во главе вооруженных банд, несущих примерно такую же цивилизацию, какую сегодня несет итальянская армия в Абиссинию.

После этого, я не сомневаюсь, вам станет понятнее, почему при столь большом количестве кинотеатров в СССР в городах еще есть очереди перед кинотеатрами и, следовательно, имеется нехватка киноустановок. Какие меры принимает против этого советское правительство, вероятно, достаточно наглядно показывает трехсотпроцентное увеличение числа звуковых кино за один 1936 год.

* * *

«Сколько в СССР радиостанций, — спрашивает товарищ П. из Нусми, — и какие из них ведут передачи на «чужих языках»?

В Советском Союзе сейчас 67 больших радиостанций, говоря о сотнях частных передатчиков, передатчиков научных наблюдательных станций, полярных станций и т. д. В этом году сеть советских радиостанций будет опять расширена. Строятся новые радиостанции — особенно на территории бывших угнетенных народов, например в Таджикистане (мощная радиостанция Сталинабад), в Казахстане (радиостанция Алма-Ата) и тому подобное.

Итак, ответить на этот вопрос просто. Немного сложнее со вторым вопросом. Дело в том, что для Советского Союза нет чужих языков. На его территории живет столько различных народов, что радиостанции могут вести передачи на любом языке и всегда это будет «свой» язык. Вот наиболее близкий нам пример: передачи на чешском языке. Большинство читателей, вероятно, знает, что московская радиостанция два раза в неделю передает чешский час (в среду и пятницу с 11 до 12 ночи по московскому времени, то есть с 9 до 10 вечера по средневропейскому времени, принятому в Праге). Но, видимо, значительно меньшее число читателей слышит чешские передачи из Ленинграда или Киева (где радиостанция в Прокопьевске, находящаяся почти в 7000 километров от Чехословакии, регулярно, один раз в день транслирует передачу на чешском языке, потому что в Про-

копьевские трудятся рабочие-чехи. Такова большевистская национальная политика. В Средней Азии под городом Фрунзе находится поселок Интергельпо, основанный рабочими из Чехословакии. В этом поселке есть собственный радиоузел, и из громкоговорителей Интергельпо вы можете услышать передачи на русском, киргизском, чешском, венгерском, словацком, немецком, украинском и даже на персидском языках, потому что рабочие всех этих национальностей живут на территории Интергельпо. Такова большевистская национальная политика, удовлетворяющая потребности каждого народа.

Итак, если товарищ П. спрашивает, какие советские радиостанции ведут передачи не только на русском языке, мы должны будем ответить: все. Но если он спрашивает, есть ли в СССР радиостанции, которые ведут передачи не на языках советских народов, мы можем сказать: ни одной.

* * *

И «на заглавку» немного юмора. Товарищ Рж. из южной Чехии прочел в каком-то журнале, что «новая» внешняя политика Советского Союза отражалась и на отношении к старым революционным песням и что, мол, в СССР теперь запрещена, например, знаменитая «Дубинушка», так как в ней враждебно говорится об англичанах, автор же ее, который протестовал против запрещения, сослан в Соловки.

Жаль, что товарищ Рж. не написал, в каком журнале он это прочел. Следовало бы сохранить его название для истории как пример идиотизма, с каким еще в 1936 году некоторые господа пытались увидеть в политике Советского Союза отход от революции, отход от социализма и тому подобное.

Вероятно, мне нет надобности объяснять здесь, что во внешней политике Советского Союза нет никаких принципиальных изменений, что Советское правительство, как и всегда, всеми силами стремится сохранить мир, чтобы предотвратить войну. Стремление вовлечь Англию в прочный фронт мира, разумеется, ни в ком не вызвало намерения загромождать революционные песни. «Дубинушка» поется по-

прежнему (правда, реже, чем раньше, но не потому, что она запрещена, а потому, что в Советском Союзе сегодня поют не только песни борьбы, но и песни радости), и Л. Н. Трефелев, автор «Дубинушки», не имел бы основания протестовать, — даже если бы мог. А он не может, потому что умер уже тридцать лет тому назад.

Враги Советской власти изворотливы и могли бы сказать, что, следовательно, большевики сослали в Соловки человека, который вот уже тридцать лет как покойник. Так вот, чтобы по достоинству ответить им: зимой прошлого года на родине автора «Дубинушки», в Ярославле, состоялось торжественное чествование памяти поэта, Комиссия писателей собирает теперь его рассеянные по различным газетам и журналам революционные стихи и песни, которые будут в этом году изданы, а престарелая дочь Трефолева, уже не способная трудиться, получала от ивановского и получает теперь от ярославского областного совета особую пенсию.

Дело, таким образом, обстоит несколько иначе, чем написал — к сожалению, неизвестный — журнал, и обстоит так же, насколько мы можем судить, несколько иначе, чем на родине, где не только дети, но и сами заслуженные деятели народной культуры и по сей день умирают в нищете и забвении.

Благодарю вас, товарищ Рж., за письмо. Вы правы. Мы не должны оставлять без ответа ни одной антисоветской провокации, даже если провокатор будет выдавать себя за нашего горячего друга или даже если его болтовня будет так же глупа, как этот бред о «Дубинушке». И такие провокации могут оказывать воздействие.

До следующего воскресения.

Юлиус Фучик

«Руде право», 24 мая 1936 г.

НАРОД О ЛЕНИНЕ

В высокие горы Тянь-Шаня, в далекие долины Узбекистана, на восток, на юг и на север, к забытым племенам забытых народов имя Ленина проникло раньше появления первого агитатора, первой марксистской брошюры. Чабаны и крестьяне, пашущие деревянным плугом, виноградары и охотники за пушниной еще никогда не слышали о классовой борьбе, о руководящей роли пролетариата, о социальной революции, но все они знали: они бедны, нищета — их бич, и правят ими богачи, которые используют свое богатство для того, чтобы еще больше обирать бедняков; и все они знали также, что было бы хорошо, если бы настал иной порядок в мире. И вот к ним, в их глиняные кибитки, юрты и кожаные шатры, вместе с именем Октября проникло имя Ленина. Имя великого праведника, который сверг дьявольскую власть богачей и дал беднякам права и свободу. Так они воспринимали это имя, так видели Ленина, и из глубины их сердец, отвечая их самым сокровенным представлениям, вырастал образ народного вождя. Большинство из них не умело ни читать, ни писать, но поэзия для каждого из них была частью жизни. Они знали и ценили песни, знали и ценили сказанья. И в своих сказаньях и песнях создавали свой образ Ленина: народные легенды о Ленине.

Глубокая любовь родила эти преданья, из которых мы публикуем сегодня три перевода: песню неграмотного армянского виноградаря и народного певца Сепо, легенду, созданную неизвестным киргизским горцем, и сказанье узбекского чабана Муро.

ИСКАНДЕР И ЛЕНИН¹

Киргизская легенда

Далеко-далеко, в неведомых краях, за золотым закатом, за степями, за горами — там, куда никто не ходил, на Иссык-Тау², жил праведник Худой-Бола³. Вел он свой род от самого Магомета. Ушел он в пустыню, чтобы не видели глаза его горя и слез на земле.

А на земле тогда шайтан взял большую власть, и его ставленники властвовали и душили людей.

И Худой-Бола, запершись в своей пещере, плакал о земном горе, и его плач был безутешным и не прекращался 150 лет.

Он плакал, что нет среди людей человека со смелой и сильной душой, который прогнал бы с земли шайтана, и что сам он стар и не может вести борьбу.

Худой-Бола имел кольцо, подаренное Магомету богом, и в этом кольце была сила, против которой не мог бы устоять шайтан.

Худой-Бола плакал, что некому из людей передать кольцо для борьбы.

И после того, как проплакал праведник сто пятьдесят лет, родились на земле у простой женщины два сына: Искандер и Ленин.

Искандер дожил до восемнадцати лет, а в восемнадцать лет рассказала его мудрая мать о Худой-Боле и о кольце Магомета.

И решил Искандер освободить землю от шайтана. Он пошел на Иссык-Тау, где жил праведник, чтобы взять кольцо у него.

¹ Записана Л. В. Соловьевым в мае 1925 г. в Канибадамском районе со слов Ахуна Алиева. Приводится по тексту журнала «Красная новь», 1926 г., № 6, стр. 197—198. Судя по тексту легенды и месту ее записи, можно предположить, что легенда эта таджикского происхождения.

² Иссык-Тау — горячие горы.

³ Худой-Бола — божье дитя.

**БЛИЗКИЙ
ДРУГ
ИЗ ДАЛЕКА**

БЛИЗКИЙ ДРУГ ИЗ ДАЛЕКА

Ханс Шерфиг — один из известных датских писателей, член Коммунистической партии Дании, видный общественный и культурный деятель, друг Советского Союза, убежденный интернационалист. Некоторые его книги давно знакомы советским читателям, и мы читаем их с большим интересом и любовью. Товарищ Шерфиг известен не только в Советском Союзе, но и во многих зарубежных странах. Он вложил немало труда в страстную пропаганду достижений советского народа, его экономики и культуры. Ханс Шерфиг не раз бывал в Советском Союзе, он побывал и в нашей республике. Эта книга — впечатления нашего уважаемого друга, вынесенные им из поездки в Киргизию.

В своем письме, адресованном мне, он пишет: «Вы говорили, что нужно крепко хранить в памяти увиденное дружескими глазами. И я этому следую. Эта моя книжка — лишь часть того, что хранит память о Киргизии, сказочной стране».

Искренность, горячая любовь к людям, коммунистическое сердце нашего близкого друга издалека Ханса Шерфига крепки, как алмаз, высоки, как Ала-Тоо. Ханс Шерфиг, написавший с присущей ему простотой и проникновенностью эту книгу, стал одним из самых близких друзей киргизского народа. Пусть крепнет наша дружба.

*Аалы Токомбаев,
1968 г.*

ХАНС ШЕРФИГ

В ГОСТЯХ У КИРГИЗОВ

1

Жорж Дюамель, досадуя на быстрое размножение людей и заселение земли, предсказывал, что в будущем все же немногие люди, ощущающие потребность в тишине и одиночестве, будут проводить свой отдых в Средней Азии. Французский писатель огорчился бы, узнав, что поездка в Среднюю Азию теперь не сопряжена с трудностями и что многие туда едут. Далекий Узбекистан стал, например, за последние годы популярной туристской страной с современными дорогами и гостиницами. Группы туристов со всего мира приезжают в Ташкент и Самарканд, чтобы познакомиться с достопримечательностями этих городов. Я не уверен, что Жоржу Дюамелю Узбекистан не пришелся бы по душе.

Но Киргизию посещает не так много иностранцев. Наш самолет летит из Москвы во Фрунзе — столицу Киргизской Советской Социалистической Республики. Мы направляемся туда не потому, что ищем тишины и жаждем удалиться от людей. Просто мы с женой получили приглашение побывать в Киргизии.

Что мы о ней знаем? На школьном атласе можно видеть, что она расположена в Азии, непосредственно над Индией, и граничит с Китаем. На карте много темно-коричневой краски, значит, там много гор. Я прочитал в справочнике, что площадь республики составляет 198 500 квадратных километров, в ней проживает свыше 2 миллионов человек, в большинстве своем киргизы. Возделывается пшеница, кукуруза, рис, сахарная свекла, конопля, джут, хлопок, табак,

Печатается по изданию: Ханс Шерфиг. В гостях у киргизов. Издательство «Кыргызстан», Фрунзе, 1969.

вино, мак, производится много масла, молока и шерсти. Сельское хозяйство механизировано. Имеется 14 000 тракторов и 3000 комбайнов. Справочник сообщает, что в Киргизии имеются запасы нефти и природного газа, много металлов и развита современная промышленность.

В иных книгах можно прочесть, что киргизы — кочевники, перегоняющие с места на место стада курдючных овец и верблюдов, что они живут в юртах. Это, наверное, измучило. Мы не надеемся на то, что нам доведется пожить в юрте. В любимой книге моего детства «Жизнь первобытных людей» В. Дрейера было незабываемое изображение киргизского охотника в остроконечной шапке, с ружьем и кирным соколом на руке. Я вспоминаю его как старого и ручного не ожидаю встречи с ним в действительности.

«Отличительная черта народного характера, с одной стороны, — честность, открытость, грубоватое добродушие, гостеприимство, гордость, а с другой, — лень и мстительность. Мужественными киргизов назвать нельзя, хотя в пылу борьбы они и способны на подвиг, но им не хватает хладнокровия, спокойного, умеющего все взвесить мужества, которое в сущности только и заслуживает этого названия».

Наш самолет ведут летчики-киргизы. Многие пассажиры — тоже киргизы, и, по-моему, красивые люди. Пассажиры входят с сумками, авоськами, находят свои места, родители с маленькими детьми, старые бабушки, точь-в-точь как в автобусе во Фреденсборге. Дети играют и грызут яблоки, взрослые читают газеты, не обращая внимания на то, что самолет взял курс на Азию. В этой стране привыкли летать.

Седьмое сентября. Идет дождь. Под нами проплывают аэродром со стартовыми площадками, великая Москва, высотные здания, заводы, хвойные и березовые леса, длинные ровные шоссе с дорогами с машинами на них, железнодорожные линии. Мы входим в облака, и больше ничего не видно. Но я не намерен сидеть без дела, зря тратить время. Я беру замечательный учебник русского языка В. Стейнлица и продолжаю свои занятия. Я дошел до шестого урока, и если русский случайно обратится ко мне и спросит, где газета, он услышит мой ответ на чистом русском языке: «Газета лежит на столе». Я могу даже ему сказать: «Шахтер

беседует со слесарем о работе. Машинист беседует с инженером о машине. Где вы обедаете? Товарищ Иванов сидит в клубе и слушает радио». Все это я могу сказать ему по-русски.

Моя жена взяла с собой маленькую книжечку «Джамиля». Это история одной любви, написанная молодым киргизским писателем Чингизом Айтматовым. Книга очень известна, она переведена на восемнадцать языков.

Светлеет.

Мы поднялись над облаками, где сияет солнце. Мы не знаем, что происходит на земле. Видим только белый блестящий ватный ковер. Мы на высоте 8000 метров, идем со скоростью 700 километров в час. А кажется, что стоим на месте над морем облаков. Сидим, читаем, учимся в ожидании появления Киргизии.

Вскоре мы замечаем, что в белом снегу под нами показался просвет и можно взглянуть на землю. Оказывается, мы летим над морем. Меня это несколько обеспокоило. Где мы? Что это за море?

Узнаем, что это Аральское море.

Оно больше Дании и Каттегата, темно-синее, с белой пеной на волнах. Там, наверное, буря. Постепенно облака распадаются и превращаются в рваные клочья ваты. Мы видим берег и полосу прибоя.

Мы летим над пустыней. Она красно-желтая, рифленая, похожая на песчаный пляж во время прилива, с волнистыми полосами, как на стиральной доске. Облака исчезли, тени внизу стали шире. Солнце заходит над западным миром где-то сзади нас.

На моих часах — четыре. Но мы летим против солнца в иное время, чем показывают мои часы. Во Фрунзе мне пришлось переставить их на три часа вперед. Сзади нас заходит солнце. Мы летим в вечер. На небе удивительные краски — зеленые, оранжевые, лиловые. И вот наступает тьма.

Наступает минута, когда стюардесса предлагает конфеты, а на маленьком щитке зажигаются слова: «Не курить! Застегнуть ремни!» Я достиг таких успехов в русском языке, что понимаю все эти слова. Через двадцать минут мы ощущаем успокаивающий толчок, означающий, что мы снова пришли в соприкосновение с благословенной, твердой,

изучал зоотехнику, работал в сельском хозяйстве. Потом учился в Литературном институте им. Горького в Москве. Он родился в 1928 году. Ему было пятнадцать лет, когда Джамия переживала свою любовь. В тридцать лет он написал историю этой любви. Я надеюсь, что повесть однажды будет переведена на датский язык.

Поэт Аалы Токомбаев приехал из Фрунзе, чтобы позавтракать вместе с нами. Завтрак обильный. В восемь часов утра — кислое молоко, жареная рыба, омлет, шашлык. Ко всему этому — огурцы, помидоры, фрукты, арбузы и пирожное. Мы сидим вчетвером в конце длинного стола в большой столовой гостиницы. Аалы Токомбаев говорит: «Я слышал, что Людвиг Хольберга называют отцом датской литературы. Правда ли это?»

«Да, — отвечаю я. — Это правда, поскольку норвежец Людвиг Хольберг ввел такие литературные формы в нашей стране, которые были неизвестны до него. Он создатель датского театра, комедии, сатирического эпоса и сатирического романа. Он был и первым очеркистом. Но меня удивляет, что Людвиг Хольберга знают в Киргизии».

«Мы читаем роман Людвиг Хольберга о Нильсе Клите, а также его комедии в русском переводе, — рассказывает киргизский поэт. — Мы хорошо знаем датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена и Мартина Андерсена Нексе. В нашей стране их любят, ими восхищаются. Но мне хочется знать, была ли у датчан письменность до Хольберга?»

Я отвечаю, что у нашего народа письменность была за тысячу лет до Хольберга, даже еще раньше!

Аалы Токомбаев говорит: «Я спросил об отце датской литературы потому, что первое стихотворение, напечатанное на киргизском языке, было мое».

На это я со всей искренностью отвечаю, что я считаю исключительно высокой честью для себя беседовать с отцом киргизской литературы.

Мы пьем из красивых синих пиал. Они очень практичны для кочевников, их возили в специальных войлочных футлярах. Кочевники пили так называемый кирпичный чай, приготовленный из стеблей и отбросов чайного листа, спрессованных в четырехугольники, похожие на кирпичи. Обычная пища киргизских пастухов состояла почти исключительно из

ячменного супа, и только в редких случаях они ели хлеб. Токоч — так называется плоский киргизский хлеб, который был праздничным угощением Аалы Токомбаева в детстве.

Этот высокоодаренный, с европейским образованием человек, книги которого переведены на французский, английский и другие языки, родился в юрте среди неграмотных людей. Маленьким мальчиком он пас овец в горах, вооруженный дубинкой для защиты от волков.

Отец киргизской литературы не знает даты своего рождения. Кочевники не имели представления о календаре. Он знает лишь, что родился осенью 1904 года, и избрал днем своего рождения 7 ноября.

В те времена киргизы вымирали. За десять лет, с 1903 по 1913 год, число их уменьшилось на одну десятую. В противоположность казахам, жившим в степях севернее, жителей гор, являющихся ныне гражданами Киргизской республики, пренебрежительно называли «кара-киргизы», т. е. дикие, черные киргизы. В царской России условия их жизни были сродни условиям жизни индейцев в Северной Америке.

За вступлением русских военных в Среднюю Азию последовала колонизация. После отмены крепостного права крестьян из европейской части России поощряли к переселению в азиатские районы, где они становились новоселами. Царская империя политически и стратегически была заинтересована в том, чтобы заселить восточные пограничные районы надежными элементами, подобранными из русских и украинских крестьян и казаков.

Новоселы плодородных долин Киргизии вытеснили киргизов с хороших земель. Постепенно колонисты захватили и высокогорные пастбища. Леса стали собственностью русского государства. Киргизы-кочевники со стадами лошадей и овец были обречены на жизнь в каменистых пустынях, где их ждала неизбежная гибель.

Начались волнения, подавляемые русской военщиной. В 1916 году после царского декрета о мобилизации киргизов на военные работы в тылу вспыхнуло большое восстание. Киргизы, вооруженные топорами, самодельными копьями, дубинами и древними охотничьими ружьями, начали борьбу против колонизаторов, против местных баев и манапов...

На подавление восстания была выслана пехота и артиллерия под командой недоброй памяти генерала Куропаткина. Царские войска организовали жестокую расправу, убивали без разбора мужчин, женщин, детей.

Большинство выживших киргизов попыталось бежать через горы в Китай. Стояла поздняя осень, когда началось это отчаянное переселение народа. С волами, верблюдами, лошадьми и овцами кочевники в смятении пробирались по заснеженным проходам, ущельям и перевалам. Тысячи их погибли в пути от холода и голода. Они лишились всего поголовья скота. И только двести тысяч киргизов, оборванных, потерявших все, что имели, добрались до границы Китая.

Аалы Токомбаев прошел этот путь. Ему было тогда двенадцать лет. Его родители погибли в пути. В Китае мальчик был пастухом овец.

В пятнадцать лет он проделал обратный путь. Это было через два года после революции. По решению Советского правительства вернувшимся киргизам дали землю и скот. Части Красной Армии во главе с Фрунзе и Куйбышевым сражались с белыми. Контрреволюцию поддерживали русские и украинские кулаки и басмачи — движение, организованное англичанами совместно с местными баями и манапами.

Советская власть дала Аалы Токомбаеву возможность учиться, он приехал в Ташкент, поступил в Среднеазиатский Коммунистический университет, позже учился в Литературном институте в Москве.

Не без основания Аалы Токомбаев и многие другие киргизы, чьи родители не знали календаря, избрали 7 ноября — день революции — днем своего рождения. Революция русских рабочих означала возрождение киргизов и других национальностей. Через несколько лет после революции филологи создали киргизскую письменность. Я видел киргизско-русский словарь с 40000 слов. Киргизский язык — ветвь тюркского, говорят, что он очень выразителен и богат оттенками, в частности, потому, что от одного отглагольного корня можно произнести много слов. Теперь это официальный язык в Киргизии, на котором ведется преподавание в школах.

7 ноября 1924 года вышел первый номер газеты «Свободные горы». В этой первой газете было опубликовано стихотворение Аалы Токомбаева о Ленине. День 7 ноября — это

день рождения и киргизской литературы. Теперь в Киргизии выходят десятки газет, большинство из них на киргизском языке.

После гражданской войны и окончательной победы Советской власти были определены границы в соответствии с волей среднеазиатских народов. Впервые в истории киргизский народ получил свою государственность. В 1924 году была создана Киргизская автономная область, позже ставшая Киргизской Советской Социалистической Республикой.

3

Мир молод. Год 1924-й — это начало бурного развития Киргизии.

Для меня это не такое далекое прошлое.

В 1924 году я стал студентом и знакомился с литературной жизнью в университетской столовой в Копенгагене. Тогда я прочитал только что вышедшую книгу нашего крупного писателя Йоханнеса В. Енсена, считавшегося светом и маяком датской литературы. В ней было написано:

«Россия страшит. Никто ни в какой другой стране не может ныне вызвать революцию с помощью низов, готовя тем самым свою собственную гибель. Тот коммунизм, который проповедовался с такой удивительной искренностью, какую можно объяснить лишь morallinsanity* в эпидемической форме, и который был осуществлен в России и в некоторых других местах в страшные годы войны и после войны, явился всего-навсего незрелой и на все времена связанной с кровью и несправедливостью фразой, используемой полумодернизированными людьми, не могущими видеть истинной связи вещей из-за наизусть вызубренного утопического чтива азиатами, украшавшими себя истрепанным марксизмом, подобно бутылке, тридцать лет простоявшей без пробки, подобно неграм, надевшим фрак на голое тело».

«Сейчас считается хорошим коммунизмом обвинять работников умственного труда в непроизводительности. В порядке вещей, что невежды и не могут ничего знать о значении мозговой работы, даже когда дело касается их собственного благополучия... Ныне ценность русских ученых для общества проверяется неграмотными невеждами и калмыками».

* Моральная нечистоплотность (англ.).

«Для плодов коммунизма в России характерен упадок городов, они снова превращаются в степи. Неправильно почитаемый коллективизм приведет к прекращению всякого коллективизма... Если никто не имеет права на частную собственность, кто же будет что-либо делать, не будучи принуждаем к тому обнаженными штыками киргизов?»

Это сказал Йоханнес В. Енсен в книге 1925 года под названием «Эволюция и мораль».

Вместе с киргизскими друзьями мы едем во Фрунзе, большой город, выросший в степи. В прошлом веке это был маленький город, оазис на древнем караванном пути, с крепостью, воздвигнутой кокандским ханом и завоеванной русскими в 1862 году. Тогда город назывался Пишпек и насчитывал до революции 14000 жителей. Теперь в нем 300000 жителей. В 1926 году он был переименован в честь полководца Михаила Васильевича Фрунзе, родившегося здесь в 1885 году.

Большой город похож на сад. Огромный необозримый парк, деревья которого скрывают дома. Вдоль широких улиц и бульваров в несколько рядов высятся деревья, ближе к тротуарам — высокие пирамидальные тополя, ближе к мостовой — клены или акации и мелколистые деревья. Крайне низкие деревья искусно подрезаны так, что кроны их образуют шары. Между асфальтированными проезжими частями некоторых улиц тянутся тенистые променады, обсаженные деревьями, с цветочными клумбами.

Подобно многим американским городам Фрунзе имеет квадратную форму планировки, его одинаковые улицы пересекают друг друга под прямым углом. С улиц, идущих на юг, открывается панорама гор, которые выше Монблана. Их снежные вершины на фоне синего неба ранним утром светятся розовым светом. Кажется, что эти горы находятся в конце улиц, но оказывается, что до них сорок километров...

Фрунзе — самый зеленый город в мире. Помимо удивительной растительности вдоль улиц в нем множество парков и рощ, занимающих одну пятую площади города, там растут орешники, гранатовые деревья, корковые дубы, вязы, голубые ели. У жителей этого степного города истинная страсть к зелени. Ежегодно они высаживают четверть миллиона деревьев во Фрунзе. «Если не посеешь тень, — говорят они, —

не сможешь и отдохнуть в прохладе». В прошлом веке здесь жил чудесный садовник Фетисов, о котором вспоминают с благодарностью. Он проводил ботанические опыты в своем саду, выращивал невиданные здесь ранее деревья и кустарники, а на окраине города посадил лес из тоненьких карагай, дубков и вязов. В провинциальном городе Пишпек он слыл чудаком. В столице Киргизии — Фрунзе роща Фетисова занимает почетное место среди других парков. Чужеземные деревья акклиматизировались в прекрасном университетском ботаническом саду и в других питомниках. Киргизы сеют тень для будущего.

Мы едем по улицам между деревьев. Город необозримой большой, но невысокий. В нем множество маленьких домов с фруктовыми садами. Есть домики белые и голубые, как в русских или украинских деревнях. Оживленное движение автомобилей, грузовиков, троллейбусов, автобусов, велосипедов.

Фрунзе — промышленный город с множеством заводов, прячущихся в садах. Я не записал всего, что там производится, но помню, что это пенька и джут, текстиль, кожа, обувь. Есть консервные заводы, завод сельскохозяйственных машин, электрических приборов, папиросная фабрика. Мы проезжаем мимо винного завода, его продукция, говорят, может соперничать с грузинской. Киргизское шампанское пользуется популярностью в Советском Союзе.

Идет большое строительство. Город расширяется. Люди, некогда жившие в юртах, вселяются в квартиры с балконами и ванными. В этом городе-парке самые высокие дома — четырехэтажные, если не считать административных зданий. Дело в том, что здесь бывают землетрясения. Строительство ведется современными методами — кранами, готовыми панелями. Вырастают новые жилые кварталы с магазинами, кафе, кинотеатрами, детскими садами и площадками для игр. Новый стиль прост и не очень отличается от скандинавского. У бывших кочевников, сотни лет живших в юртах, нет национальных традиций в архитектуре.

Старые общественные здания и культурные учреждения построены с большей пышностью: это правительственное здание, здание киргизской Академии наук, университет, различ-

ные исследовательские институты, оперный и драматический театры. Оперный театр во Фрунзе равен по величине Копенгагенскому Королевскому театру. Но в киргизской столице больше театров, чем в датской, а кроме постоянно действующих театров, имеются еще театры на открытом воздухе в парках города. Есть несколько концертных залов, филармония, хореографическая школа, специальная музыкальная школа для детей, Дворец пионеров, клубы, библиотеки, средние школы, технические училища, Союз художников и четыре музея, которые мы намерены посетить.

Солнце печет. В полдень испытываешь благодарность к садоводам, посеявшим тень в степи. Множество мелких каналов течет по паркам и фруктовым садам, благодаря искусственному орошению цветут бесплодные пустыни. Осадков здесь выпадает немного, но деревья во Фрунзе зелены до глубокой осени. В городе протекают две реки — Ала-Арча и Аламедин, они дают воду для орошения, и через сложные сооружения она распределяется на южной стороне Фрунзе. В парках искусственные озера и плавательные бассейны, а за городом пляж на Большом Чуйском канале.

Обширная долина, в середине которой, примерно, находится Фрунзе, больше Зеландии и Фюна вместе взятых. Эта равнина, спускающаяся с востока на запад и открытая в сторону казахстанских пустынь, пересекается множеством небольших рек, вода которых используется через сложную ирригационную систему. Большая река Чу, давшая название долине, протекает к северу от Фрунзе и течет на расстоянии 150 километров параллельно границе с Казахстаном. Река Чу отличается от других рек тем, что у нее нет устья, где-то в Казахстане она уходит в песок. Она берет свое начало с глетчера, возвышающегося на 5000 метров над уровнем моря, и течет на север к западному берегу озера Иссык-Куль, но по какой-то причине не впадает в него, хотя местность этому ничуть не мешает, а течет на расстоянии километра от берега, круто поворачивая на запад, мчит по 60-километровому Боомскому ущелью и наконец оказывается в плодородной Чуйской долине, наиболее населенной и наиболее возделанной части Киргизии.

Стокилометровой длины Большой Чуйский канал составляет часть гигантской гидротехнической системы, которая

совместно с другими каналами, плотинами, шлюзами, гидростанциями и большими искусственными озерами изменили природу и условия жизни в большой части Средней Азии.

В 1924 году во Фрунзе было построено железнодорожное ответвление Турксиба, о создании которого мы помним по знаменитому немому фильму. Позже дорога была продлена до Токмака у восточного края Чуйской долины, и в 1948 году она прошла через Боомское ущелье к портовому городу Рыболовскому на берегу озера Иссык-Куль. И до революции существовали планы постройки железной дороги к Иссык-Кулю, но посланная туда экспедиция специалистов, изучив природные условия, заявила, что построить дорогу через Боомское ущелье невозможно.

В справочниках можно найти официальные статистические данные об орошении, урожаях, промышленном производстве и выработке электроэнергии в Чуйской долине и других районах Киргизской республики. Я не хочу записывать цифры. С 1903 по 1913 г., до восстания, резни и смертельного странствования через горы, голод и болезни уменьшили число киргизов на десять процентов. С 1929 по 1939 г. население Киргизии выросло на 45 процентов. Вот все, что я записал из статистических данных.

Киргизы, казахи, дунгане, узбеки, украинцы и русские гуляют по бульварам Фрунзе. Проходят мимо красиво оформленных книжных ларьков, где можно купить произведения классиков мировой литературы в переводе на киргизский язык. В ресторанах и кафе на открытом воздухе полно посетителей. Видишь, как они освежаются бокалом шампанского. Дети играют в парках и наслаждаются мороженым. Молодые студенты в вышитых азиатских тюрбетках, студентки с черными косами спешат в университет.

«Характерные плоды коммунизма в России — гибель городов, которые снова превращаются в степи», — сказал Йоханнес В. Енсен. Он был писателем, искусно владевшим словом, но плохим пророком. Ему следовало бы быть скромнее и не повторять так безоговорочно популярную тогда западную оценку «получивших цивилизацию» азиатов, по которой киргизы и калмыки принадлежат к более низкой расе, чем белокурые читатели германских иллюстрированных журналов.

Нас привезли сюда киргизские пилоты, мы узнали, что киргизы сделали многое на этой земле. Если, например, кто-нибудь из нас заболел в поездке, к нам вызовут врача-киргиза, а если это будет необходимо, нас положат в одну из современных больниц Киргизии, возглавляемую главным врачом-киргизом. Академик Иса Ахунбаев — крупный врач, известный своими трудами по эндемическим опухолям, хирург, спасший жизнь многим людям. Когда он был мальчишкой, жители его родной деревни у озера Иссык-Куль верили, что болезни прилетают к людям по воздуху, верхом на крошечных прозрачных лошадках.

Историк Бегималы Джамгерчинов... Он родился в юрте в Чуёйской долине, где его отец пас овец у бая. Пастух был так беден, что только к 32 годам смог накопить денег, чтобы заплатить калым за жену. Бегималы родился в 1914 г., учился в одной из наскоро созданных после революции школ. Когда он окончил школу, была уже создана сельскохозяйственная школа. Он окончил и ее. А в это время открылся педагогический институт во Фрунзе, где он мог продолжить образование до создания университета. Так учеба историка удивительно сочеталась с развитием культуры на его родине.

Художник Гапар Айтнев... Его картины мы видели в Москве и на выставке в Копенгагене. У кочевников-магометан не было традиции изображения того, что существует на земле и над землей. Когда Гапар Айтнев в 13 лет вылепил фигурку человека, мулла разбил ее, а мальчик объявил еретиком. Разрешалось только орнаментальное искусство. Гапар Айтнев восстал против религиозного догмата. Он писал людей, животных и чудесные ландшафты родной страны, что явилось началом реалистической живописи в Киргизии. Мы смотрим его картины в музее изобразительного искусства во Фрунзе и понимаем их иначе, чем в Москве, когда мы еще ничего не знали о Киргизии.

Новые отрасли искусства народа, не знавшего ни живописи, ни скульптуры, ни архитектуры, ни драмы, ни оперы, ни балета, ни оркестровой музыки, неизбежно должны были следовать заимствованным формальным образцам. У киргизов не было танца. Они умели играть только на двух-трех инструментах. У них не было ни письменного алфавита, ни

нот. У них было меньше предпосылок для восприятия нового, чем у датчан, когда Хольберг привез комедию, эссе и пародийный героический эпос из-за границы в нашу страну. Хольберг при жизни не получил за это благодарности, а авторы некрологов намеренно избегали писать о том, что профессор писал комедии и ввел в Дании европейские формы искусства.

Поражает ход развития науки в Киргизии. Существует ряд самостоятельных исследовательских институтов, университет, Академия наук и технические высшие учебные заведения. В них работают киргизские профессора и исследователи, высококвалифицированные специалисты, не знающие даты своего рождения. Существуют лаборатории, библиотеки, научная литература у народа, получившего письменность лишь в 1924 г. Поражает не столько талант народа, сколько темп, быстрота развития.

Мы беседуем с киргизскими друзьями, и молодой доктор спрашивает меня о Гренландии. Она ведь принадлежит Дании. «Похожи ли эскимосы на нас? — говорит он. — Какова культура Гренландии, гренландская литература, театр, искусство, наука?»

Я не могу много рассказать о Гренландии, я сам там не был и не уверен, что попаду туда. Я говорю: «Гренландия более не колония. Это часть Дании. Но в этой части нашей страны живет американское меньшинство, оказывающее известное влияние».

4

Мое сердце бьется так, что его стук должны слышать окружающие. Я читал, что то же испытывал русский путешественник В. Виткович. Это «климатическое» сердцебиение, которое обычно испытывают иностранцы в этом краю на границе между бескрайними степями и очень высокими горами, где температура резко меняется. Через два дня это пройдет.

Сегодня у нас несколько встреч и приемов. По улицам бродить некогда. Мы приглашены на встречу с киргизскими коллегами в Союзе писателей, на встречу с первым литературным поколением.

Верно, что письменная киргизская литература родилась 7 ноября 1924 года. Но поэзия существовала в Киргизии и раньше. Киргизские скальды сочиняли песни и, как нордические скальды во времена саг, умели импровизировать. В течение веков существовали профессиональные сказители, обладавшие поразительной памятью и способностью читать большие эпические произведения, подобно греческим рапсодам во времена Гомера. Киргизский скальд называется акыном, а рапсод или пересказчик эпических стихов — манасчи.

Акын аккомпанирует своей песне на струнном инструменте — комузе, звучит он негромко. Это нечто вроде длинной и узкой лютни с тремя струнами, резонатор сделан из вяза, а гриф — из тьянь-шаньской ели. Киргизские скальды, как и нордические, могли состоять на службе у вождя — манапа или у богатого бая и воспевать своего господина. Но акын мог быть и народным певцом, презиравшим бессердечных манапов и высокомерных баев.

В Киргизии существует героический эпос — «Манас», известный всем, отрывки из него читаются на всех праздниках и встречах. Это киргизская «Илиада», но более мощная, чем гомеровский эпос, и по-азиатски огромная. Понадобилось бы полгода, чтобы прочесть весь «Манас», а для полного его издания потребуется двадцать толстых томов.

«Манас», подобно «Илиаде», «Одиссее» и мрачной германской саге о Нибелунгах, был создан в далекие времена переселения народов. В нем говорится о подвигах героев в бесконечных битвах в Тянь-Шане. Эпос создавался столетиями, множество народных сказок и сказаний более поздних времен вплетено в первоначальную основу. Эпос представляет собой трилогию. Это повествование о богатыре Манасе, его сыне Семетее и внуке Сейтеке. Все киргизы знают и цитируют этот эпос, изречения из него стали неременной частью разговорного языка.

Помимо поэтической ценности этот гигантский эпос представляет и исторический интерес и содержит множество сведений о жизни народа. До революции небольшие отрывки эпоса записаны русскими учеными под диктовку различных киргизских рапсодов. Незадолго до своей смерти в 1930 году знаменитый манасчи Сагымбай Орозбаков успел продиктовать 200000 строк «Манаса» для киргизской Академии наук.

Его преемник Саякбай Каралаев позже продиктовал 379000 стихов, которые он знал наизусть. На основе таких записей стало возможным воссоздать все колоссальное произведение. В 1948 г. отрывки из «Манаса» вышли на русском языке в прекрасном иллюстрированном издании. Впоследствии осуществлены более полные издания на киргизском и русском языках.

Рапсод или манасчи — по-прежнему высоко уважаемый человек в Киргизии. Он не только сказитель, обладающий феноменальной памятью. Он и актер, и мим, выразительность его чтения, его драматические жесты чутко оцениваются зрителями, понимающими в этом толк. Народ бережно хранит в памяти имена любимых манасчи. Народ бережно хранит знавший наизусть 200000 стихов «Манаса», был учеником, достопочтимого манасчи Балыка, дожившего до ста лет, а Баво времена Хольберга. До сих пор помнят, что Кельдибек перед началом сказа обычно говорил слушателям: «Пусть придут сюда пастухи послушать меня. Ваши овцы и лошади сами найдут дорогу домой. Ни волк, ни леопард, ни разбойник не посмеют тронуть овцу, когда я пою о Манасе!»

В Союзе писателей висит портрет — человек в халате и остроконечной шапке. В руках у него комуз. Я узнаю, что это портрет великого Токтогула, которого называют соловьем киргизского народа.

Слушая рассказы о трагической и полной приключений жизни Токтогула, думаешь, что это сказочный герой, созданный народного фольклора. Но этот удивительный человек жил на самом деле. Он популярный акын недавних времен, и многие присутствующие в Союзе писателей встречались с ним и рассказывают о нем. Наш друг Аалы Токомбаев хорошо знал Токтогула. Вот его история.

Он родился в Кетмень-Тюбинской долине в центральной части Тянь-Шаня, где тянутся большие леса дикого орешника и вишен, где водится множество медведей. Его отец Сатылган был безземельным батраком. Его мать звали Бурма. Токтогул рано проявил любовь к песням.

Несмотря на бедность родители скопили денег на комуз для сына и всегда брали его с собой слушать знаменитых скальдов и рассказчиков. Местный бай Казанбек приказал

прекратить это баловство, мальчик должен заниматься полезным делом. Токтогул в восемь лет стал работать. Вот как он пел о жизни пастуха:

Если я лягу за юртой,
Придут бараны и затопчут меня.
Если я войду в юрту,
Злая жена бая будет ругать меня.
Никогда палка
Не оставляет моей головы в покое.

Он сочинял песни и пел их. Говорят, что он имел такую власть над своим комузом, что, касаясь его струн, мог заставить его говорить человеческим голосом. Говорят также, что Токтогул мог повесить свой комуз на ветку дерева и инструмент играл сам по себе, если Токтогул на расстоянии приказывал ему.

Слава молодого акына ширилась по Кетмень-Тюбинской долине. Дыканбай Рыскулбеков — манап и властитель в долине, позвал его в свой аил, чтобы испытать его способности. Дыканбай Рыскулбеков держал придворного поэта Арзымата, который за прославление своего господина получал от него пропитание. И вот было объявлено о состязании двух скальдов.

Со всех сторон долины люди стекались на лошадях и верблюдах, чтобы присутствовать при единоборстве певцов.

Первым запел Арзымат о добродетелях и благородстве своего господина, подобно тому, как тысячу лет назад это делали нордические скальды. Затем критически и презрительно он запел о своем конкуренте по искусству, что также случалось среди нордических скальдов. Он издевался над низким происхождением и нищетой молодого пастуха, его бедной залатанной одеждой и пытался выставить его в смешном виде.

Токтогул ему ответил. Первая часть песни Токтогула не была записана. Но известно, что он, вопреки всем традициям, не льстил господам и даже не назвал имени Дыканбая. Это было неслыханным оскорблением могущественного манапа и вызвало волнение и непристойные хлопки приближенных богача.

В последней части песни, которая частично сохранилась,

Токтогул едко отвечал Арзымату, хваставшему тем, что живет в юрте Дыканбая, что его господин кормит его бараньим мясом и за песни он получает курдюки и лошадиные желудки.

Собравшиеся разразились шумным одобрением. Арзымат покинул место состязания, оскорбленный тем, что Токтогула чествуют как победителя. После этого Токтогул стал знаменитым акыном.

Но он не стал придворным певцом, пользующимся милостью сильных мира сего, и не разбогател от своего таланта. У него был комуз и конь, но не было денег, чтобы уплатить калым за невесту. Он был влюблен в одну девушку, но ее семья с презрением отвергла его. Любовная песня, сочиненная для нее — «Песня Алымкан», — и сегодня волнует людей. Ее знают и поют по всей Киргизии. Девушка обещала Токтогулу бежать с ним, но родители заперли ее, а потом продали богатому баю. Через несколько лет Токтогул женился на дочери пастуха. Ее звали Тотуя. У них родился сын, которого они называли Топчубаем.

Плохо для поэта, когда он в своих песнях выступает против власть имущих и презирает курдюки, которыми награждает господин. У Дыканбая Рыскулбекова было пять взрослых сыновей, желавших, чтобы Токтогул сочинял о них песни. Если бы он воспевал их мудрость, силу, доброту, это принесло бы ему большую пользу. Но он сочинил кордак — сатирическую песню о них. Назвал их пятью кабанами, которые роют землю мордами и портят работу других. Этого ему не простили.

В 1898 году разразилось восстание в Андижане, в южной части Киргизии, оно распространилось на всю Ферганскую долину, связывающую Киргизию с Узбекистаном. Восстание было подавлено царскими войсками. Во время расследований Токтогула выдали как зачинщика сыновья Рыскулбекова. Заявили, что его песни подстрекают народ. Он был арестован царскими жандармами и приговорен к смертной казни через повешение.

Смертный приговор был заменен семью годами каторжных работ в Сибири. Осужденных в кандалах везли через среднеазиатские степи и пустыни в Красноводск у Каспийского моря, а оттуда на судне в Астрахань. Токтогул сочинил прощальную песню жителям Кетмень-Тюбинской долины:

«Ах, моя любимая долина, ты лишилась своего соловья!» В течение всей поездки киргизский скальд пел песни для своих товарищей по заключению, все эти песни записаны и представляют собой волнующую поэму. Из Астрахани заключенные были отправлены в Москву, а оттуда в Сибирь. Семнадцать месяцев длилось это «путешествие».

Из этапной тюрьмы под Иркутском Токтогул бежал и направился в Киргизию. После двух месяцев странствований его поймали и приговорили к двенадцати годам каторжных работ. Семь лет он находился в кандалах, но не переставал петь для заключенных. Он сделал себе комуз из обломков досок, а русские заключенные раздобыли ему струны от балалайки.

Все же Токтогул бежал с каторги. Пешком певец прошел через Сибирь, казахские степи и горы Тянь-Шаня. Невероятный путь. Осенью 1910 года он пришел в свою любимую долину Кетмень-Тюбе.

Его мать Бурма была еще жива. Но его сын Топчубай умер. А жена Тотуя вышла замуж за другого.

Горе по умершему сыну нашло свое выражение в песне «Потеря сына», которую все киргизы знают наизусть, подобно тому, как все исландцы знают песни Эгиля Скаллаgrimсона. Тысячи миль и тысяча лет разделяют киргизского и исландского скальда. Но удивительным образом они встретились в своем творчестве.

Жители долины не забыли своего акына. Токтогула всюду приветствовали его земляки. Как странствующий певец, он бродил из деревни в деревню, и теперь его песни стали революционными, скальд прошел политическую школу в Сибири. Его сатирические песни против царской тирании и против высшего класса — баев и манапов, против киргизских коллаборационистов распевались повсюду. Его публичные выступления были невероятно смелыми, делались многочисленные попытки схватить опасного певца. Но расстояния в Тянь-Шане огромные, а дороги труднопроходимые. Три года его не могли поймать. Жители долины скрывали и охраняли поэта. Но в 1913 г. подручные манапов схватили его и выдали царским властям, он был заключен в тюрьму в Намангане.

Бедняки в Кетмень-Тюбе стали собирать деньги, чтобы

выкупить своего певца. Два акына — ученики Токтогула — обходили жителей Южной Киргизии, пели песни о заключенном скальде, собирали овец и другой скот. Дело их солидарности удалось. Чиновники полиции не были равнодушны к подкупам, и Токтогул оказался на свободе.

Когда первый большевистский комиссар прибыл в Кетмень-Тюбе весной 1919 года, его приветствовал скальд, сложивший песню в честь Ленина и новой жизни, которая пришла на его родину.

Токтогул жил до 1933 года и успел увидеть многое в новой жизни. По узким и крутым горным дорогам, через зыбкие качающиеся мосты верблюды перевозили части машин в Кетмень-Тюбе. Кетмень — значит кирка. Эта долина была одним из немногих мест, где кочевники возделывали землю, пользуясь сохами и кетменями. Сельскохозяйственные машины не могли добраться до плодородной долины. Машины не могли проехать через ущелья. Привезенные на верблюдах части машин собирались, и машины двигались по полям, удивляя людей. Токтогул пел восторженные песни о новом времени, о технике и знании, которые придут к его народу и облегчат его жизнь.

Все это рассказывали мне писатели, знавшие скальда Токтогула. Те, кто слышал, как пел скальд, изумлялись виртуозностью его обращения с комузом. Он жонглировал инструментом, подбрасывал его в воздух, держал за спиной. Он часто пел, сидя на коне и был играющим и поющим акробатом.

Токтогул не забыт. Он похоронен в своей родной долине, родная деревня названа его именем. По всей Киргизии поют песни «соловья».

Аалы Токомбаев написал либретто к опере о киргизском скальде, в которой его песни исполняются как арии. Он сказал, что мы сможем послушать оперу, и, может быть, впервое в жизни я обрадовался тому, что побываю в опере.

Первый секретарь Правления Союза писателей Токтоболот Абдумомунов высоко отзывался о датской культуре и датских писателях, которых знают в Средней Азии. Это в первую очередь Ханс Кристиан Андерсен и Мартин Андерсен Нексе и некоторые из ныне живущих. Одному датчанину была вручена Международная Ленинская премия за укрепление мира

и дружбы между народами в Москве. Это художник Херлуф Бидstrup, которого можно считать писателем, поскольку он создает красноречивые, говорящие без слов рисунки. Он самый популярный датчанин в Киргизии. Его книги, попадающие во Фрунзе, раскупаются в несколько дней.

«Здесь знают, что Дания — страна древней культуры, страна с демократическими и мирными традициями, — говорит Абдумомунов. — Но мы хотим больше знать о вашей стране. Мы хотим знать, что движет вашими писателями, что они обсуждают, каковы условия их жизни. Мы хотим знать о национальном меньшинстве, о литературе Гренландии...» Об условиях жизни писателей? Самое важное для писателя — это свобода писать. Свобода слова обеспечивается датской конституцией как одно из прав человека. Но это право человека связано с правом собственности. С правом частной собственности на средства производства. И при некоторых обстоятельствах частная собственность на прессу, издательства, типографии и бумажные склады может превратить свободу слова в монополию воздействия.

Я убежден, что мои киргизские коллеги ни в одной из своих многих газет не выступят за возрождение царизма или ханства в Коканде. И я рассказываю им, что в королевстве Дании я свободно могу выражать республиканские пожелания. У нас свободная пресса. Но она не свободна от владельца. Тот, кто не владеет средствами производства, вынужден продавать свою рабочую силу и свои способности. Человек, умеющий ездить на велосипеде, может получать заработную плату как рассыльный, развозящий газеты. Человек, который умеет писать, может получать заработную плату как писатель. Но владельцы газет определяют, куда надо поехать на велосипеде и что нужно писать.

Мы не жалуемся на недостаток свободы. Но свобода может означать многое. Свобода, например, может быть свободой принуждения, когда человек может свободно эксплуатировать другого. Свобода прессы — это не только право высказывать свои мысли, но и власть замалчивания. У нас свободная критика. Но критики не всегда свободны.

Писателям молодой социалистической республики трудно понять особую коммерческую сторону искусства, существующую на Западе. Требование, чтобы культура давала прибыль,

Чтобы талант был товаром. Жители Киргизии, которые только за одно человеческое поколение научились читать, не знают нашей прессы. Развлекательная промышленность и рыночный подход к литературе, меркантильные моды в искусстве — это непонятные явления для киргизских литераторов, которые лишь теоретически знают о западной частной собственности.

Мы затронули дискуссии о формах искусства, которые ведутся и на Востоке, и на Западе. Я отстаиваю право искусства на эксперименты. Художники должны иметь такие же права, как ученые. Но многие, считающие естественным делом эксперименты в науке, оскорбляются экспериментами в искусстве.

На это мне отвечают, что киргизские писатели несколько не боятся экспериментов и новых форм искусства. Вся литература — это гигантский эксперимент. Все ново. Роман — это новая, революционная форма искусства. Драма — нечто доселе неизвестное. Газета на киргизском языке — это удивительное новшество. Первая киргизская картина, на которой изображен человек, разрушила монополию традиционного орнаментального искусства у кочевников-магометан.

Нам обещают, что во Фрунзе мы увидим современную оперу.

5

Первая национальная киргизская музыкальная драма, поставленная во Фрунзе, называлась «Аджал ордуна», что означает «Не смерть, но жизнь». Действие ее происходит во время восстания 1916 года. Киргизы проезжали сотни километров на лошадях, чтобы посмотреть эту новую форму искусства.

В этой драме есть бедный пастух, который продает дочь Зулайку чужаку. Дочь плачет и умоляет не продавать ее ненавистному ей человеку, и на одном из первых спектаклей старый крестьянин-колхозник из Чуйской долины встал в театре и крикнул: «Послушай, ты, отец-урод, не продавай ее! Если ты ее продашь, ты не отец, а дикий зверь!» Все зрители согласились с ним и не желали мириться с тем, что бедная девушка будет продана при открытом занавесе. Групп-

па молодых рыцарей ворвалась на сцену с поднятыми кну-тами и окружила Зулайку, чтобы защитить ее.

Так взволновало новое искусство киргизов. Помимо ряда опер на национальные темы, с музыкой и песнями, почерпнутыми из народной поэзии киргизов, помимо национальных балетов в репертуаре имеются классические европейские произведения: «Евгений Онегин», «Травиата», «Тоска», «Анда», «Лебединое озеро».

Опера о Токтогуле идет давно, но по-прежнему собирает полный зал, многие зрители приезжают издалека на автобу-сах и грузовиках. Следить за действием нетрудно, если за-ранее познакомиться с историей киргизского скальда, а вооб-ще-то кто в опере может отличить киргизский язык от дат-ского? Я не знаток опер. И иногда в Копенгагене скучал на опере, она была для меня испытанием умения владеть собой. Но спектакль во Фрунзе был и волнующим и удивитель-ным.

Когда Токтогула в конце первого акта арестовывают жандармы перед его юртой в диком Тянь-Шане и когда он с комузом в руках поет прощальную арию своей матери, же-не, маленькому сыну и опечаленным жителям долины, в большом театральном зале можно было слышать странные звуки. Оглянувшись, мы обнаружили, что многие зрители плачут.

В нашем ряду сидел старый человек с загорелым, покры-тым сетью морщин лицом, с белой бородой. Вначале он си-дел в своей островерхой войлочной шапке, но кто-то сказал, что ее нужно снять, он снял и сидел в вышитой черно-белой тюбетейке. Слезы текли по щекам этого достойного человека. В ряду перед нами — группа молодых девушек в нарядных платьях, с множеством черных косичек. Все они одного воз-раста, очевидно, приехали из школы. Их плечи содрогаются от плача, их маленькие носовые платки мокры.

Эта великая печаль и взволнованность заражают, я сам готов заплакать. А когда жестокий надзиратель тюрьмы во втором акте разбивает драгоценный комуз поэта и топчет его, я испытываю желание побежать на сцену и сказать это-му невежественному человеку, что я о нем думаю. Разве он не напоминает об одном полицейском в концентрационном лагере в Хорсерёде! По пути в этот лагерь в 1941 году дат-

ский полицейский разбил гитару одного заключенного. Судь-ба датского заключенного оказалась горше судьбы Токтогула, его выдали немцам, и он погиб в лагере смерти Штутгофе.

Может показаться смешным, что тебя волнуют стихи, ку-лисы и актеры. Мы не забываем, что мы в театре и что наша верхняя одежда ждет нас в гардеробе. Жизненно важно для датчан вовремя получить свое верхнее платье. А позже мож-но будет со знанием дела оценить спектакль.

Но то, что происходит на киргизской сцене, трогает зри-телей так, что они плачут. И, может быть, лучше быть взвол-нованным, чем только оценивать игру.

Этот киргизский спектакль получил бы прекрасную оцен-ку в любой части света. Ничего нельзя возразить против му-зыкальной и удивительной встречи традиционной европейской оперы и киргизской народности. Наша традиция получила здесь обновление. Об этом свидетельствует реакция публики, которая живет вместе с действующими лицами. Плачет и смеется над тем, что происходит на сцене. Вместе с ними переживаешь искусство и чувствуешь себя близким этим людям. Старый человек в тюбетейке... Мы хлопаем вместе. Мы испытываем одинаковый восторг, когда Токтогул на сцене поет о Ленине, а победа революции изображается пыланьем красных знамен, освещенных прожекторами на фоне белых небесных гор.

Я сижу в театре рядом с моим ровесником Аалы Током-баевым. И мы не чужие друг другу, хотя он родился на юге. Он участник ужасного странствования через Тянь-Шань, он пас овец богачей, когда я учился в гимназии в Копенгагене. Он лично знал скальда Токтогула, который пешком пришел из Сибири домой. Он создал либретто этой оперы в европейском стиле, и она вызывает у киргизов и слезы, и восторг.

Мы беседуем с директором оперы — это женщина-киргиз-ка. Мы знакомимся с несколькими актерами и с молодым художником, создавшим великолепные декорации. Так приятно иметь возможность поблагодарить за искусство, взволно-вавшее нас. Спасибо по-киргизски — «рахмат». Настолько мы изучили язык.

Через несколько дней мы в Москве присутствовали в Большом театре на гастролях Ла Скала. Давали «Лючию», все было совершенно и достойно восхищения. Но хотя на сце-

не происходили печальные события, убийства и самоубийства, лежали горы трупов, все это нисколько не трогало. Никто в театре не плакал.

Странно, что у киргизского народа совсем не было танцев. Правда, в эпосе «Манас» говорится о народном танце, но никто не представляет себе, что это был за танец. А теперь существует профессиональный балет, коллектив совершает турне по селам и колхозам, учит киргизов танцам, и возникает совершенно новая форма народного танца.

Раньше в Киргизии не было хоровой песни и оркестров. Непременный атрибут акына — комуз — не единственный киргизский музыкальный инструмент. Есть еще деревянный флейта и струнный инструмент, затянутый верблюжьей шкурой. У него две струны и называется он кыяк. Раньше играли только на одном инструменте, что мне лично очень нравится. Но теперь под влиянием профессиональной музыки появились многочисленные оркестры народных инструментов.

Культура киргизов-кочевников была невысокой. В историческом музее выставлены войлочные ковры из верблюжьей и козьей шерсти с вышитыми и аппликационными орнаментами. В некоторых долинах ткали шелк. В тех немногих местах, где земля обрабатывалась, работали древним плугом — омачем и примитивной киркой — кетменем. В музее можно видеть седла и упряжь из кожи с металлическими украшениями, расшитые сапоги, меховые шапки, островерхие войлочные шапки и вышитые тюбетейки, примитивную деревянную утварь, орудия охоты и различное оружие.

Бедным народом, жившим родами, управляли патриархальные вожди — манапы, распоряжавшиеся жизнью и смертью немущих. В прошлом веке существовало рабство с покупкой и продажей рабов и с выдачей их в качестве премий победителям скачек.

Прошлое не было ни великим, ни прекрасным, чем можно было бы гордиться. Величие Киргизии в ее настоящем.

В музее демонстрируется, как люди жили в Киргизии три-четыре тысячи лет тому назад. Археологи разъезжают по Тянь-Шаню и находят могильники, места поселений и различные предметы. Найдены развалины древних городов. С давних времен через долины и ущелья в «Небесных горах» проходили караванные пути. Этими путями переселялись на-

роды, этими путями, соединявшими Европу с Китаем и Индией, шли завоеватели. Впервые киргизы упоминаются в китайских документах за двести лет до нашего летоисчисления. Каким образом они пришли к «Небесным горам» — мало известно. Геродот пишет о скифском племени в сердце Азии, члены которого «носят твердые, остроконечные шапки из войлока». Мы видели такие шапки на улицах Фрунзе.

Тысячу лет тому назад существовало киргизское государство, которое после войны с уйгурами в течение нескольких столетий было могущественным среди кочевых народов Средней Азии. Китайская, персидская и согдийская цивилизация оказали свое влияние на жизнь в Тянь-Шане, где уже в шестом столетии существовало развитое согдийское земледелие с искусственным орошением в Чуйской долине, в Таласской долине и на берегах озера Иссык-Куль. В тринадцатом веке началось вторжение монголов под водительством Чингис-хана. В четырнадцатом веке властвовал Тамерлан. Затем последовало нашествие калмыков, а после падения калмыцкого государства в конце восемнадцатого века страна попала в подчинение Кокандского ханства, державшего караванные пути в своих руках посредством ряда укрепленных сооружений. Эти крепости были завоеваны русскими в середине девятнадцатого века.

В маленьком белом домике помещается другой музей. В этом домике родился и провел детские годы Михаил Фрунзе.

Его отец Василий Фрунзе, выходец из Молдавии, был фельдшером. Его уволили потому, что он лечил киргизов и помещал их в больницу в Пишпек. Позже он перешел на конторскую работу и занимался бахчеводством. В скромной квартирке две маленькие комнаты и крошечная кухня. По азиатскому обычаю окна на улицу не выходят, чтобы в комнаты не попадала пыль. Все сохраняется в том виде, в каком было в детстве Фрунзе: стены беленые, в комнатах не богато убранство, в кухне — плита, корыто. В музее представлены картины и вещи времен освободительной борьбы. Это небольшой музей, но музей великих времен.

Михаил Фрунзе, принимавший участие в революции 1905 г., сидел в тюрьме, затем боролся в Москве в 1917 году и вернулся в Киргизию как освободитель. Он командовал

Туркестанским фронтом, был членом Туркестанской комиссии, обратившейся со следующим воззванием к народам Средней Азии:

«Цель советской власти — уничтожить классовые различия, объединить всех трудящихся в единый фронт против богачей, уничтожить все формы национального неравенства, все формы национальной вражды и создать истинную общность людей, освобожденных от жестокого эгоизма и злобы».

6

Ночи здесь очень холодные. Мы слышим, как за окном шумит река, и вдыхаем аромат яблок, доносящийся из сада. При восходе солнца розовеют белые снежные вершины Ала-Тоо. Воздух кажется пенящимся, как шампанское, сердце учащенно бьется.

На голом склоне горы за плодовыми садами и маленьким селом находится магометанское кладбище. Глиняная башня — памятник умершему хану. Над могилой богатого купца — большая куполообразная железная клетка с полумесяцем и различными украшениями. Конструкция восьми, а то и десятиметровой вышины заржавела. На мавзолее хана мы читаем год 1900, на железной клетке купца — 1917.

В долине мы видим смерч, поднимающий пыль в голубое небо. Высоко над смерчем парит орел.

Все это мы наблюдаем, пока ожидаем поездки по Киргизии, Аалы Токомбаев сказал, что что-то случилось с машиной, ее отправили в мастерскую, мы должны еще немного подождать, и мы проводим время, осматривая старые могилы и наблюдая смерчи.

Народный поэт посвящает нам все свое время и, оставив работу и семью, поедет с нами по стране. Его жена казашка, у него три сына, один инженер, другой офицер Советской Армии, самый младший — кинорежиссер.

На сухих склонах гор растет полынь. Но в мае здесь цветут дикие тюльпаны. Киргизия и Таджикистан — родина тюльпанов. Тюльпаны — желтые, красные, фиолетовые — растут тесно на всех склонах и благодаря яркому солнцу вырастают очень большими, до полуметра высотой.

Мы возвращаемся в гостиницу, машины нет. Надо по-

дождать еще. Мне предлагают сыграть в бильярд с Аалы и Николаем. Моя жена пишет акварель в саду. Приходит машина, когда игра в полном разгаре и акварель наполовину закончена.

Мы оставляем большую часть багажа в гостинице, мы еще сюда вернемся. Шесть человек удобно устраиваются в большом «ЗИМе». Кроме Аалы, с нами едет молодой киргизский дипломат, говорящий по-английски, он был среди киргизчавших нас в аэропорту. Они с Николаем по очереди водят.

Мы едем из столицы в восточном направлении, по старому караванному пути, по знаменитой «шелковой дороге», ведущей в Китай и Индию. Здесь широкое асфальтовое шоссе, по обеим его сторонам высятся тополя. Движение большое. Грузовики сменили верблюдов. Мы встречаем красные и голубые автобусы, молодежь на мотоциклах. Попадают также и телеги, запряженные волами, и всадники на конях.

На перекрестке мы читаем: Алма-Ата, 240 километров. Так близка от нас столица Казахстана, название которой означает «Отец яблок». Указатель, мимо которого мы проезжаем, напоминает мне о том, что у меня есть друг в Алма-Ате, он поэт и агроном, он приглашал меня на охоту на тигров у реки Или, если я когда-либо попаду в эти края. Ему придется подождать другого раза. Мы едем не в ту сторону, а в сторону Китая.

По обеим сторонам дороги — поля, голубеют далекие горы. Почти непрерывными рядами мелькают села с фруктовыми садами, виноградники и множество тополей. По домам можно догадаться, кто в них живет: русские, украинцы, дунгане или киргизы. Новые дома киргизов обычно желтого цвета, у украинцев — беленые, с завалинками, у дунган дома с плоскими крышами, и их огороды окружены оградами из необожженного кирпича. Русские предпочитают голубой цвет. Некоторые дома обнесены ивовыми плетнями. Мы видим старые дома с саманными стенами. Но большинство жилищ новых, мы проезжаем мимо новых школ, правлений колхозов, новых клубов и кинотеатров.

Между новыми домами мы иногда видим войлочную юрту, с которой семья не хочет расставаться и в которой она живет летом. Нам рассказывают, что вначале, когда для кирги-

зов были построены настоящие дома и они стали оседлыми, случилось, что они все же разбивали свои палатки во дворах. Привычка!

Дорога идет вдоль железнодорожного полотна, мы пересекаем Большой Чуйский канал — значительный источник плодородия. Мы видим множество мелких каналов, пересекающих поля. Зеленая кукуруза стоит высоким густым лесом, ее срезают на силос машинами. Идет уборка винограда. Мы проезжаем город Кант, где находится большой сахарный завод. Сахарная свекла — гордость края. Один сахарный корень с нормальным содержанием сахара весит здесь до восьми килограммов.

Горы приближаются. С левой стороны дороги они образуют границу с Казахстаном. Низкие, сухие предгорья покрыты камнями и песком, редкой растительностью — полынью, репейником и кустарниками. За ними начинаются зеленые пастбища и хвойные леса. А далее — величественные вершины, покрытые вечным снегом.

Дорога заметно идет вверх. Мы в городе Токмаке, проезжаем по берегу реки Чу, которая бурным потоком течет по Боомскому ущелью. В прошлом река не раз затопляла Токмак в суровые зимы, когда лед преграждал ей дорогу и вода скапливалась в Боомском ущелье, тянущемся на шестьдесят километров, и с могучей силой вырывалась из него. Мы узнаем, что Токмак был полностью разрушен в 1878 году, в 1900 году катастрофа повторилась. Но больше этого не случится. Высоко в центральной части Тянь-Шаня сооружено водохранилище, вмещающее пятьсот миллионов кубических метров воды, Большой Чуйский канал снабжается регулярно водой, орошающей через систему мелких каналов тысячи гектаров земли.

В Токмаке тоже есть сахарный завод, консервная фабрика, крупные автомастерские, где ремонтируются грузовики и автобусы. Вокруг города раскинулись виноградники и фруктовые плантации. Токмак называют городом соловьев. Весной, когда тюльпаны цветут на склонах гор, соловьи громко заливаются в рощах на берегу реки и в многочисленных садах города.

В начале прошлого столетия Токмак был одной из важнейших крепостей кокандского хана, она контроли-

ровала караванный путь и вход в узкое Боомское ущелье. В Токмакском районе живет много дунган, они принесли сюда искусство разведения мака. Я записал в свою записную книжку, что мак на языке дунган называется «золотой цветок».

Большие поля засеяны маком, мак уже давно отцвел, остались сухие головки с семенами. На каждой головке — маленькие коричневые полоски. Когда головки были зелеными, на них сделали надрезы тонким ножом с тремя лезвиями. Делается это днем, когда солнце особенно жаркое. Молочный сок, вытекающий из разрезов, твердеет на солнце и становится коричневым, как смола. Поздно ночью, перед восходом солнца тяжелые капли собирают в чашечки, перед выращиванием мака для медицинских целей используют тракторы и специальные машины — сеялки и машины-оплодотворители. Но надрезы на маковых головках и сбор затвердевших капель опия — трудоемкая ручная работа.

Дунгане и китайские магометане пришли через горы в район Иссык-Куля и Чуйскую долину в конце прошлого века, желая избавиться от притеснений китайского императора, против которого они вели вооруженную борьбу. Будучи окружены у подножья Тянь-Шаня в провинции Синьцзян, дунгане, возглавляемые Биянху, бежали с женами и детьми через горы, хотя стояла зима. Биянху — означает «гневный тигр», организованное им народное бегство через небесные горы было более отчаянным, чем странствование киргизов в противоположном направлении осенью 1916 года.

Гостеприимные киргизы хорошо встретили дунган. Дунгане пришли оборванные, обмороженные, полуживые от голода. Русский фельдшер Василий Фрунзе, лишившийся своей работы за то, что лечил киргизов, оказал большую помощь дунганам. Он устроил лагеря беженцев и помогал снаряжать спасательные экспедиции в горы.

Императорское китайское правительство потребовало выдачи Биянху, но, как это ни странно, царское правительство отказалось это сделать. Может быть, потому, что знаменитый путешественник Николай Пржевальский, находившийся во время восстания в провинции Ганьсу, привлек мировое внимание к героизму дунган и жестокости императорских войск.

Биянху, за голову которого император обещал неслыханную награду, умер в 1882 г. в Пишпекке.

Я спрашиваю Аалы, сколько национальностей живет в Киргизской республике. По его мнению, около восьмидесяти, он называет множество наций, которые я пытаюсь записать: дунгане, узбеки, таджики, казахи, калмыки, татары, уйгуры, но разобраться в этом я не могу. Я помню также, что в Киргизии есть немецкое меньшинство, для которого дважды в неделю проводятся радиопередачи на немецком языке, и чехи, которые после окончания гражданской войны получили специальное разрешение Ленина на то, чтобы поселиться здесь.

Дорога, круто извиваясь, поднимается вверх. По обеим сторонам голые горы зеленоватого, серого и красного цвета. Здесь нет ни возделанной земли, ни лесов. Мы часто видим парящих орлов.

В Боомском ущелье дорога похожа на полку, выдолбленную в скале. На другой полке, расположенной выше, проходит железная дорога, во многих местах возведены каменные стены, которым предназначено останавливать камнепады. Налево от нас глубоко внизу пенится река Чу.

В молодость Аалы караванный путь здесь представлял собой крутую, каменистую тропинку, по которой осторожно пробирались низкорослые киргизские лошадки и двугорбые верблюды. До 1935 года путешествие через Боомское ущелье было опасным.

А теперь мы быстро мчимся по шоссе, и навстречу нам несутся большие грузовики и автобусы. Проходит поезд с черным паровозом и зелеными вагонами. Где-то в ущелье находится маленькая станция. Кто же здесь сходит? Мне ужасно хочется побыть на этой станции, посидеть в зале ожидания, посмотреть на окошечко кассира и сделать вид, что я жду поезда.

Здесь пустынно. Небольшие кустарники у реки, немного зелени на склонах, камни и гравий. В тени прохладно. По воздуху чувствуется, что мы поднялись высоко. Горы темны и серьезны. Говорят, что здесь обитают дикие козы, но мы их не видим. Через реку перекинута два моста — старый и новый. Пересекаем реку и едем по долине рядом с железной дорогой.

Вдруг в долине возникает одинокий дом, окруженный скалами и зелеными лужайками. Маленький крепкий каменный дом официальной внешности, может быть, здесь живет инспектор железной дороги или дорожный мастер, я так и не узнал, кто именно. Из трубы поднимается дым.

Становится светлее, долина расширяется. Перед нами синее море. Это большое озеро Иссык-Куль.

Мы на высоте 2000 метров. Дует сильный ветер. Вокруг нас пустыня и камни. Горы пустынные, голые, без всякой растительности. Свет удивительно белый, ослепляющий. Насколько глаз видит — пустыня. Но на дороге — движение больших грузовиков, приходящих откуда-то издалека.

Мы подъезжаем к городу Рыбачье, это портовый город с набережной, кранами и нефтебаками. Здесь конечная станция железной дороги, и многие пути скрещиваются здесь. Раньше это был маленький караван-сарай с несколькими хижинами и юртами и огороженным местом для отдыха верблюдов ночью. Теперь это узловая станция для грузового транспорта, с мастерскими, гаражами и заправочными станциями. Значительная часть жителей города — шоферы и механики. Здесь склады леса, пакгаузы. Здесь построены большой мясокомбинат и фабрика по переработке рыбы. Есть также и лесопилка. Есть магазины, широкие улицы, столовые и гостиница.

Место кажется странным, потому что здесь всегда дуют ветры. Люди идут по улицам, преодолевая порывы ветра, мы видим школьников с портфелями и книгами, с трудом пробирающихся к автобусу. Идти трудно, песок засыпает глаза. В этом городе мало деревьев и садов. Пахнет рыбой и бензином. Есть научное объяснение постоянным ветрам, но у меня кружится голова, и я плохо его воспринимаю, мне говорят что-то о сухом воздухе, испарении над озером и об особом расположении гор.

Мы беседуем с женщиной — мэром Рыбачьего, она мать девяти детей. Она не может положить конец ветрам, но заботится о том, чтобы защитить от них город, здесь будут насаждения, проведут орошение, и через несколько лет климат изменится.

Мы на западном берегу озера Иссык-Куль. Озеро голубое,

как Средиземное море, и в десять раз больше Женевского озера. Двести километров в длину и пятьдесят в ширину. Вода соленая. Озеро расположено на высоте 1600 метров над уровнем моря. Его глубина больше 700 метров.

Название «Иссык-Куль» — означает «горячее озеро», оно никогда не замерзает несмотря на суровые зимние морозы. Это объясняется большой глубиной озера, которое не успевает остыть за зиму. В Иссык-Куль впадает 70 рек. Мне рассказывают, что эти 70 рек приносят так много воды в озеро, что уровень его повышался бы на десятки метров в год, если бы не очень сильные испарения. Испарения движутся на восток и превращаются в облака, принося плодородие восточной окраине озера, на западном же его берегу — полупустыня.

Мы едем по северному берегу озера. Налево от нас голые горы, направо — синее море. Противоположного берега не видно, но где-то на горизонте — полоса облаков, не меняющих формы, неподвижных. Это снег на горной цепи Терской-Ала-Тоо.

Как только мы выехали из Рыбачьего, сразу же стало тихо. Ландшафт сухой, деревьев нет. Только пыльные кусты вдоль дороги, а по обеим сторонам степная трава, полынь и голубой репейник, любимое блюдо верблюдов. На скалах сидят черные вороны, увидев нас, они улетают. Горы слева кажутся совсем близко, но здесь трудно судить о расстояниях. Аалы говорит, что до первого ряда гор тридцать километров. Невысокие предгорья серые, как шлак, более высокие — красные, а за ними мощные снеговые вершины.

Мы останавливаемся, чтобы пропустить стадо овец. Их несколько тысяч, они поднимают тучу пыли, пастухи едут верхом на лошадях. Овец и другой скот пасут на горных пастбищах, и там пастухи по-прежнему живут летом в юртах, как в прежние времена. Но у них там есть палатки-библиотеки, радио и передвижные электрогенераторы. К ним на вертолетах прибывают врачи и ветеринары. Разительно изменилась жизнь пастухов с той поры, когда Аалы пас овец в Тянь-Шане.

Пастухи вооружены, потому что водятся волки. Раньше они защищались только дубинками. Самое опасное — это бешеные волки. В горах также водятся снежные барсы, но на

людей они не нападают. Медведи живут в лесах и считаются зверями безвредными. Дипломат спрашивает, не охотник ли я, а то можно организовать охоту на медведей.

— Нет, я не охотник.

В южной части страны простираются большие леса дикого ореха и вишни. В них много медведей, питающихся орехами. Аалы рассказывает, что он однажды видел медведя, который, сидя на дереве, стряхивал орехи медвежатам.

Мы встречаем еще стадо овец и снова ждем, пока овцы пройдут. Мы проезжаем мимо людей, ожидающих автобус на остановках.

Мы проезжаем мимо удивительных могил. Существует обычай хоронить вдоль дорог. Многие могилы обнесены металлической изгородью или глиняными стенами, над некоторыми высятся маленькие башни и купола из глины, удивительные мавзолеи, украшенные оленьими рогами. На одних могилах — полумесяц, на других — советская звезда, а на некоторых — и полумесяц и звезда вместе.

Постепенно местность становится более зеленой и обжитой. На горах виден лес. Снова появляются села с тополями и садами. Мы проезжаем поля, засеянные маком и подсолнечником.

Дипломат поет, сидя в машине. Поет длинную песню, которую он сочинил, находясь в Лондоне на дипломатической работе, где он тосковал по небесным горам. Я понимаю его тоску, я сам буду тосковать по этой стране.

Мы выходим из машины, чтобы посмотреть на могилы и зарисовать их. На высоком памятнике изображен желтый лев на голубом фоне, на вершине памятника оленьи рога, четыре пятиконечные звезды и магометанский полумесяц. Этот памятник воздвигнут в 1960 г. Пока я рисую, по дороге к нам подходит верблюд, он совершенно один, на одном из его горбов висит дождевой плащ. Аалы подзывает его, и верблюд останавливается. Стоит с поднятой головой и не проявляет к нам никакого интереса. С его морды свисает веревка, я берусь за веревку и пытаюсь представить себе, как можно вести верблюда. Этот величественный момент запечатлевает фотоаппарат Николая.

Мне говорят, что если я потяну крепко за веревку и скажу: «чок», верблюд ляжет на землю. И я говорю: «чок» чок!

верблюд откидывает голову назад, скалит зубы и издает неприятный звук, затем послушно опускается на колени. Мне бы очень хотелось, чтобы жители Фреденсборга видели это.

Верхом на маленькой лошади подъезжает женщина, она владелица верблюда, она смеется над нами, очень любезна и ничуть не обижена тем, что мы забавились ее верблюдом. Мы беседуем с ней о верблюдах.

К сожалению, число верблюдов в Киргизии уменьшается. С появлением шоссейных дорог и грузовиков верблюды стали выходить из моды. Двугорбые азиатские верблюды могут идти по крутым горным тропинкам и подниматься на высоту свыше 4000 метров. Киргизы пили их молоко, ели их мясо, из шкур делали обувь, а из шерсти войлок. Теперь эти животные исчезают.

Мы купаемся в Иссык-Куле. Здесь дюны, поросшие песчанкой, как в Тисвильде, белый песчаный пляж, отмели и прибой. Это море в горах по величине равно Каттегату, очень синее и соленое. Температура воды 22 градуса, и это в середине сентября.

Мы живем в курортном местечке в нескольких километрах от поселка Чолпон-Ата, который скрыт от нас тополями и фруктовыми садами. Это новый курорт с большими современными зданиями и множеством маленьких коттеджей. Большая часть отдыхающих — из среднеазиатских республик или из Сибири.

Целый ряд таких санаториев и домов отдыха построено вокруг Иссык-Куля и будет построено еще больше. В сердце Азии возникает целая киргизская Ривьера. Места здесь много. Здесь горячие источники и минеральные воды, излечивающие от всевозможных недугов. А если хочешь, можешь пойти на охоту на медведей, кабанов, на диких горных коз или ловить рыбу в реках и в Иссык-Куле.

Николай, страстный рыболов, ловивший рыбу в датском озере Эсром, терпеливо стоит на мостике с одолженной удочкой и за целый день вылавливает только маленькую селедку. Его утешают тем, что эта селедка из Иссык-Куля и таких селедок больше нет нигде в мире. Иссык-кульскую селедку солят и коптят точь-в-точь, как нашу датскую сельдь. В Иссык-Куле водятся карп, осман, сазан и маринка, очень вкусные. В незамерзающем озере ловят рыбу круглый год.

Вода такая прозрачная, что рыбак видит наживку на своем крючке глубоко в озере. Можно свободно наблюдать, что происходит на дне на пятнадцатиметровой глубине. Морская трава растет на глубине пятидесяти метров. Мы видим Иссык-Куль синим и спокойным, но он может быть и опасным морем, на котором внезапно возникают штормы. Шторм с востока называется санташ, а шторм с запада — улан, иногда начинаются оба шторма, они встречаются посреди озера, и возникает безумный вихревой ветер, вздымающий столбы воды к облакам.

С моторной лодки на озере мы рассматриваем берег с фруктовыми садами и стройными тополями, три ступени гор: голые, серые, изрезанные ущельями предгорья, за ними крутые склоны с темными хвойными лесами и отвесные красные стены скал, а еще выше — небесные горы со снегами. Ландшафт сменяется один другим, как на китайской живописи.

Рулевой на моторной лодке — немец, он спрашивает нас на своем родном языке, откуда мы. А потом мы спрашиваем его, откуда он и почему он живет в Киргизии. Оказывается, он родился здесь, его родители тоже родились здесь. Он рассказывает, что в этом районе живет много немецких семейств.

В поселке Чолпон-Ата живет не менее пятнадцати различных национальностей. Чолпон-Ата — значит «Отец звезд». Поселок тянется вдоль шоссе, широкого и тенистого, обсаженного тесными рядами тополей, с каналами для орошения по обе стороны. Все дома окружены фруктовыми садами, здесь магазины, ресторан, кинотеатр. Петухи поют в поселке, пахнет шашлыком, синий дым поднимается с маленьких жаровен на открытом воздухе, где шашлык жарится на железных прутьях.

Мэр Рыбачьего, которую мы встретили в ветреную погоду, приехала сюда, и мы беседуем в более спокойной обстановке. Мы встречаем министра культуры Киргизии, это тоже женщина — Кулипа Кондучалова. Удивительно, что так много женщин в этой стране магометанских традиций получили высшее образование и занимают высокие государствен-

ные посты. Мы вспоминаем женщину-директора оперного театра во Фрунзе, и здесь на курорте главный врач — женщина-киргизка.

Мы узнаем, что киргизские женщины меньше носили паранджу, чем узбекские. Многоженство также не было здесь обычным явлением. Но женщины были совершенно бесправными, и вплоть до 1930 года еще случалось, что девушек продавали или проигрывали.

Место женщины в юрте было у входа. Жена не имела права называть мужа или его родственников по имени и не смела смотреть в лицо свекру.

Среди киргизских врачей большинство женщины. В Киргизии один врач приходится на 700 жителей, до революции приходился один врач на 100 000. В больницах 20 000 коек, до революции их было всего 100, в 150 киргизских колхозах имеются свои родильные дома, кроме этого, есть поликлиники и передвижные амбулатории. В Киргизии имеются медицинский институт и медицинские училища. 100 000 человек приезжают ежегодно на киргизские курорты и в санатории. Эти цифры я записываю перед отъездом из Чолпон-Аты.

Наша группа продолжает путь.

Нас предупреждают, что день будет напряженным, нам нужно набраться сил, плотно позавтракать. И ранним утром мы едим исык-кульскую рыбу разных сортов, блинчики, жареных кур, баранину, арбузы и запиваем все это кумысом.

Едем снова между тополями по древней дороге, по которой караваны две тысячи лет тому назад перевозили шелк и пряности из Китая и Индии в Рим, по ней бродили разбойники, шли завоеватели, по ней двигались бесчисленное количество раз переселявшиеся народы. Здесь полноводные реки и горные ручьи, вода журчит в маленьких каналах и в садах. Лучшие, плодороднейшие земли Киргизии находятся именно в этой восточной части бассейна Исык-Куля.

К обеду мы приезжаем в совхоз «Кызыл-Бирлик», где нас ждут и принимают по-дружески, молодой агроном-киргиз показывает нам хозяйство. Мы здороваемся с пастухами и сельскохозяйственными рабочими, нас приглашают в дома посмотреть, как люди живут, мы беседуем с женщинами и детьми. Дома новые, крепкие, с красивыми верандами и большими комнатами.

Совхоз большой и многоотраслевой, тут и фруктовые сады, и пшеничные и маковые поля, и высокогорные пастбища, и загоны для овец. В совхозе 25 000 овец на пастбищах, с пастухами поддерживается радио- и телефонная связь.

Кроме обычного скота, в совхозе есть еще шестьдесят яков. Эти удивительные животные хрюкают, как свиньи, хвосты у них лошадиные, а лазают они по горам, как дикие козы. У них длинная шерсть, им нравится климат на высотах, где лежит вечный снег, они охотно забираются туда, где воздух так разрежен и где человеку дышать трудно. Они сильнее обычных волов и могут нести поклажу, как верблюды. У них густое, как взбитые сливки, молоко, из него делают освежающий напиток, который киргизы называют «айран».

Ведутся опыты по скрещиванию яков с обычными молочными коровами, полагают, что таким путем можно получить новую выносливую породу, которая расширит возможности скотоводства в высокогорных районах Тянь-Шаня.

В этом совхозе много тракторов, комбайнов и других машин. Стрижка овец производится также механически.

Но лошади остались. Все киргизы — наездники и не могут представить себе жизни без лошади. У этих людей не было танца, но они танцуют на лошади. Их акробатические упражнения и игры на лошадях, в которых принимают участие и женщины, нужно считать особой формой танца.

Я вижу, как поэт Аалы прыгает в седло и подает прекрасный пример езды между яблонями и скалами. И все удивляются, почему я не хочу соревноваться с ним, и не верят, что я никогда не сидел на лошади. Неужели в Дании нет лошадей? Приводят маленькую кроткую, спокойную лошадку и предлагают мне с соблюдением многих мер предосторожности сесть на нее. Николай фотографирует. Если фото удастся, я смогу опубликовать его с надписью: «По дороге через Среднюю Азию».

В совхозе работает 1600 человек. Я спрашиваю, все ли они киргизы или есть и русские. Директор рассказывает, что в совхозе живут люди семнадцати различных национальностей. Есть и китайцы, и немцы. Рабочие и служащие совхоза получают твердую заработную плату и премии за пере-

выполнение планов хозяйства. Они члены профсоюза и имеют такие же права, как и все промышленные рабочие, — права на оплачиваемый отпуск, социальное страхование, пенсии и т. д. В совхозе есть своя больница, поликлиника, школа-интернат для детей пастухов, обычная школа, библиотека, детские учреждения.

Хозяйство разностороннее. Здесь выращивают пшеницу, а также ячмень, овес, кукурузу, картофель, подсолнечник, коноплю, опийный мак. Мы идем по фруктовому саду и осматриваем различные сорта. Здесь, на высоте 2000 метров, осень более поздняя, чем в Чуйской долине и на деревьях висят плоды. Наиболее распространенный сорт — очень крупные яблоки, каждое из которых может весить килограмм, они сладки, как мед, и родина их — Алма-Ата.

Через фруктовый сад мы выходим на большой луг, где стоит юрта и где нас собираются угощать. Мы знакомимся с председателем профсоюзной организации, с секретарем партийной организации и другими представителями рабочих и служащих совхоза. Мне сказали, что я встречу здесь своего коллегу. В нашу честь пригласили акына и ждут его приезда.

Встреча с ним — огромный и удивительный сюрприз. Я знаю этого человека давно. Он ничуть не изменился, он едет по узенькой тропинке среди фруктовых деревьев. В остроконечной шапке и темно-синем халате. Это друг моего детства из «Жизни первобытных людей», и на руке у него орел. Это похоже на сон.

Настоящий орел. На руку моего друга надета толстая перчатка, в которую орел вцепился своими мощными когтями, а на голове у орла маленькая кожаная шапочка, прикрывающая глаза. Орлу два года, его приучили к охоте на крупного зверя. Он легко может взять лису, а также одолеть и убить волка. С незапамятных времен киргизы держат таких охотничьих орлов, которые всегда были в цене, потому что орлиные гнезда на высотах Тянь-Шаня почти недоступны для человека.

С орла снимают шапочку, и мы видим его желтые глаза. К нему подгоняют курицу. Орел взмахивает крыльями и быстро вонзает в нее свои страшные когти.

Нас приглашают в юрту, где на полу выставлено велико-

лепное угощение. Мы сидим на войлочных коврах и медвежьих шкурах, нас почти тридцать человек. Юрта вместительная. Это куполообразная клетка из тонких деревянных палок, обтянутых войлоком. На стенах висят вышитые ковры, седла и упряжь. Внизу стоят раскрашенные ящики. Мы едим кур и шашлык, рис и овощи, плоский киргизский хлеб, который макаем в бараний жир. Из черных кожаных мешков наливаем кисло-сладкий кумыс, мы пьем из чайных стаканов, произносим речи, пьем за здоровье друг друга, за дружбу между Данией и Киргизией. Тысячи миль разделяют наши страны, все в них такое разное — природа, государственное управление, прошлое и планы на будущее, и все же, как ни странно, мы совсем не такие разные.

Акын — красивый, полный достоинства человек — сидит рядом со мной, неподалеку от него его комуз. Ему 73 года, он без труда ездит по каменистым тропинкам небесных гор, охотно занимается дрессировкой орлов и участвует в охоте на волков. Мы не можем разговаривать. Я не могу рассказать этому человеку о «Жизни первобытных людей», сказать, что я знаю его более пятидесяти лет и очень рад, что он существует на самом деле. Но мы понимающе улыбаемся друг другу, старый акын тянется за своим комузом, настраивает три струны и исполняет песню в нашу честь. У него красивый голос, мелодия исполнена томительной сладости и волнует меня. Может быть, скальды на моей родине пели именно так во времена Гаральда Синезубого.

Вносят новые блюда и длинные полотенца, которые нужно класть на колени. По старому обычаю кочевников в честь гостей режут барана, и те яства, с которыми мы только что закончили, были всего лишь подготовкой. Нам дают огромный кусок бараньего курдюка в одну руку и кусок печени в другую. Все это мы запиваем кумысом и вытираем лицо и руки полотенцем.

Куски горячего дымящегося бараньего мяса раскладываются по тарелкам, а голова оказывается перед почетным гостем и смотрит на него грустными глазами.

Я слышал об этом обычае и знаю, чего от меня ждут. Я вынимаю перочинный нож, отрезаю одно баранье ухо и протягиваю его хозяину, сам ем второе, похожее на кусок кожи, обмакнутый в стеарин. Мы чокаемся стаканами. За-

тем я вырезаю один глаз и передаю его акыну, певшему для нас. Он осторожно откусывает половинку и кладет вторую половинку мне в рот. Вторым глаз я должен съесть целиком, он похож на человеческий, с темным зрачком и выражением грусти.

Мы едим медленно и целеустремленно и не произносим более речей. В бараньей голове больше мяса, чем можно было предположить. Мне протягивают ложку, чтобы легче есть мозги, они считаются самым лакомым блюдом. Живот мой распух и натянулся, как барабан, я с тревогой смотрю на двух человек, опустившихся на колени и режущих что-то на большом жестяном блюде. Это готовится любимое блюдо киргизов, оно называется бешбармак — «блюдо пяти пальцев», жирное, питательное и очень вкусное.

Я сижу перед полным блюдом. Может быть, мне суждено умереть в Киргизии? Я совершенно спокоен, ем медленно и тщательно «блюдо пяти пальцев», ведь я могу умереть в сердце Азии с таким же успехом, как в любом другом месте, и меня похоронят на обочине древнего «шелкового пути», и, может быть, кто-нибудь нарисует маленького желтого льва или красную пятиконечную звезду на моей могиле. В эту минуту у меня на душе спокойно и тихо.

После «блюда пяти пальцев» мы едим пирожное, виноград, гигантские яблоки и арбузы, и никто из нас не умирает. Мы, могучие люди, и если я не могу так уверенно ездить на коне, как киргиз, или обращаться с орлом и охотиться на волков, то все же я завоевал уважение тем, что могу есть не хуже их.

Напротив меня сидит пастух, толстый, добрый, с маленькими веселыми морщинками у глаз, он рассказывает об охоте на волков в его юности. Тогда у пастухов не было огнестрельного оружия, только палки, они гнали волка на лошадях до изнеможения, пока волк уже не мог более бежать, падал и его убивали палками.

Для пастухов волк — самая ненавистная тварь. А для земледельцев — кабаны, потому что они роют землю и портят посевы. Но хуже всех горные ежи, они появляются по ночам и хозяйничают на бахчах, обгрызают кору с плодовых деревьев, накалывают яблоки на свои иголки, портят

виноградники. Медведи тоже крадут фрукты, но они ведут себя прилично и не портят деревьев для собственного удовольствия. В лесу здесь водится много медведей, киргизы любят медвежье мясо, но мясо кабанов не едят.

Мы уже не можем продолжать трапезу. Мы ели уже четыре раза, а до вечера нам нужно еще побывать в долине Джеты-Огуз — «Семь быков», где в нашу честь тоже, может быть, зарезали барана. Мы смотрим на часы. Скоро шесть. Наш шофер, который не пил ни водки, ни кумыса, заводит свой «ЗИМ», нужно прощаться. В последний раз я вижу старого друга моего детства, он снова надел островерхую белую войлочную шапку поверх тибетейки и стоит у машины в синем халате с орлом на руке. За ним простираются «Небесные горы», с лесами, с волками и вечным снегом.

Мы снова едем. Иссык-Куль по правую сторону от нас стал ближе, мы приближаемся к его восточному берегу и проезжаем реку Тюп, впадающую в озеро. Дорога поворачивает на юг, мы в мире богатой растительности, встречаем множество людей — на лошадях и в машинах. На полях тутовые деревья.

Дорога поднимается вверх. Мы приближаемся к Терской-Ала-Тоо, к той горной цепи, которая повернула солнцу спину и белые вершины которой казались нам облаками над Иссык-Кулем.

Мы сворачиваем с главной дороги и едем в узкую долину, где течет бурная река. Теперь дорога, извиваясь, круто поднимается вверх, горы — красные, зеленые и серые. Несколько верблюдов лежат на каменистой земле у реки, они поворачивают головы и смотрят нам вслед, среди них верблюжата с длинными шеями и маленькими горбиками. В долине несколько юрт, мы встречаем пастухов и стада овец, но я уже никогда не смогу заглянуть живой овце в глаза.

На крутых склонах — лес. Ели Тянь-Шаня высокие, темные, величественные, стоят на расстоянии друг от друга, как в парке, а между ними сочная зеленая трава и множество цветов. Долина сужается. По другую сторону пенящейся реки высится отвесная стена красного песчаника. Немного позже мы видим странной формы скалы из того же красного песчаника. Это «Семь быков».

Аалы рассказывает легенду об этих быках, которую я не совсем понимаю. Что-то о том, что они окаменели после того, как все жители долины были убиты на войне. Но скалы не похожи на быков и их вовсе не семь, а больше.

В этой удивительной долине, где гигантские ели стоят на фоне красных скал и где сквозь ущелья видны белые глетчеры, много горячих целебных источников, говорят, что еще в древние времена была известна их целебная сила. Где-то в долине есть скала с буддистскими надписями, которые говорят об этих горячих источниках.

Теперь в долине современный курорт, киргизские Карловы Вары на высоте 2500 метров над уровнем моря, куда со всех концов Советского Союза приезжают лечиться от ревматизма, кожных, желудочных и нервных заболеваний. Это известный курорт, а горячие источники, бьющие из недр земли, считаются очень действенными.

Главный врач-киргиз показывает и источники, и ванны, и различные отделения для специального лечения. И мы видим глубокий источник, в котором вода поднимается удивительно ритмичными толчками, как бы от подземного дыхания.

Ночь наступает внезапно. Звезды — ясные и низкие над елями, над «Семью быками» и над снежными горами. Нас везут в юрту, отведенную специально для гостей, где нас ждет великолепный ужин. Мы встречаем здесь работников из местного совета, из совхоза, они хотят отметить наш приезд. Мы пьем кумыс, произносятся речи, и я пытаюсь найти слова, чтобы выразить и наше волнение, и нашу благодарность.

После предварительных блюд появляется баранина. Сначала огромные квадратные куски курдючного жира и печени, затем вареное мясо и наконец голова для почетного гостя, с ушами, глазами и мозгом. Я протягиваю ухо председателю совета, а один глаз — главному врачу. Не морщась, ем второй глаз. Я понимаю, что медицинская наука не видит ничего плохого в такой плотной еде, если только не забывать поливать жирные блюда кумысом. А если что-нибудь случится, то есть больница с операционной всего в нескольких шагах. После бараньей головы появляется «блюдо пяти пальцев».

Для нашей группы отводится маленький белый домик. Он стоит вдалеке от строений курорта. Мы слышим, как шумит река за окном, воздух легок и прохладен. Чья-то заботливая рука поставила кувшин кумыса на ночной столик. Мы решили остаться здесь на несколько дней.

7

День начинается кумысом, блинчиками и мясом с капустой.

Кобылье молоко, перебродившее и содержащее алкоголь, богато витаминами «С», и в киргизских санаториях проводится специальный курс лечения кумысом туберкулеза, хронического катара желудка, неврастении и многих других заболеваний.

В округе много курортов и горячих источников. И если бы даже вода из источников и кумыс не помогали, то изумительная природа одна может сделать больного человека здоровым.

Мы едем долиной «Семи быков» по каменистой дороге рядом с пенящейся рекой и видим, как водопады низвергаются с головокружительной высоты. Через узкие ущелья проходят овечьи тропы к плоским пастбищам на высоте 4000 метров. В здешних лесах водятся медведи и рыси, а за границей лесов — снежные барсы и дикие горные козы.

Мы приезжаем в г. Пржевальск. Он расположен на высоте 1800 метров и по величине равен Хельсингёру. Это важнейший пункт на восточном берегу Иссык-Куля. Порт находился на расстоянии мили от города. Раньше город назывался Каракол, но ему присвоили имя исследователя географа Н. М. Пржевальского, который умер здесь во время исследовательской экспедиции. Он похоронен на холме у озера, ему воздвигнут памятник в стиле прошлого века с гигантским орлом на скале, крестом и бронзовой картой экспедиции Пржевальского.

На шоссе за городом нас ждут школьники с цветами. Маленькая девочка с черными косами и в белом переднике произносит в мою честь речь, и нужно быть сделанным из камня, чтобы тебя не тронула эта речь.

25 лет тому назад я написал роман о том, как калечат

В юрте молодая девушка в национальном киргизском платье, в жилетке зеленого бархата, в меховой шапочке, украшенной перьями совы. У нее восемнадцать мелких черных косичек, что означает, что ей восемнадцать лет. Мы спрашиваем ее, что она делает. Учится в средней школе. На будущий год она окончит школу и будет учиться драматическому искусству. Ее отец пастух.

Мы с Аалы выходим из юрты и смотрим на звезды, сияющие низко над равниной, они крупнее и яснее, чем в каком-либо другом месте Земли. Аалы показывает на Большую Медведицу и спрашивает, видим ли мы в Дании это созвездие. Я отвечаю, что видим, и каждый раз, глядя на Большую Медведицу, я буду вспоминать Аалы и радоваться тому, что в Киргизии и в Дании есть то общее, что мы можем рассматривать.

Аалы говорит, что это созвездие по-киргизски называется «Семь воров». Эти воры хотят украсть маленькую киргизскую лошадку, которая привязана у Полярной звезды, по-киргизски она называется «Золотой столб».

Очень важно, чтобы всегда были люди, которые смотрят на Полярную звезду и на воров, чтобы они никогда не смогли украсть маленькую киргизскую лошадку.

**МИР
СМОТРИТ
НА НАС**

ПО ДРЕВНЕМУ СЛЕДУ

Польский журналист Антон Маславский о юге Киргизии¹

1. Город на «Белом верблюде»

Здесь проходила трасса научно-исследовательской экспедиции Болеслава Гронбчевского, нашего земляка. Этот неутомимый путешественник и ученый основательно изучил и описал Кашгар, Памир, горные цепи Тянь-Шаня и Гиндукуша, пограничные районы Афганистана и Тибета.

Его исключительно добросовестные и детально научные записи, несмотря на поразительные перемены, которые там произошли, являются по сей день ценным источником описания природы и этнографии Средней Азии.

Во главе каравана «с восемью хорошо вооруженными людьми» Гронбчевский неоднократно проходил и земли, заселенные киргизами.

Несколько раз во время этих путешествий он пересекал плодородную Ферганскую долину и задерживался в Оше, невеликом в то время городке, расположенном на стремительной речке Ак-Бура, что по-узбекски означает «Белый верблюд».

«Он расположен на высоте 972 метра над уровнем моря в наилучших, пожалуй, климатических условиях всей Ферганы,— пишет Гронбчевский в «Путешествиях по Средней Азии». — Жара не очень донимает, ибо по ночам с гор дует холодный ветерок... Свежая, чистая вода Ак-Буры, направляемая искусственными каналами на поля, дает возможность обильного полива посевов и закладки огородов... Городок утопает в зелени деревьев. Особенность Оша — это высокая до 200 м скалистая гора, со срезанной верхушкой. Гора называется Тахтон-Сулейман (Трон Соломона) и привлекает летом тысячи путников...»

¹ Заметки опубликованы в журнале «Континенты».

Ранее Гронбчевского, еще в 1868—1871 гг. посетил Ош Федченко. Он обратил внимание на покоряющую красоту Ошской панорамы: «...город опоясан вдали амфитеатром величественных гор, частично покрытых вечным снегом... Горы исключительно красивые...» Федченко тоже подчеркнул, что «город отличается относительно мягким летом, приятной весной и хорошей водой».

Следовательно, Гронбчевский и Федченко согласны в оценке красоты и исключительно благоприятных климатических условий чудесного города на Белом верблюде. Действительно ли в Оше лето «относительно мягкое», а жара «не так доносится» — это уже зависит от восприятия.

С каменного массива Сулейман-горы передо мной располагается панорама векового города с огромным поясом интенсивной зелени, уступ остроконечных Алайских гор с красочно выходящей голубой лентой Ак-Буры.

Глядя на Ош с небольшой высоты, создается впечатление города, границы которого исчезают где-то на горизонте. В тени стройных тополей, акаций и ветвистых карагачей, среди садов, густых от абрикосовых деревьев, персиков, айвы и виноградных лоз — кроются строения, сохранившие колорит ушедших столетий, рядом с привлекательными и современными силуэтами громадных общественных зданий и жилых массивов.

На юге Киргизии много археологических памятников — они дают богатый материал для исследования далекого прошлого этого края. Установлено, что уже в IV веке до н. э. здесь жили племена животноводов и земледельцев, существовали поселения с оборонными валами. Предполагают, что от названия одного из этих племен «уш» взял свое название город на Ак-Буре. Упоминают об этом старинные письменные источники...

Стоит отметить, что полустолетием раньше в маленьком тогда Оше было более ста мечетей, но одна аптека, один врач и одна акушерка. Ныне город стотысячный, гулкий, но отнюдь не на восточный манер — ярмарочный и крикливый.

Новые, европейские, сказал бы я, формы вгрызаются в заостренность прошлого и разрушают его. Громадные экскаваторы, бульдозеры и строительные краны преобразуют город.

Экзотику примитивных кибиток, глиняных дувалов и пыльных узких улочек вытесняют бетон, стекло и асфальт. Вырастают просторные предместья (Ош тоже имеет свои «Черемушки»), возможно, с однообразной архитектурой, но, бесспорно, исполненной особенной красоты.

В Оше, как и везде в Средней Азии, существует сильное стремление к современности.

На шелкокомбинате имени ВЛКСМ, который выпускает 8,5 миллиона метров тканей в год, с 3500 рабочих в две смены (преимущественно женщинами), показали мне цехи, оснащенные сотнями автоматических веретен, могучие ткацкие станки и сложные технические устройства, равные мировому уровню в этой области. Я там видел цехи с отличной вентиляцией (несмотря на исключительную жару, там было почти холодно), с отменным организованным внутренним транспортом и хорошо налаженной организацией труда.

Осмотрели мы большую ТЭЦ мощностью в 50 тыс. квт, одну из самых современных в Средней Азии. Современная техника прочно вошла здесь в жизнь промышленности, строительства, на транспорте. Современность в производстве, образе жизни, одежде и т. п. сосуществуют здесь с местными традициями и обычаями, — это специфика советской Средней Азии.

Разумеется, не может быть и речи о парандже, запрещенным калым, исчезают предрассудки и суеверия. Но живы популярны национальные блюда, с отменным пловом во главе. В городе изредка встречаются молодые люди и взрослые в традиционных народных костюмах. Почти у всех на головах узорные тюбетейки.

И на этом кончается местная «экзотика», ничего общего у нее с отсталостью, суевериями, предрассудками и примитивными условиями жизни. В Оше немного уже осталось от восточного.

2. Араванские встречи

От Польши до Аравана по прямой линии, наверное, 7000 километров. Оказывается, это не так уж далеко. Араван — солидный центр обширного и богатого района, славящегося высокими урожаями хлопка, культивируемого на искусствен-

но орошаемых землях. Расположен в Ферганской долине, среди скалистых гор, на берегах стремительной речки Араван-Сай, красочно выделяющейся на фоне Алайских гор.

Председатель колхоза имени XXII партсъезда Азамхан Сайдамов, рослый, полный, простой, охотно смеется во весь голос, показывая полный рот золотых зубов. Шумно приветствует меня в своем кабинете:

— Польша, знаю, знаю, — повторяет он. — Знаю поляков. Во время войны их здесь было много, около тысячи. Часть их ушла к Андерсу и уехала в Иран, часть пополнила дивизию им. Тадеуша Костюшко, остальные вернулись в Польшу в 1946 году. Я тогда был председателем колхоза «Бирлик». У нас тогда была бригада, состоявшая из одних поляков. Справлялись с делом исключительно хорошо, а на машинно-тракторной станции были просто незаменимыми. Трудно представить лучших механиков и водителей.

На рынке у внушительного универмага подходит ко мне высокий худой мужчина в легкой шляпе с широкими полями, защищающими лицо от назойливого солнца.

— Зовут меня Исраил Сулейманов, — подчеркнуто акцентирует слоги своего имени и фамилии. — Запишите точно, прошу — Исраил Сулейманов. У меня большая просьба. В 1944 году я бежал из немецкого плена, перебрался в Польшу, где связался с польскими партизанами. Я сражался в рядах Народной армии в районах Радома, Чепетиховы, Кельце. Командиром нашей группировки был полковник Мочер. Очень хотелось бы связаться с тогдашними моими непосредственными начальниками. Они скрывались под кличками «Сердце», «Дон». Их фамилий я не знаю. Первый из них, наверно, был поляком, а второй, кажется, русский.

Исраил Сулейманов обеими руками жмет мою руку.

— Прошу вас, товарищ, — говорит, — не забудьте. Заклинаю вас наградами, которые я получил на польской земле. Помогите мне найти их...

Несколькими часами позже сидел я за дастарханом, в застланной узористыми коврами чайхане колхоза имени Жданова. Пил кок-чай, утоляющий жажду, закусывал ароматными лепешками, доставал из огромной чашки черешню и ароматные абрикосы.

Рядом со мною сидел председатель колхоза Тойчи Кочубаев, ладный мужчина, с кипучей энергией, занятый одновременно десятками дел: дает какие-то распоряжения, подписывает документы, вызывает к себе работников. Много забот на его плечах. Не только хозяйство с 9300 гектарами поливных земель, с каждого гектара которых собирают 43 центнера хлопка.

Он депутат Верховного Совета СССР, член ЦК партии Киргизии, депутат и член Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. Несмотря на свою относительную молодость, он отец десяти детей. Колхозный бухгалтер, который давал нам исчерпывающую информацию о колхозном хозяйстве, не преминул похвалиться, что и у него десять детей.

Оказывается, председатель Кочубаев хорошо знает Польшу. В 1944 году принимал участие в боях за освобождение Варшавы. Награжден многими польскими медалями и военными наградами.

К нам присоединяется прибывший на «Москвиче» работник Араванского райкома партии Джумалы Насыров. Во время войны он вступил в освобожденную Варшаву как командир танкового отделения.

— Я видел там море руин, — вспоминает он, — я не верил, что когда-нибудь удастся поднять из пепла и руин Варшаву, что возможно будет придать ей прежний вид. А когда совсем недавно по телевидению передавали программу из Варшавы, и я увидел, какая она красивая, красивее, чем была, я был тронут до слез. И подумал, что в этом не только пот ее строителей, но и кровь ее освободителей. Есть там и капля моей крови...

Таких встреч с киргизами, узбеками и другими представителями народов Средней Азии, для которых Польша является не только географическим понятием, но и близкой страной — уважаемой и хорошо известной — было во время моего путешествия без счета.

«Ленинский путь», Ош, 9 июня 1967 г.

ГОЛОСА ГОР

Ян Петранек, работник Пражского радио

Находясь в столице Киргизии г. Фрунзе, я услышал историю Пишпека, был до революции такой город. Впрочем, городом его никак нельзя назвать. Это, скорее, была деревня с кривыми улицами и одноэтажными халупами под камышовой крышей.

Великая Октябрьская социалистическая революция далеко отодвинула то время. Исчезли кривые улочки, подслеповатые домишки — их место заняли стройные многоэтажные дома... Лишь один старенький домик остался в центре города. Фрунзенцы берегут его, как нечто дорогое, близкое сердцу каждого гражданина, заботливо охраняют его и поддерживают в хорошем состоянии. Это родной дом М. В. Фрунзе — выдающегося революционера, горячего борца за идеи Ленина. Здесь Фрунзе родился, вырос, здесь начал познавать мир, полный несправедливости. И, может быть, именно в этом маленьком домике он решил посвятить свою жизнь борьбе за счастье простых людей, за правду... Город, в котором впервые взглянул на мир революционер Фрунзе, стал носить его имя.

Рассказывают, будто два американских туриста, побродив по городу, остановили прохожего, и между ними произошел примерно такой разговор:

— Ваш город очень зеленый... Говорят, и название его — «Фрунзе» — в переводе с молдавского значит «зеленый»?

— Вы правы, — ответил прохожий, — город наш подобен саду. Но имя свое получил не поэтому. Здесь родился великий ленинец — Михаил Васильевич Фрунзе...

Да, с гордостью произносят горожане, все люди Киргизии это слово — «Фрунзе». Раз в год, в день рождения пол-

ководца-революционера, приходят они в маленький домик на улице Фрунзе, чтобы приветствовать этот уголок, где родился Михаил Васильевич.

На иностранца город производит незабываемое впечатление. Он стоит так близко у Тянь-Шанских гор, что кажется, будто снеговые шапки вершин заглядывают на его улицы.

...Наш турбореактивный самолет делал крутые виражи, идя на посадку.

— Это и есть Фрунзе, — сказал военный, что сидел рядом со мной. За время пути мы успели познакомиться. Он — инженер-связист. По происхождению из кавказских народов. Но Киргизию любит, как свою родину.

— Вот демобилизуюсь, — говорит он, — займусь проблемами ретрансляции радио в этих горах.

Радио... Еще совсем недавно, лет тридцать назад, здесь было несколько радиоточек. А сейчас без радио люди этой горной республики не представляют своей жизни.

Мне довелось беседовать с работниками Киргизского радио. Это разные люди, но все любят свое дело, все горят желанием как можно больше принести пользы другим...

Верхом на лошади мы едем вверх, на Джайлоо — высокогорный луг. Меня с удовольствием вызвали сопровождать председателя колхоза имени Кирова и редактора радиовещания для тружеников села. Вокруг — хребты. Вдали пасется большая отара овец. Вдруг до моего слуха долетела музыка. Знакомая мелодия! «Танцуй, танцуй, выкручай!» Не может быть! Но музыка звучит все сильнее и сильнее. Из-за скалы навстречу нам выезжает верхом на лошади пастух. К седлу привязан маленький радиоприемник. В это время диктор Киргизского радио Алексей Филатов объявляет:

— Вы слушали попурри на темы словацких песен.

Не могу описать, какие чувства испытал я в горах. Снежные вершины над головой, сильный, берущий за душу запах трав и музыка! Невольно на ум пришло изречение Марко Поло, путешествовавшего в этих краях 700 лет назад: «...Ничего не видно, и различные голоса, выходящие из пустынь и гор, влекут и сводят с ума одновременно».

Звуки гор... Они приобретают более четкое, конкретное определение: звуки гор — это и звуки радио. Ведь в каждой

юрте, у каждого чабана сегодня есть радио, есть связь с республикой, с Москвой, со всем миром!

Несколько дней спустя, когда мы осматривали город, заместитель председателя радиокомитета сказал:

«Радио в жизни наших людей имеет очень большое значение, о котором многие и не подозревают. Животноводы, находящиеся далеко в горах, очень жадны до всего нового, жадны до хороших новостей. Раньше, до революции, роль радио в некоторой степени заменял «узун-кулак» — человек «длинное ухо». Он объезжал айлы и разносил вести о несчастьях, о бедах, о новых приказах царя и очень редко приносил радостные вести. Когда вспыхнула Октябрьская революция, появился «кызыл узун-кулак» — «красное длинное ухо». Это был связной красноармеец, принесший в айлы радостную весть о свободе. Сегодня роль связного выполняет радио. И не только связного... Радио в горах прижилось навеки».

Я покинул гостеприимную Киргизскую Советскую Социалистическую Республику, унося в сердце хорошее высокое чувство. Это чувство вызвано встречами и беседами, которые произошли в стране серебристых гор.

Прага — Фрунзе — Прага «Комсомолец Киргизии», 26 ноября 1961 г.

ПАСТУХИ НА ВЕРТОЛЕТАХ

Сокращенный перевод очерка специального корреспондента Парижской газеты, совершившего поездку по республикам Средней Азии

В сердце Киргизии, этого чудесного дикого края, находится научная экспериментальная животноводческая станция.

— Мы работаем уже двадцать лет, — говорит ее директор. — Наши «спутники» — это породы тонкорунных овец, приспособленных к жизни на большой высоте. Мы также создали гигантского барана и самую крупную козу.

Но еще более важное значение для экономики страны имеют опыты, которые проводят исследователи над яками. Молоко самки яка отличается гораздо более высокой жирностью, чем у коровы, и имеет тот же вкус. Поговорка горцев Памира утверждает, что это молоко такое густое, что на нем может плясать заяц и не утонет. Я попробовал освежающий напиток, который называют «айран». Я уверен, что если бы здешние животноводы начали экспортировать айран в Европу, их колхоз нажил бы состояние.

Я видел, как на огромных прямоугольниках работают тракторы, поднимая целину степей, в то время как стада яков и лошадей покидали прерии, поднимаясь на высокогорные плато и уходя от машин.

Но даже в горах господствуют машины. Я стою на скалистом выступе, повисшем над долиной. Внизу передвигается облако пыли. Овцы, овцы, овцы... Тысячи овец, толкая друг друга, устремляются вперед. Вдруг раздается размеренный металлический гул. Я поворачиваю голову и вижу, как над пыльной тучей внизу движется вертолет. В лучах уходящего солнца его лопасти ослепительно сверкают. Киргизские пастухи уже не всадники, как это было в прошлом. У их лошадей выросли крылья.

Когда самолет приближается к столице Киргизии, внизу вырисовываются улицы и кварталы города, окаймленные рядами тополей и вязов. Большой базар, каким был прежде Пишпек, с его глиняными разномастными домами, не имел ни одного завода, здесь не было ни канализации, ни электричества, ни театра.

Самое большое предприятие города — завод сельскохозяйственных машин. В его просторных цехах стоит самое современное оборудование. Директор завода с гордостью говорит мне:

— Киргизия экспортирует свои машины в Польшу, Болгарию, Германскую Демократическую Республику, в страны Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Киргизия, лежащая на краю света, которую мы знаем как страну легендарных всадников, превратилась в промышленный центр с полуавтоматическими заводами.

Прежде Киргизию считали самой отдаленной от мира страной, практически недостижимой для современной цивилизации. Местное население состояло из кочевников, занимавшихся только скотоводством. И сегодня скотоводство является главным богатством страны. Но поголовье скота неизмеримо выросло количественно и качественно. Долины превратились в поля, а в городах выросла промышленность.

— У нас, — говорят киргизы, — промышленность продвигается вперед быстрее, чем сельское хозяйство.

И в этом нет ничего удивительного. Недра этой республики таят огромные богатства: уголь, нефть, природный газ, свинец, молибден, вольфрам, ртуть и даже золото.

Несмотря на интенсивные исследовательские работы, еще не удалось подсчитать гидроэнергетические запасы страны, но советские ученые считают, что гидроресурсы Киргизии превышают ресурсы ФРГ, Англии, Франции и Швейцарии вместе взятых.

Практически в Киргизии больше нет кочевников. Темные прокопченные юрты исчезли. Оседлый образ жизни привел к появлению 15 новых городов и более 300 поселков. Ныне все киргизы являются кандидатами на получение хорошей квартиры. Все они хотят пользоваться теперь электрическими бритвами и телевизорами. Эпоха керосиновых ламп безвозвратно канула в прошлое.

«Комсомолец Киргизии», 11 августа, 1963 г.

СТРОИТЕЛИ-АЛЬПИНИСТЫ

Адольф Поплавский, польский журналист

Одолев поднебесные снежные перевалы Великого Киргизского тракта Тюя-Ашу и Ала-Бель, мы оказались в долине Токтогульской долины. У каменных ворот этой долины подымается могущественная гора дивной седловидной формы. Она привлекает внимание каждого проезжего. Как будто кто-то вырвал её из ровного ряда вершин и передвинул на берег Нарына.

Старая киргизская легенда гласит, что это сделал батыр-великан. Хотел преградить Нарын и дать влагу долине. Пришел от ста кобыл, отдохнул и принялся за работу. Ключнул кетменем хребет горы, напряг все свои силы и потянул. Но гора даже не дрогнула.

«Я мало поел», — подумал батыр и отложил работу до завтрашнего дня. На завтра он приказал приготовить дважды по сто баранов и двойную порцию кумыса. В этот день он забил кетмень в хребет горы с такой силой, что земля глухо застонала, а гребень горы глубоко запел. Обрадованный батыр напряг силы и вновь тянет и тянет. А гора даже не дрогнула.

«Я еще слишком мало поел», — подумал великан и прервал работу. На третий день он съел мясо ста яков и запил кумысом от ста табунов. За работу принялся к полудню. Со свистом урагана вбил кетмень в хребет горы и дернул им изо всех сил. Гора передвинулась несколько к берегу Нарына. Но от чрезмерного усилия у батыра-великана лопнуло сердце, и он не сумел перегородить Нарын.

Легенда гласит, что след, оставленный кетменем богатыря, послужил названием для горы Кетмень-Тюбе. Ранее и

долина, у ворот которой стоит гора, называлась Кетмень-Тюбинской. Позднее ее переименовали в честь Токтогула, великого киргизского акына-демократа, который здесь родился.

Нарын, пробежав Токтогульскую долину, расположенную на высоте 800—900 метров на уровне моря, вновь вынужден прорываться через расщелину в высокой горной цепи.

В самом узком месте каньона решено, вопреки предостережениям легенды, перегородить Нарын, возвести плотину и построить гидроэлектростанцию. Чтобы добраться до места строительства, мы вынуждены опять взбираться по крутым серпантинам на очередной перевал Кок-Бель.

Уже вечерело, когда мы прибыли в Кара-Куль, поселок строителей Токтогульской гидроэлектростанции. Мы разместились в милой, уютной маленькой гостинице. Освободившись от багажа, мы направились в кафе-ресторан «Чолпон». Здесь — первые неожиданности. В недоступном до недавнего времени, диком, безлюдном и пустынном Тянь-Шане построено сооружение, которого не устыдился бы ни один столичный город. Металл, стекло и пластмасса. Приличный оркестр. Симпатичная и быстрая служба. Вкусные, дешевые и в большом выборе блюда. В такой атмосфере быстро проходит дорожное утомление. Обстановка в зале становится все более приятной, подходят все время новые гости, начинаются танцы. По примеру местных завсегдатаев, заказываем и мы армянский «кумыс» с тремя звездочками. Из-за этого «кумыса» я был заподозрен в отсутствии трезвости. Стульчики и столики в зале с первого взгляда показались мне какими-то свойскими. В какой-то момент я взял пустующий соседний стул, перевернул его вверх ногами и принялся разыскивать фабричную марку. Мой киргизский коллега забеспокоился, подбежала официантка.

— Очень извиняюсь, — предупредил я ее. — Хочу только проверить, чьего производства эта мебель.

— Польская, — ответила она спокойно.

Наконец, я нашел фирменную марку и рассмеялся. Разве это не удивительно. Польская фабрика поставляет мебель киргизскому кафе-ресторану в местности, затерявшейся где-то в горах Тянь-Шаня!

На следующий день утром мы поехали на строительную площадку. Находится она довольно далеко от поселка Кара-Куль, в тесном, почти вертикальном каньоне Нарына. Собственно говоря, здесь нет того, что мы привыкли именовать строительной площадкой. К месту, где встанет именовать в горы могучая железобетонная плотина, ведет узкая дорога, высеченная над правым берегом реки. На свободных досках земли стоят будки и вагончики-конторки руководителей работ, защищенные от падающих со склонов камней покрытием из толстых балок.

Теперь главные работы ведутся на адски отвесных склонах гор и внутри них. С дороги в глубь гор ведут тоннели. На склонах видны черные отверстия выходных ворот (порталов) и зигзаги временных сходней и лестничек, прикрепленных к скалам стальными скобами.

Над руслом реки висят, как паутина, разные провода, протянутые от скалы к скале, напрягаются гибкие временные мосты, натянутые между берегами реки, блестят клетки нового стального моста, который соединяет оба склона. На дне каньона шумят ревущие, мутные воды Нарына.

Над мертвым отрезком русла Нарына разворачивается сейчас настоящая битва. Высоко на узких скальных карнизах, выступах или под отвесными скалами работают, повиснув на тросах, взрывники и водители бульдозеров.

В главном транспортном и во вспомогательных тоннелях работы ведутся непрерывно. Через транспортный тоннель автомобили смогут доставлять бетон на площадку, расположенную выше гребня будущей дамбы.

Строительство Токтогульского гидроузла проводится в специфических условиях. Все грузы на стройку доставляются автомобильным транспортом — ближайшая железнодорожная станция находится на расстоянии 100 километров.

Площадь застройки расположена в неблагоприятной по сейсмическим условиям местности, может быть подвергнута толчкам с силой 9 баллов. Место строительства самого гидроузла имеет такой рельеф, что фронт работ проходит вертикально, и работы приходится вести постепенно сверху вниз.

Все эти необычные обстоятельства приводят к тому, что Токтогульский гидроузел представляет собой действительно

уникальную стройку и требует совсем новых, нигде не применяемых решений. Это заставляет весь коллектив творчески трудиться над разрешением фундаментальных проблем.

— Для того, чтобы в предусмотренный планом срок пустить электростанцию, мы вынуждены ежедневно преодолевать небывалые трудности. Показали ли вам отметку 1300? Нет? Тогда обратитесь к Дмитрию Бушману, руководителю работ по освоению склонов, пусть он вам устроит экскурсию, — сказал в заключение нашего разговора главный инженер Толкачев.

На следующий день рано утром я направился в контору Бушмана, молодого, исключительно располагающего инженера, пользующегося огромной популярностью. Я получил каску, комбинезон, тяжелые кожаные ботинки. Перешел через висячий мост на левый берег Нарына. По крутым деревянным ступенькам я взобрался на скалистый уступ, откуда отправляются пассажирские бульдозеры, доставляющие рабочих на отметку 1300.

Над скалистым уступом устремляется ввысь почти вертикальный склон, посмотришь — кружится голова. Как будет взбираться по такой крутизне тяжелая машина? Может лучше пойти пешком? Все остальные пассажиры не проявляли никакого беспокойства. Одни читали газеты, другие весело разговаривали. Наконец, появляется какая-то важная персона, которую ожидали, и бульдозер трогается. Трасса узенькая. Правая гусеница соприкасается со скалой склона, левая ползет по краю пропасти.

Резкий поворот вправо и вверх. Кренко хватаюсь за поручни. Мне кажется — в любой момент выпаду. Теперь правая гусеница ползет по краю пропасти, через мгновение — опять левая. Прямые отрезки сумасшедшей зигзагообразной трассы очень коротки. Только потом несколько удлиняются. Недалеко от отметки 1300 выходим. Ночью на дорогу упали многотонные скальные блоки и совсем ее перегородили. Дальше мы пошли пешком.

Путешествие по проторенной дороге вызывает много острых ощущений. С какими же трудностями приходилось бороться тем, которые прокладывали ее первыми. Тогда гусеницы ползли не по краю пропасти, а часто нависали над ней. Но нельзя было остановить бульдозер, свежетронутый грунт

мог осыпаться и... эта опасная трасса проложена за три месяца.

На самой отметке 1300 рабочие наткнулись на лежбище архаров — горных козлов. Лежбище находилось над отвесной скалой, и рабочие прятались там от дождя, сушили одежду у огня. В связи с этим бригады инженера Бушмана, осваивающие левый склон, стали именовать «архаровцами». «Архаровцы» действительно, как горные козлы, добираются до самых недоступных мест. Провели на отметку 1300 линию высокого напряжения, строят мачты в самых трудных пунктах. Перебросили над каньоном Нарына, с его правого берега на левый, километровую магистраль со сжатым воздухом. Когда после местного землетрясения нависла угроза обвала огромного скального блока на компрессорную станцию, «архаровцы» устранили опасность.

Исключительное восхищение вызывает водитель бульдозера, который первым прокладывает основание для дороги. У него перед бульдозером и по бокам крутая пропасть. Я долго присматривался к нему. Когда он на минуту прервал работу и вышел из машины, по его лицу текли струи пота. Закурил папиросу, глубоко затянулся, медленно выпустил дым и, улыбаясь, сказал:

— Мы здесь, как саперы, можем ошибиться только один раз. Но это захватывающая работа, по-настоящему мужская.

Журнал «Пишлянь» («Дружба»), № 20.
«Ленинский путь». Омь, 17 июня,
1967 г.

ПУСТЬ КРЕПНЕТ НАША ДРУЖБА

Стоян Караджов. Чрезвычайный и Полномочный посол Народной Республики Болгарии в СССР

Я от всего сердца приветствую инициативу Общества советско-болгарской дружбы, Союза журналистов Киргизии, редакций газет «Советтик Кыргызстан» и «Советская Киргизия» по организации конкурса дружбы.

...Огромные расстояния отделяют Советскую Киргизию от Народной Республики Болгарии, но наше общее стремление к коммунизму связывает нас навеки. И я убежден, что конкурс дружбы будет способствовать дальнейшему взаимному ознакомлению наших народов, укреплению вечной дружбы между болгарским народом и народами великого Советского Союза, в том числе и с трудолюбивым и героическим народом братской Советской Киргизии.

«Советская Киргизия», 12 июля 1964 г.

Я ВИДЕЛА, Я СЛЫШАЛА, Я УЗНАЛА

Лейла, наблюдательница от МДФЖ, участница Семинара по вопросу образования, организованного для женщин стран Африки Комитетом советских женщин и советской комиссией по делам ЮНЕСКО.

...Вторая часть семинара заключалась в посещении учебных заведений различных типов, а также учреждений, ведающих вопросами образования в Узбекистане, Таджикистане, Туркменинии и Киргизии.

Делегатам была предоставлена возможность поехать в ту республику, в какую они пожелают. Выбор очень трудный, но с самого начала я решила поехать в Киргизию. Возможно, это объясняется тем, что последняя книга, которую я прочла перед поездкой на Семинар, была «Верблюжий глаз». Книга эта принадлежит перу молодого киргизского писателя Чингиза Айтматова. Это произведение пробудило во мне желание посетить страну, которая до Октябрьской революции не имела ни одного города и население которой состояло в основном из кочевников-скотоводов.

Посетив Киргизскую киностудию, я с радостью узнала, что «Верблюжий глаз» скоро будет экранизироваться. Если вы увидите этот фильм, вы поймете, почему я выбрала Киргизию, особенно, если вы приехали из страны, страдающей, как моя Родина, от постоянных засух и отсутствия системы ирригации.

Столица Киргизии — город Фрунзе — отстроена после революции и целиком оправдывает свое прозвище «город-сад». Глядя вниз через иллюминатор самолета, я представляла себе прекрасные лица создавших все это людей, и не только киргизов, но и людей множества других национальностей, населяющих Советский Союз, особенно русских, которые совместными силами бросили вызов пустыне и засухе, изменили течения рек, построили замечательные плотины и превратили Киргизию в сад, в страну зеленых пастбищ, где па-

сутся миллионы голов скота, что обеспечило развитие отрасли хозяйства Киргизии — мясо-молочной промышленности.

Мы узнали, что киргизы получили свою письменность, как они довели грамотность населения с 2 до 100% и как они подняли свою страну в некоторых отношениях на уровень стран, вступивших на путь экономического и культурного развития гораздо раньше, чем Киргизия. Создается впечатление, что женщины здесь господствуют во всех областях. Мы встречали женщин-министров, деканов факультетов, врачей, директоров предприятий и т. д. И вместе с тем эти женщины — любящие матери и воспитательницы своих детей.

*Журнал «Женщины мира», 1963,
№ 1, стр. 12.*

СИМВОЛ БОЛЬШОЙ ДРУЖБЫ

ЖОРЖ БЕРЮТЕ,
французский педагог:

«Яблоньки, высаженные в Чуйской долине нашими руками — руками друзей, щедрость сердец и искреннее гостеприимство, ощущавшееся повсюду, замечательные успехи благословенной Киргизии навсегда останутся в нашей памяти. Все было интересно и поучительно. Мы узнали об уровне развития культуры во время посещения театра оперы и балета, просмотра кинокартин, посещения музея изобразительного искусства, публичной библиотеки. И во всем этом увидели неоспоримое стремление народа внести свой вклад в развитие общечеловеческой культуры.

Нужно признать, что мы приехали с самым смутным представлением о Киргизии. В этом отношении мы, наверное, явились жертвами стереотипа, который сводит страну к нескольким картинкам весьма фольклорным. А Киргизия, которую мы открыли, сохраняет свои национальные черты и самобытные традиции. Это — современная страна. Для нас, французов, здесь есть много материала, чтобы подумать о собственной системе.

Будем рассказывать соотечественникам, что время экзотических картин для Киргизии прошло и что нужно покончить с наивными представлениями. Бесспорно, Киргизия — страна новая, она совершила огромный скачок в своем экономическом и культурном развитии. И у нее такое многообещающее будущее, о котором многие иностранцы даже не подозревают.

...Мы никогда не забудем ни киргизских цветов, ни величественных киргизских гор, ни хороших людей Киргизии и особенно счастливых улыбок детей. Наша программа, говоря советской терминологией, переполнена. Наша поездка,

мы уверены, послужит великому делу укрепления дружбы между народами Франции и СССР».

ЭТЬЕН КЕГИНЕР,
французский педагог:

«Необходимо отметить, что символом и мерилом современной Киргизии является ее молодежь. Меня поразили стремление и задор молодых людей совершать большие дела. И в этом я вижу прекрасное будущее Киргизии».

ПОЛЬ МОРИССАЛЬ,
французский педагог:

«Всей группе очень понравились городские и сельские здания школ, которые вполне отвечают потребностям педагогов и детей. Хорошо организованный процесс захватывает ребят, которые учатся».

«Советская Киргизия», 22 апреля 1965 г.

* * *

СИРАЖИДИН-ХАН,
директор научно-исследовательского
института хлопководства в Паки-
стане:

«Мы побывали почти во всех городах республик Средней Азии и Казахстана, в колхозах, совхозах, институтах, занимающихся сельскохозяйственными проблемами».

Не секрет, что таких замечательных успехов вы добились прежде всего благодаря проведенной в вашей стране коллективизации сельского хозяйства. Система ваших колхозов нам понравилась, и мы надеемся, что со временем, мы перейдем ваш опыт».

КЛОД АРНАК,
Франция:

«Страна, которая еще совсем недавно была белым пятном на географической карте, страна, казалось, обреченная на полную изоляцию от внешнего мира и нищету, — эта страна предстает сегодня перед ее гостями сказочно богатой, живой, развивающейся. Всё здесь перспективно — и то, что под землей, и то, что на земле, жизнь в республике бьет ключом».

АХМЕД ХАМДИ ЭБЕИД,
Государственный министр по делам
местного самоуправления ОАР:

«Мы приехали в СССР и, в частности в Киргизию, чтобы познакомиться с богатым опытом строительства новой жизни во всех областях. Мы убедились в большом прогрессе замечательной Киргизии как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и культуре».

Мы находились среди великолепного народа с открытым и добрым сердцем, среди искренних друзей».

«Советская Киргизия», 5 ноября 1969 г.

ЭСТЕР ШИЛДЗ,

американский журналист:

«Киргизия — очаровательная комбинация древней среднеазиатской культуры и стремительно современного социализма... Народ Киргизии смело смотрит вперед. Он успешно строит электростанции и ирригационные сооружения, создает промышленные предприятия. Люди, чьи деды были рабами при царе и местных феодалах, с большим энтузиазмом трудятся в своей молодой Академии наук».

АУСЕДЕ КАССАЙ,

инспектор по школам, представитель эфиопской благотворительной ассоциации:

«Нас вдохновляют те достижения, которые мы видели у вас, особенно успехи в ликвидации неграмотности. Ведь в

странах Африки еще предстоит решить эту важную проблему.

Мы просто поражены, что столько среди женщин у вас высокообразованных специалистов».

ГАБРИЭЛЬ ЛОЗЕС,
видный общественный деятель Дагомеи:

«Советский Союз, в том числе Киргизия: — ярчайший пример дружбы народов. Здесь мы почувствовали великую силу социалистической системы. Не думаю, что в мире есть какая-либо другая страна, где так высок трудовой героизм народа, где так неукротимо стремление жить в мире и дружбе».

МИХАЙ ШЕБАШТЬЕН,
инженер из Венгрии:

«Нам приятно было посетить далеких друзей, занимающихся тем же, что и мы — приборостроением. Нельзя не порадоваться высокому уровню производства, прекрасному знанию инженерами и рабочими своего дела».

РОДОЛЬФО САЛАНО ОРФИЛА,

экономист, общественный деятель Коста-Рики:

«Говорят, что на земле нет полного счастья. То, что мы увидели в Киргизии, убедило нас, что есть на земле счастье. Мы чувствуем, что кусочек нашего сердца остается здесь, по эту сторону мира. Лучшее, чем мы можем отблагодарить вас, — это рассказать правду о Киргизии нашему народу.

Наша страна пока сельскохозяйственная, но мы стремимся ее индустриализовать, хотя в наших условиях это очень трудно. Пример Киргизии для нас очень хорош. Постараемся его учесть».

МБАКАНГАЛЕ,
заместитель генерального секретаря Центрального Комитета партии «Африканский национальный союз Танганьики»:

«Нас покорили жизнь трудящихся, радушие людей, добрые улыбки. Ведь известно, что человек не может радоваться, если он голоден, живет в нищете. Мы видим, что у вас делается все, чтобы удовлетворить нужды трудящихся».

КЭНДЗО ОГУТИ,
председатель японской федерации профсоюза рабочих текстильной и швейной промышленности:

«Посещение советской Киргизии оставило у нас самое хорошее впечатление. Самое главное, как мы убедились, — народ стремится к прогрессу, содружеству всех народов, к тому, чтобы торжествовал мир на всей земле».

ДАРМОДАР ЛАЛ ДЖОСИ,
член исполкома Ассоциации непало-советской дружбы:

«Расскажем своим соотечественникам о советской Киргизии, современном уровне ее жизни, об устремлениях и заботах ее людей. Уверены, что это вызовет у нас на родине большой интерес и восхищение».

«Литературный Киргизстан», 1966,
№ 5, стр. 38—39.

ХАСАН ХУФЕЗ,

заместитель Генерального секретаря Организации
солидарности народов Азии и Африки:

«Опыт республик Средней Азии и Казахстана особенно ценен для освободившихся стран тем, что их экономика опирается на сельское хозяйство. А успехи Казахстана, Киргизии, других республик Советского Востока свидетельствуют о том, что могут дать аграрные преобразования крестьянству.

Встреча во Фрунзе, организованная по инициативе Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и Академии наук СССР, — это хороший эксперимент, он полезен. В докладах советских ученых дана яркая, впечатляющая картина грандиозных перемен в жизни народов Советской Средней Азии. Их путь целесообразно изучить. Это касается осуществления и земельной, и водной, и других реформ».

СИ СОРИ,

депутат национального собрания Верхней Вольты:

«Я впервые в Советском Союзе, в стране, которая много работает, здесь, как мы убедились, процветает творческий коллективный труд. Об этом свидетельствует и Выставка достижений народного хозяйства, и успехи колхоза «Сынташ», где нам довелось побывать. Все это впечатляет. Моей стране надо многое еще сделать, чтобы прийти к таким результатам, как у вас».

ЭМИЛЬ СОМБО,

представитель Анголы:

«Дружно, счастливо живет киргизский народ. Его замечательный опыт в строительстве новой жизни пригодится моему народу, борющемуся за свободу и независимость.

Моя страна по климатическим условиям близка к богатой Киргизии. Вот почему ваши достижения в аграрных преобразованиях представляют для Анголы особый интерес. В этом мы видим свое будущее».

ДИССАНАЯКС ДЖАЙРАТМЕ,

член парламента Цейлона:

«Знакомясь с Киргизией, мы воочию увидели ее успехи. По возвращении домой, я, как член парламента, сделаю все для того, чтобы лучшее применить у себя на родине».

«Советская Киргизия», 29 августа
1971 г.

ДЖОРДЖ МЭРФИ,

«Афро-Америкэн» Вашингтон:

«...В 1949 году в Киргизии один из горных пиков Тянь-Шаня был назван именем Поля Робсона за его громадный вклад в дело укрепления мира и дружбы между народами. Как писал недавно канадский журнал «Нозерн нейборз», в Киргизии собираются оказать честь еще одному всемирно известному негритянскому борцу за свободу. В горах Тянь-Шаня будет «Пик Анджели Дэвис». Группа молодых киргизов-альпинистов намеревается подняться на эту вершину высотой 16 тысяч футов (фут=30,5 см) и установить там гравюрный портрет Анджели Дэвис, выполненный Ольгой Мануйловой — известным киргизским скульптором (в настоящее время альпинисты уже взойшли на эту вершину и дали ей имя Анджели Дэвис. Прим. ред. журнала «За рубежом»).

Таджики так же, как киргизы и другие народы СССР, с большой теплотой вспоминают о посещении их республики Полем Робсоном. Они помнят его песни, которые он исполнял на нескольких языках и которые объединяли нашу борьбу за права негритянских масс с освободительной борьбой народов Азии, Африки и Латинской Америки».

Журнал «За рубежом», № 44, 1972 г.,
стр. 2—3.

ИБРАГИМ НАИМИ,

глава делегации Общества дружбы «Сирия — СССР»,
член его исполкома:

«Промышленные успехи Киргизии — сказочны. Они возможны только в стране, где трудовой народ является хозяином своей судьбы, где интересы трудящихся и государства — едины».

АРМЕЛИО АЛЬФАНСО,

секретарь профсоюза базовой промышленности Республики Куба
по вопросам организации труда и социалистического
соревнования:

«Нас встречали друзья, и мы никогда их не забудем. В промышленности, на любом предприятии у вас царит высокий трудовой ритм. Им охвачены все рабочие. Именно рабочий энтузиазм позволяет добиваться больших успехов в движении вперед. Это то, к чему стремимся и мы».

ДЖАРНЕТ КАСЕ,

глава делегации Национальной Ассамблеи Республики
Кении, заместитель министра информации и радиовещания
Кении:

«Киргизия — высокоразвитая республика социалистического типа. На членов парламентской делегации Кении исключительное впечатление произвели высокие темпы индустриального роста Киргизии, большой трудовой энтузиазм трудящихся республики. Его полезно перенять всем народам, сбросившим оковы колониализма и вставшим на революционные преобразования».

До Октябрьской революции 1917 года в Киргизии было всего несколько примитивных производств по переработке местного сельскохозяйственного сырья. Сейчас — это край высокой индустрии.

Во всех ваших экономических победах огромная роль принадлежит Советам депутатов трудящихся во главе с Верховными Советами Киргизии. В его составе представители 20 национальностей и народностей СССР. Народные избранники, вместе со всеми трудящимися республики успешно решают все вопросы хозяйственного и социально-культурного строительства.

От имени всех членов делегации, всего народа Республики Кении душевно поздравляю трудящихся Киргизии с достигнутыми победами, желаю им дальнейших успехов на пути к процветанию¹.

МАКС ШМИДТ,

глава делегации руководящих работников Социалистической
единой партии Германии, заместитель заведующего отделом
ЦК СЕПГ:

«Мы значительно расширили и углубили свои знания о Киргизии. Повсюду нас встречали с открытым сердцем, охотно и щедро делились богатым опытом во всех областях жизни и особенно в промышленности. Этот опыт, безусловно, будет весьма полезен в нашей практической деятельности».

¹ Печатается по изданию: А. Комаров. Все флаги — в гости... Издательство «Кыргызстан», Фрунзе, 1973.

ЭДУАРД МХИНА,

глава партийной делегации Африканского национального союза Танганьики (ТАНУ), член Национального исполкома партии:

«Промышленные успехи советской Киргизии грандиозны. Убедительно рассказывает о них республиканская Выставка достижений народного хозяйства, которую мы посетили. В Киргизии действует широкая сеть промышленных предприятий. И это — в крае, где сравнительно недавно день был, как ночь.

Делегация ТАНУ находилась в СССР по приглашению ЦК КПСС. В Киргизии предметом нашего внимания была экономика горного края, промышленные предприятия, новостройки, жизнь рабочих. На сельмашзаводе имени Фрунзе мы подробно ознакомились с делами механо-сборочного цеха. Здесь была в разгаре, начатая 4 сентября, юбилейная трудовая неделя в честь одной из советских республик — Российской Федерации, и мы оказались свидетелями горячего трудового подъема рабочих, готовящих производственные подарки в честь 50-летия образования СССР. Мы были у рабочих станков, беседовали с токарем М. Абдыкадыровым, фрезеровщиком А. И. Сисюкиным и другими тружениками. Все они полны стремления работать еще лучше.

Мы с удовлетворением убедились в том, что для каждого рабочего трудиться на таком предприятии — большая честь и большая радость.

Особенно приятно было узнать, что на заводе созданы хорошие условия не только для производства, но и для отдыха. Вся его организация проводится на заводе как нельзя лучше. Правильное решение этой важной проблемы для нас очень полезно и поучительно».

ЛЕ ТОАН,

вьетнамский экономист:

«В Киргизии, как и других Советских республиках, мы видим светлое завтра нашей страны. Коренные преобразования осуществляются здесь при постоянной помощи государства, координирующего планы и обеспечившего комплексное решение всей проблемы. И эти меры проводились в таких масштабах, которые вызывают искреннее восхищение. Усилия народа, пользующегося громадной поддержкой, обеспечило социальный прогресс. Выражаю сердечную благодарность народу Киргизии, который, как и все советские люди, солидарен с вьетнамским народом и желает ему счастья».

МУХАММЕД АБДЕЛЬ ЛАТЫФ ДАХРУГ,

председатель профсоюзного комитета работников социального обслуживания Каирской области (Египет):

«Перед нами предстала республика высокой механизации сельского хозяйства, особенно земледелия.

Это позволяет получать высокие сборы сахарной свеклы, других сельскохозяйственных культур. Обычные оросительные системы у вас заменены самоходными дождевальными установками. Мы их встретили во многих сельскохозяйственных кооперативах. И все, что мы увидели в Киргизии, превзошло все наши ожидания. Мы убедились, что машины не только избавляют крестьян от тяжелого ручного труда, но и дают большой экономический эффект».

ДЖАМА РАВИЛЕ,

генеральный директор министерства государственного планирования Сомали:

«Советские республики, в том числе Киргизия, достигли уровня самых современных государств, а моя страна находится примерно на такой стадии, в какой они были накануне Октябрьской революции. Практика экономического развития, и особенно в области аграрных преобразований в Средней Азии имеет для Сомали огромное значение с социально-

экономической и политической сторон. Мы должны развиваться, как вы. Каждая среднеазиатская республика — школа новой жизни, а в Киргизии я вижу будущее своей страны. Я был удивлен, узнав, что сейчас в Киргизии каждый колхоз имеет в среднем более ста тракторов, комбайнов и грузовых автомобилей, множество других сложных машин. Это позволяет широко механизировать крестьянский труд, получать весьма солидные доходы и от земледелия, и от животноводства».

АБДЕЛЬ ХАЛЕМ ИДРИСИ,

директор Сирийского сельскохозяйственного техникума, член национального Комитета афро-азиатской солидарности:

«Огромное впечатление произвело обилие самой разнообразной техники, высокий уровень механизации. Меня заинтересовал комплекс советских машин, предназначенных для свекловодства. Такие машины, избавляющие крестьянина от ручного труда и дающие большой экономический эффект, как раз то, что нужно Сирии. Советские свеклоуборочные комбайны, работающие в Киргизии, по моему мнению, лучше изготавливаемых в ФРГ, где мне довелось знакомиться с техникой».

КАБА СУАРЕ,

преподаватель Конакрыйского института (Гвинея):

«Знакомясь с колхозами Киргизии, мы получили весьма убедительный факт, характеризующий поистине гигантские шаги, которые проделала Советская Средняя Азия в короткий исторический срок. Этот большой и ценный опыт, безусловно, имеет значение для развивающихся стран Афро-Азиатского континента».

ГОГУЛА ПАРТХАСАРАТХИ,

профессор университета города Андра (Индия):

«Вы блестяще сумели изменить отсталую форму жизни крестьян. Все новое у вас основано на дружбе и полном взаимном понимании народов СССР».

Вы выпускаете великолепные, на любой вкус собрания машин для сельского хозяйства. Но дело, конечно, далеко не только в этом. У вас благами механизации пользуются не отдельные состоятельные люди, а все крестьянство. Никакая буржуазно-демократическая революция не может решить такого глобального вопроса, как аграрно-крестьянский. Киргизия, как и другие районы Советского Востока, в прошлом одна из самых отсталых окраин России, ныне — процветающая республика с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством. Предпосылки для этого были созданы Октябрьской социалистической революцией 1917 года. Жирная стрела на киргизской карте международных экономических связей идет и в Индию. Мы получаем из Киргизии совершенные приборы, станки, машины. А индийский крестьянин пока может лишь мечтать об уровне вашей механизации. Киргизия в этом отношении является эталоном для развивающихся стран Азии и Африки».

ГОНЧИГИЙН РЭНЦЭН,

секретарь по идеологической работе Убур-Хангайского аймака (МНР):

«Ваша республика служит для нас настоящей сельскохозяйственной академией. Особый интерес для нас представляют улучшение породности скота, механизированная заготовка кормов — основа развития животноводства. Эта работа проводится в Киргизии на самом высоком уровне».

Члены делегации Общества Монголо-Советской дружбы побывали во многих овцеводческих колхозах и совхозах, изучили передовые методы хозяйствования.

Подробно изучили мы трудовую жизнь высокогорного совхоза «Сон-Куль». Здесь практикуется тонкорунное и полутонкорунное овцеводство. От каждой сотни овец в этом году получили в среднем по 113 ягнят. Чистая годовая прибыль хозяйства превышает полтора миллиона рублей.

Большие ассигнования выделяются в совхозе на культурно-бытовое строительство. Недавно на средства совхоза сооружены новые гостиница, клуб, средняя школа с интернатом. В нем воспитываются 450 детей чабанов, табунщиков, пастухов. Нас порадовали просторные спальни, светлые классы, кабинеты и учебные лаборатории. В ленинской комнате мы встретились с пионерами и вручили им картину, на которой запечатлены образы В. И. Ленина и Сухэ-Батора. В свою очередь ребята преподнесли нам книги.

Много интересного узнали мы в Иссык-Кульской области, совершив многодневное автомобильное путешествие вокруг озера. Красота его бесподобна, курорты «Голубой Иссык-Куль», «Джеты-Огуз» и другие — восхитительны. Советское государство окружает большой заботой простых тружеников города и села.

Приятно было встретиться с коллективным членом Общества Советско-Монгольской дружбы — рабочими Оргочорской опытной станции по овцеводству.

В хозяйстве 40 тысяч овец киргизской тонкорунной породы. Она выведена в Киргизии. Передовые чабаны получают от каждой сотни овец по 140 ягнят. Настриг шерсти с овец достигает пяти килограммов. Это — большой успех.

Достижения друзей радуют нас, многому учат. Особенно нас впечатлили культурные пастбища. Они отлично служат повышению продуктивности животноводства. Такая постановка дела — образец для любого животноводческого хозяйства.

На Иссык-Кульском конезаводе мы убедились в высоких качествах лошадей новокиргизской породы. Из табунов в Киргизии создают кумысные фермы. Высокорослые, прекрасно приспособленные к условиям гор, они имеют и мясное направление.

Киргизия — советская республика трудолюбивых людей. Их большая работа дает замечательные плоды. Они — и в экономическом и культурном строительстве. Радостно созна-

вать, что наши киргизские друзья охотно делятся с нами своими достижениями, хотят видеть их и у нас. Уезжая из Киргизии, мы навсегда сохраним в сердце теплоту встреч с советскими братьями».

НАРУЛ УЛА,
профессор инженерно-технического университета города
Дакки (Бангладеш):

«Ваши театры — это большое духовное богатство народа. Они, — что особенно хочется отметить, — достояние всех трудящихся, всего народа, который у вас постоянно приобретает высокую культуру».

НОЙ СЕМПИРА,
видный африканский общественный деятель, директор издательства
«Бюро восточно-африканских литератур» в Найроби (Кения):

«Народы Восточной Африки долгое время были лишены культурных связей с окружающим миром. Даже, до недавнего времени, очень трудно было позвонить по телефону из одной африканской страны в другую, соседнюю. Такая связь осуществлялась только через Лондон. Это было в интересах колонизаторов.

Только теперь, получив самостоятельность, свою государственность, мы смогли приблизиться к духовным богатствам всего мира.

Впервые африканцы соприкоснулись и с советской, в частности, с киргизской литературой. Сейчас мы прилагаем усилия, чтобы сделать советскую литературу известной и в наших краях. Первая советская книга, которую мы сами перевели и скоро издадим на родном языке многих народов Африки — суахили — повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!».

«Встречи с людьми Киргизии убедили в том, что сегодняшняя социалистическая культура советских народов — самая передовая, самая прогрессивная.

Приятно было подробно ознакомиться с нею, установить тесную связь. Эти связи мы будем стремиться всемерно расширять и углублять. В них — залог движения вперед культур всех африканских народов».

АБДАЛЛА САЛЕХ АЛЬ-БАРР,

член ЦК Национального фронта и член Верховного народного Совета Народной Демократической Республики Йемен:

«В Киргизии учащимися являются не только школьники и студенты, но и рабочие, крестьяне, они учатся, убедились мы, с большим старанием, расширяют круг своих знаний. И объявленный в вашей стране поход за всеобщее среднее образование — это верный путь к достижению общего высококультурного общества. Именно высшее образование, высокая культура ваших людей в большой степени способствуют успеху в выполнении экономических планов и поднятии жизненного уровня всего народа.

И такой постановке дела народного образования стоит поучиться любой стране мира, не говоря о государствах, только что вставших на путь самостоятельного развития. Результаты всеобщей учебы — во всем. Они в развитии промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, других сферах общественной жизни.

Для нас очень важно было узнать, каким путем пришла ваша республика к процветанию и прогрессу. И мы это узнали. Особенно нас порадовали дружественные чувства советских людей к развивающимся странам Азии и Африки. Мы уверены, что при поддержке и помощи вашей великой страны Народная Демократическая Республика Йемен добьется новых побед в борьбе за счастье своего народа».

САКО МУХАМЕД,
глава делегации, участвующей в проведении Недели дружбы советской и гвинейской молодежи:

«Киргизия убеждает. Киргизия учит. Для Гвинеи — это урок. И мы гордимся, что выбрали правильный путь — путь социалистического развития. Советский Союз прав, когда выражает свою гордость Киргизской республикой. Пройдет определенное время и наша родина также войдет в число высокоразвитых стран. Добиваться этого будет весь народ, в первую очередь молодежь. Ваша молодежь достойна всяческого восхищения. Своим трудом, энергией она отвечает на большую заботу о ней со стороны партии и государства. Действительно, перед ней все дороги для учебы, роста, дерзаний. Так, помимо профессиональных театров, при домах культуры, построенных не только в городах, но и во всех колхозах, более 60 тысяч юношей и девушек занимаются в театральных студиях, кружках художественной самодеятельности. Многие любители посещают 72 музыкальных школы. Счастливых им успехов в их начинаниях.

Мне кажется, что вы сделали все, чтобы мы чувствовали себя прекрасно в вашей стране, где царствует климат дружбы. И я бы назвал обстановку, сопутствующую нашему пребыванию в СССР, вдохновляющей.

Неделя, проведенная в Киргизии, была великолепной. Слово «Киргизия» — мы воспринимаем теперь как символ братства между гвинейским и советским народами».

ЖОЗЕФ АБУ ХАТЕР,

депутат парламента Ливана, вице-президент Общества ливано-советской дружбы:

«Пребывание в Киргизии было весьма полезным и приятным. Мы, ливанцы, всегда были счастливы поддерживать дружбу с СССР, глубоко верим в бескорыстное стремление вашей великой страны оказать справедливую поддержку и помощь арабским странам во имя мира и во имя дружбы между народами.

Если говорить о Киргизии, познакомиться с которой нам довелось, то можно сделать вывод об огромных успехах, одержанных в народном образовании. Визит в Университет показал нам широкие горизонты в области народного образования на всех уровнях и во всех областях знаний».

МУСОКОРО ТРАОРЕ,

экономист из Конакри (Гвинея):

«Я был покорен увиденным концертом ребят. Это были чудесные мгновения: мы встретились со счастливым детством. Как важно родителям быть уверенными, что твои ребята окружены огромным вниманием и заботой. Можно быть уверенным, что растет счастливое поколение, осуществляющее свои мечты. Мечты эти сбываются: в Киргизии почти две тысячи школ, где занимаются буквально все городские и крестьянские дети. И в каждой из них созданы студии и кружки детского творчества».

КИЕСИ МОМОТА,

председатель Всеяпонского профсоюза работников
финансового бюро:

«Удивительной заботой о подрастающем поколении Киргизия может гордиться на весь мир. Мы видели заботу о детях в Киргизии с младенчества и до получения «путевки в жизнь». Мы посетили, в частности, дошкольный комбинат, построенный для четырехсот детей текстильщиц. В нем построены залы и летние площадки с множеством игрушек, удобно меблированные спальни, столовая. Ребята живут на всем готовом, под наблюдением врачей и педагогов. Таких детских учреждений в Киргизии много. И это очень о многом говорит: — о счастливом детстве...».

НАКАУ МИЦУСИГЭ,

председатель национального Совета профсоюзов работников
деревообрабатывающей промышленности (Япония):

«Покорил нас город Фрунзе — столица Киргизии. В нем много красивых зданий. К ним прибавляются новые многоэтажные дома в растущих микрорайонах. Все блага вашего города — зеленых садов, здорового озона предназначены рабочим. Это прекрасно. И мы это прекрасное откроем соотечественникам, передадим им ваши добрые симпатии к нам и будем прилагать все усилия, чтобы Япония и Советский Союз всегда жили в мире и дружбе».

БАЦЛАВ ДАВИД,

член ЦК КПЧ, заместитель председателя Федерального собрания
ЧССР, председатель народной палаты:

«Находиться в вашем городе — большая радость. Каждая его улица — аллея, каждый район — красивый сад. Особенно нам приятно было отметить с трудящимися столицы республики день великого праздника Победы над фашистской Германией. Сейчас город полон мирного труда, счастья жизни. Это ощущается во всем: и в улыбках ваших людей, и в новых жилых кварталах, и в веселых песнях детей... Глубокое впечатление на нас произвело посещение мемориального музея легендарного советского полководца Михаила Васильевича Фрунзе, уроженца Киргизии, именем которого названа столица республики.

Каждый экспонат музея — волнующая страница жизни прославленного полководца Армии вашей страны, которой Чехословакия обязана своим освобождением от фашистского ига гитлеровской Германии. Знакомясь с дорогими реликвиями, мы словно приблизились к человеку большой и славной судьбы, верному соратнику Ленина».

ЧЛЕНЫ ДЕЛЕГАЦИИ ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ «БАНГЛАДЕШ — СССР»:

«Мы с радостью узнали о промышленных и культурных достижениях Киргизии, равной среди равных республик Советского Союза. Добиться таких успехов народ смог только благодаря торжеству социализма и дружбе народов под руководством Вашей партии.

Особенно нас впечатлил город Фрунзе с его красивыми улицами, домами, дружественно настроенными и охваченными искренним чувством гостеприимства людьми. И наша дружба с ними, со всем советским народом будет вечной. Этой дружбы никто и никогда не расторгнет!»

АЛЬФРЕД БУКА МВАЙСАКО,

правительственный комиссар округа Начингвея Танзании:

«Моей стране особенно важен опыт советских республик. Мы нашли новый путь и нам много еще надо учиться у страны победившего социализма.

Меня особенно интересовала постановка сельского здравоохранения. У вас всем людям предоставлена бесплатная медицинская помощь. Очень разнообразны и интересны ее формы. Это, в частности, передвижные амбулатории, смонтированные в автомобильных фургонах. Такие медицинские учреждения, обслуживающие животноводов на пастбищах, — отличное дополнение к широкой сети ваших сельских больниц.

Более, чем к ста больницам и фельдшерским пунктам, открытым в местах отгонного животноводства, прибавились десятки передвижных амбулаторий. Они движутся вслед за скотоводами, перегоняющими стада.

Размещенная в специальном автомобиле-фургоне, такая амбулатория имеет врача, фельдшера, санитарок, медицинское оборудование, аптеку. В случае необходимости в горы

летят вертолеты или самолеты санитарной авиации, вызываемые по радио. В год совершается свыше двух тысяч таких вылетов опытных врачей. Функционируют также передвижные зубо врачебные кабинеты.

Каждый год из государственного бюджета Киргизии выделяются крупные суммы на нужды народного здравоохранения. Теперь в горном крае на 470 жителей приходится врач. Большую исследовательскую работу ведут шесть медицинских институтов, в том числе институт охраны материнства и детства.

По официальной статистике, в Киргизии давно исчезли такие опасные болезни, как чума, оспа, паразитарные тифы... В республике давно не было зарегистрировано ни одного случая заболевания малярией. В прошлом же в районах орошаемого земледелия ею страдало около половины населения».

СЭРИ КУЛИБАЛИ,

директор службы развития сельского хозяйства в высокогорных областях Мали:

«Советской школой новой жизни стала Киргизия, в прошлом самый отсталый район, на примере которой наиболее рельефно видно величие преобразований. Ведь все здесь начиналось практически с нуля как в земледелии, так и в индустрии, народном просвещении и здравоохранении.

В Киргизии, как мы убедились, блестяще сумели изменить отсталую форму жизни. Советская новь основывается на дружбе и полном взаимопонимании народов СССР».

БАЙКУНТА ПРАСАД ЛАКУЛ,

глава делегации Ассоциации непало-советской дружбы:

«Киргизия во многом может служить для развивающихся азиатских стран хорошим уроком. Особенно большое впечатление на нас произвел высокий уровень механизации сельскохозяйственных работ. Мы увидели такие машины, которые — мечта любого земледельца. Они делают труд людей легким и радостным. К этому стремимся и мы. В достижении цели верным другом Непала выступает Советский Союз. С его помощью мы построили сахарный завод, больницу, электростанцию. Работа в этом направлении при поддержке советского народа ведется и сейчас.

Это конкретная форма наших отношений. Нам приятно отметить, что в числе советских поставщиков различного сельскохозяйственного оборудования значится и гостеприимная Киргизия. Мы очень благодарны Советскому Союзу и, в частности, Киргизии за оказываемую помощь. Успехи киргизского народа — результат победы идей Ленина. Они, как маяк, освещают путь всем народам к прогрессу».

ИСААК АЙНДЕ АДАЛЕМО,

преподаватель экономической географии Лагосского университета:

«Киргизия, как и другие республики Советского Востока, достигшая колоссальных успехов в общем подъеме экономики и особенно в преобразовании сельского хозяйства и его механизации, — достойна служить примером для развивающихся стран. Изучение опыта республик Средней Азии имеет самое актуальное значение и для Нигерии. Возвратившись на родину, обязательно напишу в журнале о полезном опыте. Постараюсь стать пропагандистом всего хорошего, что может принести пользу людям моей страны».

ФРАНСИКО ШИКО БА (ДА СИЛВА),

член исполкома Высшего Совета борьбы Африканской партии независимости Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса (ПАЙГК):

«Я посетил Киргизию, будучи в СССР по приглашению Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки в связи с празднованием Недели солидарности с народами юга Африки и португальских колоний и 10-й годовщины образования Организации африканского единства (ОАЕ).

Киргизия убеждает в одном: ваш народ живет полнокровной трудовой жизнью и ею нельзя не восхищаться. Отсталый в прошлом край добился выдающихся успехов.

Мы знаем о той огромной помощи, которую оказывает нам ленинская партия, Советское государство. Мы постоянно ощущаем симпатии к нам и большую поддержку со стороны советских людей. Это придает нам силы в борьбе и уверенность в победе. Вот почему слова: «Советский Союз — Дружба — Победа — Свобода» — для нас едины».

ШАРЛЬ АРОШ,

публицист, сотрудник еженедельника «Франс Нувель»:

«Все достигнутые в Киргизии экономические и культурные победы — результат дружбы советских народов, справедливой национальной политики КПСС. Конкретные факты ваших преуспеваний показывают, как социализм может поднять на высоту некогда отсталый народ».

ПХАНИ БОРА,

член Центрального исполнительного комитета Компартии Индии, руководитель партийной организации штата Ассам:

«Киргизия — процветающий край. Плоды ваших стараний очень примечательны. Они видны во всем. Успехи трудящихся

Киргизии, как и всего советского народа, вдохновляют коммунистов Индии на дальнейшую борьбу за социальные преобразования, за счастье индийского народа. Киргизия — яркое свидетельство того, что лишь социализм может успешно разрешить все социальные проблемы».

ЭСКИЕЛЬ ПОНСЕ,

глава делегации Социалистической партии Чили, член
Политической комиссии, секретарь ЦК СПЧ:

«По географии наша страна далеко от Киргизии. Но она близка ей по идеям, политическим воззрениям. Мы очень довольны и взволнованы дружескими встречами с рабочими. Их труд показал, каких больших результатов может добиться народ под руководством Коммунистической партии. Вернувшись на родину, мы передадим ваш опыт своему народу. Он поможет в дальнейшем прогрессе нашей экономики.

Многочисленные встречи с людьми Киргизии раскрыли перед нами высокоразвитую индустриально-аграрную республику на юге страны, духовные богатства ее людей.

Нас принимали в Киргизии не только как друзей, а как братьев. Мы убедились, что трудящиеся вашей республики, как и все остальные люди, питают к чилийскому народу большую симпатию, желают ему успехов в строительстве новой жизни. Эта интернациональная поддержка воодушевляет нас на дальнейшее движение вперед. В борьбе чилийского народа за социальный прогресс неоценимую помощь оказывает советский опыт в области развития экономики и культуры.

Взяв социалистическую ориентацию, народ Чили будет неуклонно следовать этому курсу и, безусловно, добьется новых побед на пути к поставленной цели».

ЧЛЕНЫ ДЕЛЕГАЦИИ РАБОТНИКОВ ФЕДЕРАЦИИ ТРУДА АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ:

«Выражаем наше восхищение успехами, которых добилась одна из республик Советского Союза — Киргизия в области промышленности, сельского хозяйства и культуры. Мы рады

за такие большие победы у дружественного народа и мы будем стремиться сделать все, чтобы укреплять нашу дружбу. Наша дружба, экономическая поддержка со стороны Советского Союза помогают нам в борьбе с империалистами и израильскими сионистами.

Дружеские чувства, проявленные к делегации, мы относим ко всему народу Арабской Республики Египет, который обязан Советскому Союзу в достижении многих успехов на пути к новой жизни. Всему миру известна помощь первой страны социализма в строительстве Асуанской плотины, крупнейшего на Ближнем Востоке металлургического завода в Хелуане. Таких примеров можно привести немало. Мы и в дальнейшем будем стремиться всемерно укреплять нашу дружбу и сотрудничество, ибо в них — залог мира и безопасности всех арабских народов».

КАРМЕН РИСТОРУЧЧИ,

секретарь женской комиссии Компартии, член ЦК КП США:

«О социализме мы многое знали и раньше из книг, периодической печати. В Киргизии его торжество мы увидели своими глазами и убедились, что только он предоставляет истинные права трудовому человеку, в частности, неограниченные возможности для проявления личности женщины.

ДЖОРДЖ ЛЕНСОН,

профессор истории (США):

«В Киргизии я впервые. И я очарован ею. Прежде всего ее природой. Горы Тянь-Шаня очень похожи на скалы в Колорадо, а зеленые солнечные долины — на низовья Южной Калифорнии. Уже одно это покорило и обрадовало. Тем более, что у нас во Флориде очень много влаги. В Киргизии же — суше, над ней всегда — яркое солнце. Это о природе. Что касается города Фрунзе, — он бесподобен. Он — сплошной сад. А улица Дзержинского, на которой расположена гостиница, просто уникальна. На ней можно и отдыхать, как в сквере, уютно посидеть на лавочке и побеседовать. Автомобили по этой улице отделены от людей зеленой стеной кустов и деревьев.

Очень тронуло гостеприимство. Это — и в русском, и в восточном духе. Охотно принимали нас в Академии, музеях, университете. Очень хороша ваша публичная библиотека. И не потому, что в ней я нашел свои книги. Она очень содержательная, хранит много мировых сокровищ. И это очень импонировало. В ней приятно работать. В США мало знают о Киргизии и, если предоставляется возможность побывать в Средней Азии, едут в Бухару, Самарканд. А у вас интересного отнюдь не меньше. Вот хотя бы народное прикладное искусство. В нем много выдумки, мастерства. Я весьма охотно ношу, например, киргизский колпак, который мне подарила жена Румия, уроженка здешних мест. И ей, и мне очень нравятся изделия народных умельцев, мы охотно их приобретаем. Кстати, моя жена давненько не была во Фрунзе и стала в нем плохо ориентироваться: так он вырос и изменился за последнее время».

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Юлиус Фучик: «Пятнадцать наречий в едином ритме»	7
Близкий друг из далёка	81
Ханс Шерфиг. В гостях у киргизов	83
Мир смотрит на нас	131
По древнему следу	133
Голоса гор	138
Пастухи на вертолетах	141
Строители-альпинисты	143
Пусть крепнет наша дружба	148
Я видела, я слышала, я узнала	149
Символ большой дружбы	151

К 43 **Киргизстан глазами зарубежных друзей.** Статьи, очерки, путевые записки, письма, зарисовки, отзывы. Сост. Н. Губарева. Ф., «Кыргызстан», 1974. ©

180 с. Библиогр. ссылки лит. в конце статей.
20 см. 10000 экз. 50 к.

Много раз Киргизию посещали зарубежные писатели, журналисты, видные общественные и государственные деятели. Их впечатления о нашей республике, о грандиозных успехах ее в области экономики и культуры за 50 лет публиковались на страницах советской печати. В настоящем сборнике эти публикации собраны воедино.

91н

КИРГИЗСТАН — ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ

Составитель *Н. А. Губарева*

Художник *И. Соколов*
Рецензент *Н. А. Ялымов*
Редактор *В. Я. Вакуленко*
Худож. редактор *И. Ф. Бульба*
Техн. редактор *Г. Шаршекеева*
Корректор *Р. Шинтасова*

Сдано в набор 27/III-1974 г. Подписано к печати 22/VIII-1974 г. Д—01108. Бумага типографская № 1. Формат 60×84¹/₁₆, 11,25 физич. печ. л., 10,46 условн. печ. л., 8,17 учет.-изд. л. Тираж 10000. Заказ № 1256. Цена 89 к.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102,
Киргизполиграфкомбинат Госкомитета Совета
Министров Киргизской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.

